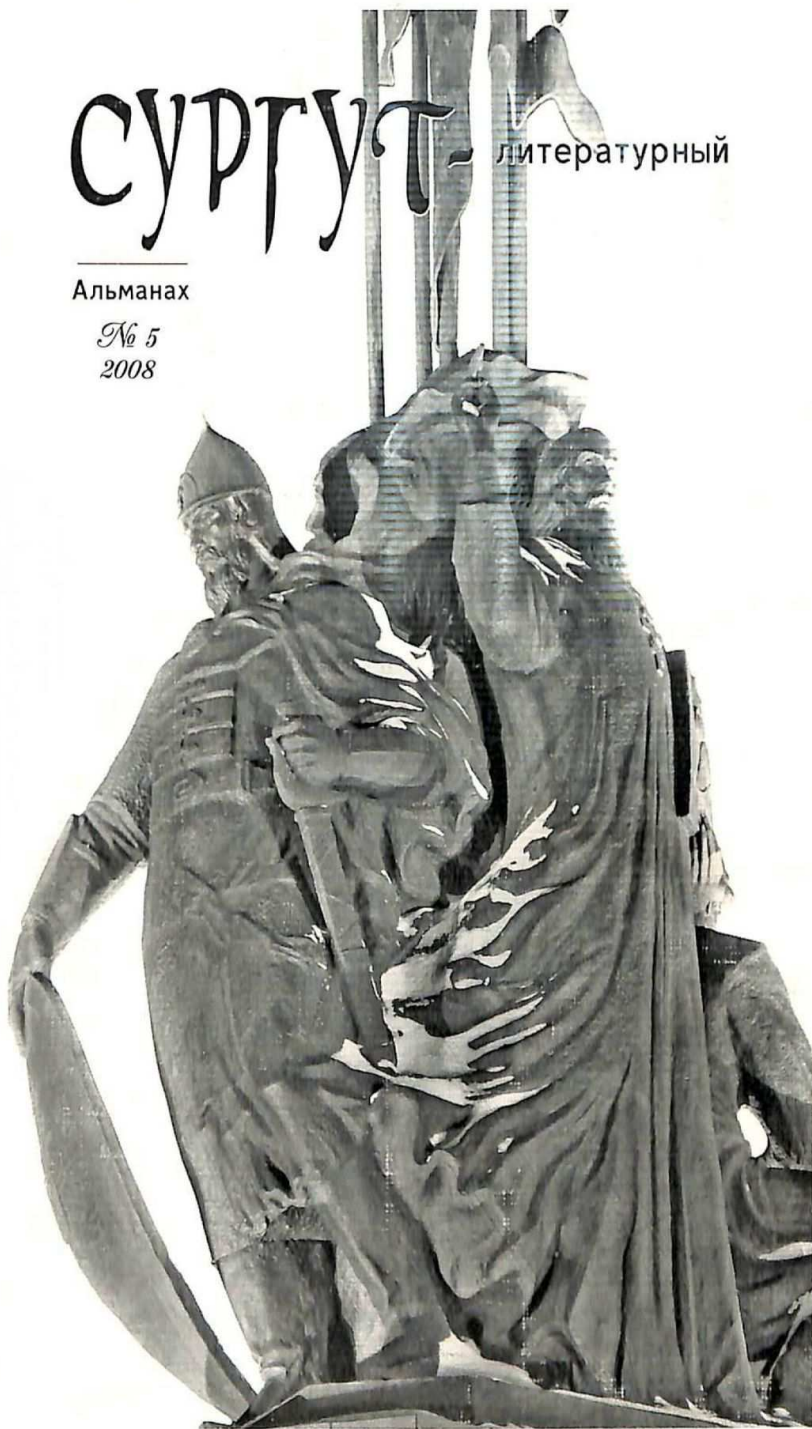

сургут — литературный

Альманах

№ 5
2008

сургут

литературный

Альманах

№ 5
2008

б/и

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ

№ 5
2008

СУРГУТ *литературный*

ГОРОДСКОЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФОНД РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

СОДЕРЖАНИЕ

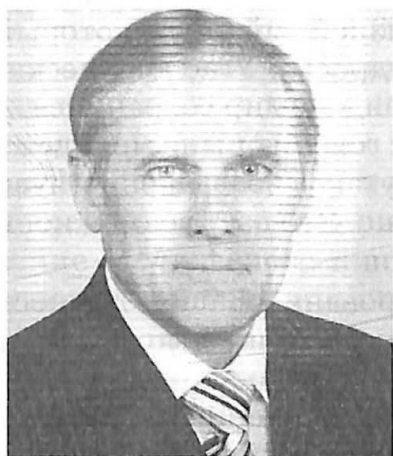
ПРАВО ВЫБОРА	3
Ю. Дворяшин в беседе с Я.Черняком	
<i>Поэзия</i>	
ПЕТР СУХАНОВ	9
Приговоренный к любви	
СЕРГЕЙ АБРАМОВ	81
Рассветная даль	
ВИКТОР ГАВРИЛОВ	107
Городской романс	
<i>Проза</i>	
ВИКТОР ФЕДОТОВ	18
Сургутский марафон	
ОЛЕГ РИХТЕР	87
Лукоморье	
ОЛЕГ НИКУЛИН	122
Юмористические рассказы	
<i>Сургутская гостиница</i>	
НИКОЛАЙ РАЧКОВ	127
Порыв души исповедальной	
ЛЮДМИЛА ВЕТРОВА	137
Поиск души	
<i>Литературная критика</i>	
СВЕТЛАНА ТЮРМОРЕЗОВА	143
«Россия! Останься собою и душу свою сохрани» (о лирике Н. Рачкова)	
ЮРИЙ МЕШКОВ	152
Сибирское шолоховедение	
ВАЛЕНТИН ГРИГОРЬЕВИЧ РАСПУТИН	155
МУЗЕЙ М.А. ШОЛОХОВА В СУРГУТЕ	160
<i>Юбилей</i>	
ЕРЕМЕЮ АЙПИНУ - 60 ЛЕТ	161
<i>Память</i>	
АНАТОЛИЙ ПРОХОРОВИЧ ЗУБАРЕВ	162
<i>Хроника литературной жизни Сургута</i>	
О нас пишут	165

ПРАВО ВЫБОРА

Главный редактор альманаха «Сургут литературный»

Юрий Дворяшин в беседе с заместителем главы администрации города Сургута Яковом Черняком

Ю. Дворяшин: Уважаемый Яков Семенович! Редколлегия альманаха искренне признательна Вам за то, что Вы нашли время, чтобы ответить на вопросы наших читателей. Думаю, что многих, кто Вас знает со стороны, интересует вопрос: как Вам, человеку творческому, живется в роли чиновника?

Я. Черняк: Да, должен сказать, что эта проблема была и остается предметом моего постоянного внимания. Ведь что есть чиновник? Каким он должен быть? Тут возможны два варианта ответа. Первый: ты неукоснительно выполняешь букву закона, не задумываясь особенно о том, как эта «буква» соотносится с конкретным человеком. Тогда твоя работа становится спокойной, рутинной. Сформулировав полученное задание, ты соотносишь его с существующими законами, и тебя не интересует дальнейшая жизнь, судьба человека. При этом твоя душа спокойна: ты все сделал абсолютно правильно. В этом случае можно жить и работать без потрясений: точить болванку или вышивать крестиком. Но есть и другой путь, который открыт и для меня. Это когда чиновник – человек с открытым сердцем, чутко реагирующий на человеческую боль, нужды и потребности земляков. Как

совместить эту душевную настроенность и требования – подчас жестокие – жизненных условий? Трудность состоит в том, что нужно найти золотую середину, чтобы исполнить реальные обязанности и поступить по совести. И каждый раз, сталкиваясь с теми или иными обстоятельствами, вынужден решать множество вопросов, на отдельные из которых не знаешь ответа.

Ю. Дворяшин: Вы сказали: не знаешь ответа. Но ведь в реальной практике – хочешь не хочешь – приходится такие ответы находить. Что в этом случае помогает?

Я. Черняк: Вероятно, я пришел к этой работе вовремя – не раньше и не позже. Сформировался жизненный опыт, который, как известно, есть залог житейской мудрости. Угас юношеский максимализм, хотя романтический взгляд на мир сохранился. И хотя из-за романтичности я иногда, как говорит ныне молодежь, «прокалываюсь», все равно считаю, что такое возвышенно-чувственное отношение к жизни – это хорошо. Это дает возможность не оскудеть душой, жить по-человечески.

Ю. Дворяшин: Видимо, в формировании Ваших личностных качеств сыграли определенную роль воспринятые вами традиции?

Я. Черняк: Да, безусловно. Своими жизненными принципами я обязан, в первую очередь, моей семье. Семья была учительская, а этим для тех, кто понимает, многое сказано. Я бы сказал, что с детства на генном уровне я формировался в атмосфере гуманитарных ценностей. Хотя первое высшее образование у меня – техническое. Я закончил Харьковский политехнический институт, по специальности – инженер-конструктор. В течение десяти лет отработал на заводе в Харькове. А по вечерам, после работы шел в театр, который создал в студенческие годы и которым впоследствии руководил.

Ю. Дворяшин: То есть инженерно-техническое и эстетическое начала взаимодействовали бесконфликтно?

Я. Черняк: Да, так это и было. И вы знаете, скажу более того. Когда я стал чиновником, то обретенное в молодые годы инженерное мышление, которое было достаточно системным, в соединении с творческим началом, идущим от искусства, дало своеобразное личностное качество. Оно оказалось необыкновенно востребованным и в наше время. Например, когда в 90-е годы кое-кто бравировал таким понятием, как «проект», мне такие претензии на новаторство казались смешными, ибо я с двадцати трех лет занимался проектами не в теоретической отвлеченнос-

ти, а реально, практически. Сама идея «проекта» мне совершенно ясна, известен каждый этап его осуществления: эскиз, идея, технология и т.д.

Ю. Дворяшин: Вы упомянули о театре, который создали еще в Харькове.

Я. Черняк: Да, это был студенческий театр, в котором работали мои друзья, молодые актеры Харьковского театра кукол Виктор Шрайман и Валерий Вальковский. Ныне эти имена знает каждый уважающий себя театрал. Эти ребята в Харьковском политехническом институте набрали небольшой студенческий коллектив, ставший прообразом театра пантомимы рук. Идея состояла в том, что рука человеческая может выразить самые тонкие нюансы души. Работа в театре формировала образное мышление, основанное на тончайших нюансах душевной жизни. Мне это очень помогло позднее в моей режиссерской деятельности, не случайно ведь я закончил режиссерское отделение Московского института культуры. А тогда, в Харькове, основатели театра, уезжая в Москву, доверили мне руководить своим детищем. Надо сказать, что наш театр был известен в кругах не только украинской, но и всесоюзной интеллигенции. Время было очень интересное. Мы затрагивали проблемы, которые, на мой взгляд, являются главными в жизни.

Например, проблема выбора. Помню, мы отразили ее в показе судьбы Джордано Бруно. Как мне кажется, это было интересно, грандиозно. Это, безусловно, были счастливые годы.

Ю. Дворяшин: Яков Семенович, мне кажется, Вы обладаете художественным дарованием. В какой сфере? Ну, может быть, пишете стихи, музицируете?

Я. Черняк: Так случилось, что я – хороший слушатель, но не музыкант. Что касается творчества, считаю себя хорошим режиссером. Однако больше склонен к постановке массовых зрелищ, меня в большей степени привлекают, образно говоря, крупные мазки.

Ю. Дворяшин: Вероятно, это сказывается и в организации культурной жизни города Сургута?

Я. Черняк: Да, я стараюсь решать достаточно масштабные задачи, некоторые из которых рассчитаны на многие годы. Понимаю, что при этом мне, может быть, и не удастся увидеть конечных результатов того или иного проекта. Но главное ведь – изменить город, сделать его более духовным, более культурным.

Ю. Дворяшин: Думаю, что здесь есть какое-то совпадение: Ваши склонности к масштабному – и наш замечательный, могучий Сургут.

Я. Черняк: Мне просто Бог дал приезд в этот город. Для меня это – жизненная удача. Я так определяю этапы своей биографии: до 30 лет и после. В 30 лет я, уже взрослый человек, закончивший вуз, десять лет отработавший на производстве, заслуживший уважение в своей среде, покинул родной город и переехал в Сургут. Конечно, я мог проиграть, но мне там становилось тесно, и вот я попытался изменить свою жизнь, и у меня получилось.

Ю. Дворяшин: Но отъезд из Харькова все-таки был болезненным.

Я. Черняк: Еще бы. Я ведь расставался со многим, ставшим привычным, оставлял друзей. Кстати, несколько близких мне людей тоже приехали сюда, но один не выдержал, покончил жизнь самоубийством, кто-то спился, кто-то затерялся в бытовой текучке. Мне повезло, ибо я, как мне кажется, реализовался как личность. За это я благодарен городу, своим коллегам, руководителям. Чрезвычайно благодарен А.Л. Сидорову за то, что он поверил мне и дал возможность самореализоваться.

Ю. Дворяшин: Можно ли считать Сургутский музыкально-драматический театр одним из Ваших достижений?

Я. Черняк: Это осуществление одного из самых заветных моих мечтаний.

Ю. Дворяшин: Вы удовлетворены его современным состоянием?

Я. Черняк: К сожалению, в последнее время я не могу побывать на всех представлениях, но с уверенностью могу сказать, что проект театра в Сургуте – успешен, кто бы что мне ни говорил. Он успешен больше, чем кое-кто думает. И это очень важный проект, ведь он ведет к изменению социальной среды.

Ю. Дворяшин: Позвольте вопрос личного порядка: как Вы проводите свой досуг? В семье?

Я. Черняк: Конечно, тема моего, так сказать, семейного бытия для меня чрезвычайно важна. К сожалению, я не могу в полной мере отдать себя своим родным. Приходишь с работы поздно, уставший. Но любая свободная минута – это общение вместе.

Ю. Дворяшин: Внуки дедушку любят?

Я. Черняк: Да, но чтобы сильнее любили, нужно побольше

общаться. Желание огромное, нужно братья за себя и выстраивать шкалу ценностей, основанную на традициях.

Ю. Дворяшин: Вопрос из другой сферы: социальные изменения последних десятилетий существенно сказались на нравственном состоянии нашего общества. Сплошь и рядом наблюдаются проявления невежества, бескультурия, хамства. Как Вы на это реагируете?

Я. Черняк: Это вопрос из актуальнейших. Я задаю его себе каждый день и делаю все возможное, чтобы решать его в каждом конкретном случае. Безусловно, кризис нравственности в наш переходный период проявляется очень остро. Преодоление слома традиционных российских ценностей, поиск новых составляют одну из центральных задач общества.

Ю. Дворяшин: Это в масштабе страны, а если говорить о сургутской ситуации?

Я. Черняк: Для меня ситуация в Сургуте та же, что и в России. Считаю, что корень зла – бескультурие. Разумеется, речь идет не о том, чтобы правильно держать вилку. Речь идет о вещах фундаментальных: о картине мира, создаваемой в семье, о вечных ценностях. Меня очень беспокоит утрата обществом интереса к чтению, ибо приобщение к книге это и есть приобщение к духовным ценностям. Моя задача – вернуть людей к чтению. Сейчас мы задумали проект «Большое чтение», который я мыслю как массовую акцию. Мы проводим эту акцию в двух странах: в России и в США: они читают русских классиков, мы – Джека Лондона. Уверен, что современному читателю это понравится. Но никакие наши усилия не заменят системной работы с книгой в семье. По своим детям сужу, они – люди читающие.

Ю. Дворяшин: Я рад, что мы с Вами в этом смысле абсолютно единомышленники.

Я. Черняк: Мечтаю о строительстве городского Детского центра чтения. Необходимо усовершенствовать работу школьных библиотек, чтобы они не были просто пунктами книговыдачи. Библиотекарь должен быть своего рода навигатором в чтении для ребенка, молодого человека.

Ю. Дворяшин: Яков Семенович, Вы уже почти два десятилетия – в литературном процессе в Сургуте. Кто, по Вашему мнению, является ключевой фигурой в среде современных сургутских писателей?

Я. Черняк: Я назову два имени. Первое, безусловно, Петр Суханов. Талантливейший человек. Могу с гордостью причис-

лить его к своим друзьям. Мы ведь с давних времен с ним сотрудничаем. Второе имя – Николай Шамсутдинов, который был одним из создателей сургутского «Северного огонька».

Ю. Дворяшин: В свое время Вы активно поддержали идею создания альманаха, который сейчас носит название «Сургут литературный». Наше интервью публикуется в пятом, по-своему юбилейном, его номере. Не ошиблись ли Вы в своих надеждах на это издание?

Я. Черняк: Нет, не ошибся. Надежды оправдались в полной мере. Ведь в Сургуте действительно весьма содержательна литературная жизнь. Действует целый отряд писателей и поэтов. «Сургут литературный» стал своеобразным центром, объединяющим этот слой, надо сказать, весьма самобытных людей. Не сомневаюсь в его светлой и плодотворной будущности.

Ю. Дворяшин: Спасибо Вам, Яков Семенович, за внимание к заботам сургутской литературной общественности, за поддержку нашего альманаха и за интервью. Искренне желаю Вам успехов.

ПЕТР СУХАНОВ

Петр Антонович Суханов родился 18 февраля 1947 года в городе Елгаве Латвийской ССР. Окончил строительный техникум и Литературный институт им. А.М. Горького (1983).

Стихи печатались в еженедельнике «Литературная Россия», в журналах «Молодая гвардия», «Наш современник», «Смена», «Студенческий меридиан», «Урал», «Югра»; в коллективных сборниках и альманахах, в хрестоматии «Литература Тюменского края. Кн. 1,3» (1996), в антологии «Литература Югры: 1930-2000. Кн. 1» (2001).

Автор сборников стихов «Время первых признаний» (Москва, 1982), «Встреча» (Свердловск, 1984), «Миры и меры» (Москва, 1986), «Площадь Света» (Тюмень, 1995), «Высшая мера» (Екатеринбург, 1997), «Заворот» (Сургут, 2001), «Разнолетья» (Сургут, 2003), басен для взрослых «В мире животных» (Екатеринбург, 1998), сказки для взрослых «Про Колобка и красавицу Бабу Ягу» (Тюмень, 1999).

Участник VII и VIII Всесоюзных совещаний молодых писателей в Москве.

Член Союза писателей России с 1988 года.

Лауреат премии им. Н. Чукмалдина тюменского издательства «Софт Дизайн» (1995), премии Губернатора автономного округа в области литературы (2001), Всероссийской литературной премии им. Д.Н. Мамина-Сибиряка (2005).

Петр Суханов – любимый поэт своих земляков – сургутян, которые почитают его как своего Первого поэта. Желаем Петру Антоновичу доброго здоровья и новых творческих успехов. Ждем с нетерпением его новых книг.

ПРИГОВОРЕННЫЙ К ЛЮБВИ

Прилежность

Не жажду.

Не пью.

Не замешан...

А если и груб иногда,
Так это – поскольку прилежен,
Так это – ответ
за года!..

Крестом вышивай

или гладью,

вяжи
хоть петлю, хоть узлы –
сплошное вокруг годопадье,
под хохот,
под свист
и стволы!..
Как будто неведомый леший
Затеял
Свой мерзкий мотив!..
Не жажду.

Не пью.

Не замешан...

И кажется даже, что жив!..

Колея

Брошу руль...
Пересяду на прозу,
Горы рифм обойду стороной...
И потянутся дни – как обозы
По разбитой дороге степной.
Станут радости редки и зыбки...
Всё
По-новой
Начнется с нуля –
Потрясенья,
Сомненья, ошибки...
И уже не спасет колея.

Вкратце

Я сделал в жизни всё, что мог:
Порой
Срезал
Цветы в детсаде...
Носился с палкой между ног...
Пугал прохожих в Ленинграде!..
А теткин друг, вчерашний зэк,
Внимая
Внутреннему зову,
Мне говорил: «Езжай в Артек!..
Я не скажу
Ни слова!...»
Я не поехал никуда.
Я трое суток жил в сарае...
С тех пор
Не плачу никогда,
Не помню и не знаю!..

Дележ

Жизнь ли
слишком быстротечна,
счастье ли – как анекдот
про большой киоск аптечный,
где дают не только в рот?..
Важно ли
или неважно,
что беременна весна
холодами,
ветром,
блажью –
будто правда истинна?..
Суть в другом...
Нас Время делит
на здоровых и больных,
на того, кто мягко стелет
и на тех, кто пьет за них...

Тупик

Под тот гром небесный
сквозь вечный шум и гам,
как пред стеной отвесной,
я склонен к тупикам –
в них
время как в тумане,
грядущее во мгле...
Как щепка в океане,
блуждаю
по земле...

Проглот

Он ел четыре раза в день,
всю жизнь
любил горбушки...
И в шапке набекрень
ложился на подушку...
Жена
умчалась от него
и – отошла к другому...
Но он не понял ничего –
он доедал икону...

Возврат

Не знаю, как –
с обиды ль, с перепугу,
но в хаосе раздумий о тебе,
я потерялся, словно в мире вьюги...
Пропал – как пропадает взгляд в толпе!..
Но, несмотря на резкие измены
в круговороте жизни
и любви,
я возвращусь во время – как на сцену
приходят песни,
образы,
стихи!..
Не знаю, как – спокойно или шумно...
Не ведаю – легко ли, тяжело ль,
но будет снова радостно и юно!..
Лишь только б сердце
выдержало
боль!..

О них

Маше и Юре

Она так долго верила ему,
что даже думать не хотела об измене,
давно решив, что думать ни к чему,
что размышленья тянут к перемене...
А он любил – другую...
И совсем
не помышлял о правилах и чести,
пока не оказался вдруг
ни с чем –
как прыщ на заднем месте...

К проводам

бывшей...

Как хорошо, что в мире
годы и города,
словно звонки в квартире,
манят к себе всегда!..
Было бы хуже, если
в дикую ночь,
в грозу,
ты – сочиняла песни,
я – вытирал слезу!..
Так что
кощунствуй скромно
сзади меня...
И знай,
Сургут – это не Коломна!..
Ты же – не Коллонтай!..

Про Ежа

Не пить,
не кашлять, не мечтать,
не думать о любви, не
помнить
ни годы, ни отечество, ни
мать...
Существовать
в углах двух комнат!..
Так
часто звери в клетках
ждут

покоя, сна или обеда...
И не они, а к ним идут,
чтобы свои избыть обиды!..
И только вечно колкий Ёж,
лизнув уже пустое блюдо,
свернется в фигу, сбросив
дрожь,
и – отвернется задом
к люду!..

Жара

В Сургуте лето.
Детвора
в блаженстве не вылезит с речки!..
Жара. Невыносимая жара...
Я – словно блин, в огромной печке!..
Народ
потеет день и ночь,
собаки
зло вынюхивают сырость,
и, не найдя, уходят прочь –
в кусты,
в иллюзии,
в унылость...
Но стоит подойти зиме,
как будет вдруг
с печалью
тайной
народ
печалиться в уме
о теплоте необычайной!..

Так есть

Так есть и будет:
люди, .
птицы,
звери
живут,
приговоренные друг другом
к высшей мере —
мукам...
Я эту участь не избуду...
Перекрещусь с надеждою и страстью...
И думать буду
о счастье!..
Пребудется, что чувствую и верю
за всех, кто
встретил
дни свои,
приговоренный
к высшей мере —
ЛЮБВИ!

ВИКТОР ФЕДОТОВ

Автор — ветеран-геологоразведчик Виктор Федотов написал воспоминания о работе в Западной Сибири, о людях, с кем сталкивала его судьба. Это довольно интересное повествование о жизни, быте, людях, которые в труднейших условиях работали над созданием и развитием топливно-энергетического комплекса. Свои воспоминания он озаглавил «Семейная хроника», но по сути это хроника времени, в каком он жил и продолжает жить.

Автор остро чувствует время и дает нам возможность окунуться в прошлое: ветеранам — напомнить, как это было, молодёжи — понять, какая цена уплачена за то, чтобы округ превратился в высокоразвитую территорию России. Параллельно, что очень актуально, многие вели здоровый образ жизни, занимаясь спортом. И не случайно автор, которому шестьдесят лет, и поныне в спортивном строю, победитель и призёр многих марафонских пробегаов.

Зубарев Анатолий Прохорович — председатель правления Сургутской городской организации журналистов

Патранова Валентина Васильевна — заведующая отделом социальных проблем газеты «Новости Югры»

СУРГУТСКИЙ МАРАФОН

Семейная хроника

*Посвящая пятидесятилетию
высадки десанта первопроходцев-
геологов в Среднем Приобье*

Глава 1. Первопроходцы

Ровно тридцать лет назад ранним июньским утром 1977 года на попутной барже, буксируемой катером «Ярославец», мы всей семьёй, с домашним скарбом, подплывали по широко разлившейся Оби к Сургуту. Солнце ещё не вставало над водным горизонтом, но далеко впереди показались 270-метровые ГРЭСовские трубы, освещенные первыми утренними лучами. Я всю короткую северную ночь провел на палубе баржи в уютном домашнем кресле. Супруга Ирина с пятилетним сыном Алешкой не выдержали атаки комаров и спустились в каюту катера. Бессонная ночь была наполнена воспоминаниями о романтической жизни и работе в Мегионской орден «Знак Почета» нефтегазоразведочной экспедиции.

С 1965 года после Бугурусланского нефтяного техникума, что в Оренбуржье, я приехал на Самотлор да так и остался на всю жизнь в Среднем Приобье, которое стало родным домом для меня, детей и внуков наших. Работал слесарем по ремонту бурового оборудования, дизелистом, механиком, помощником бурового мастера, инженером-технологом. Был непосредственным участником-первооткрывателем нефтяных месторождений: Самотлорского, Варьеганского, Тагринского, Урьевского, Поточного и других, на базе которых встали города – Нижневартовск, Мегион, Радужный, Покачи, Лангепас. А в шестидесятые-семидесятые годы в тех местах были одни урманы и болота да зимники для завоза буровых станков, оборудования и материалов.

Объемы геологоразведочных работ увеличивались невиданными в мировой практике освоения нефтегазовых регионов темпами, это происходило в суровых природно-климатических условиях. Прирост запасов исчислялся миллиардами тонн нефти. 306 млн. тонн – таков прирост запасов в рекордный год только одного объединения «Обънефтегазгеология», что соответствовало добыче по

всей Тюменской области в 1980 году или половине этого объёма в СССР. Добыча «чёрного золота» в Тюмени ежегодно увеличивалась на 30-50 %. После отправки в 1964 году в Омск первой нефти из Усть-Балыка и Мегиона добыча в 1975 году по Тюменской области составила 143,2 млн. тонн.

Из-за возрастающего объема геологоразведочных работ 14 сентября 1976 года приказом №498 Главного Тюменского ордена Ленина геологического управления создано производственное геологическое объединение «Обънефтегазгеология», в которое вошли пять нефтегазоразведочных экспедиций: Сургутская, Мегионская, Правдинская, Аганская и Вахская. Костяк объединения геологоразведчиков Сургута пополнили опытные специалисты, прикомандированные из этих экспедиций. В том числе и меня пригласили сначала в командировку (в октябре 1976 года), а затем я дал согласие на постоянную работу и проживание в Сургуте.

Как нас, полевых геологов, примет Сургут? Город со стотысячным населением имел хорошо развитую инфраструктуру, включающую железную дорогу, современный аэропорт, крупнейшую в СССР ГРЭС, работающую на попутном газе, производственные подразделения «Сургутнефтегаза» и «Газпрома». А все это имело начало много веков назад.

Древняя Югорская земля – это страна лесов «Себир». «Спящая земля» – так называли её монголы. Первые описания Западной Сибири в своих воспоминаниях сделал венецианский купец Марко Поло, путешествовавший по Азии в XIII веке. Но ещё раньше, в XI веке, русские летописцы свидетельствовали о хождении новгородцев на Югру и Самоядь (Ямал) за данью – собольим и лисьим мехом.

Многие века, вплоть до 1593 года, правителями Сибири были наставники русского царя из числа азиатов (братья Едигер и Бекбулат, узбекский правитель Кучум). Они облагали местных ханты и ненцев ясаком, часть которого (всего 1000 собольих шкурок в год) выплачивали русскому царю. В 1581 году начал освоение Сибири атаман Ермак, который с русскими казаками разбил Кучума, но и сам погиб в 1585 году.

В 1593 году по указу царя Фёдора Иоановича московскими князьями Фёдором Барятинским и Владимиром Аничковым был основан казачий сторожевой форпост – Сургут. В переводе с хантыйского Сургут – «рыбное место». Колонизация Сибири была народной, так как, кроме царских слуг, сюда добирались отряды вольных людей. В Сибири оказывались люди, которые стреми-

лись избежать притеснений, искавшие свободы – нравственной, религиозной, социальной, деловой и личной. Имена первопроходцев Сибири, их труды и дела остаются в памяти россиян навсегда: Семен Дежнев, Ерофей Хабаров, Василий Поярков, Петр Бакетов...

Основным занятием жителей Сургута была охота, рыбная ловля, заготовка леса, сбор даров тайги. С началом освоения нефтяных ресурсов жизнь здесь практически не изменилась. Был колхоз «Новый путь», рыбозавод и леспромхоз.

«Могущество России прирастать Сибирью будет!» – эти слова были сказаны ещё 250 лет назад знаменитым ученым Михайло Васильевичем Ломоносовым. И его пророческие слова полностью подтвердились, стали явью в наши дни. Когда-то отрезанный от остального мира суровый край нынче доступен и гостеприимен. Ещё в конце позапрошлого века известные ученые-геологи Обручев В.А. и Карпинский А.П. предсказали наличие месторождений нефти в Западной Сибири. Сибирский край привлекал в то время не только ученых.

В 1903 году промышленное товарищество «Братья Пономаренко и Ко» для поиска нефти арендовало земли возле Ханты-Мансийска в междуречье Салыма и Иртыша. В этих местах обнаруживались выходы маслянистых пятен на поверхности рек и озер. В настоящее время на этих местах открыты Салымское, Правдинское, Петелинское месторождения нефти.

В разное время и разные люди оценивали природные возможности нашего края по-своему. Одни говорили о пустоте и бедности зауральских недр, других манили запасы драгоценных металлов и минералов, третьих – нефть и уголь.

Освоение Сибири началось после Октябрьской революции. Кульминационным моментом в развитии нефтепоисковых работ стали прогнозы академика Ивана Михайловича Губкина, который в 1932 году, выступая в г. Свердловске на выездной сессии Академии наук СССР, научно обосновал наличие месторождений нефти в Западной Сибири.

Первые геологические экспедиции у нас в Среднем Приобье работали ещё в 1934-35 годах. Тогда было пробурено несколько мелких скважин, глубиной 30-80 метров, что не дало никаких результатов. К сожалению, Великая Отечественная война прервала эти работы.

Из архивного экземпляра местной газеты «Колхозник» за март 1935 года мы узнаём о начале работы в Сургутском районе гео-

логоразведочной партии Виктора Григорьевича Васильева (геолог партии Гуголь Родион Фомич), бурившей ручным способом скважины глубиной 40 метров. На всю полосу газеты был заголовок: «Наша цель – найти место выхода нефти!»

Васильев, 1910 года рождения, вместе с Гуголем в 1934 году закончил Московский институт нефти и газа, и по направлению от треста «Востокнефть» из Уфы они проводили изыскательские буровые работы в Остяко-Вогульском (Ханты-Мансийском) округе в 1934-36 годах в районе рек Малого и Большого Югана, что от Сургута – в сторону Угута. Васильев вместе с Гуголем по результатам экспедиции написали «Проект разведки нефти в Среднем Приобье» и изложили его академику И.М. Губкину. С 1936 года Васильев трудился в Поволжье (Куйбышеве), создал центральную научно-исследовательскую лабораторию (ЦНИЛ), был директором Всесоюзного научно-исследовательского геологоразведочного института, управляющим Главка «Куйбышевнефть». Затем пять лет работал в Монголии, а с 1964 года – в Министерстве газовой промышленности начальником Геологического управления. Виктор Григорьевич Васильев – доктор геолого-минералогических наук, орденоносец, лауреат Государственной премии, автор многих книг, статей – скончался 23 апреля 1973 года, выступая на встрече ветеранов нефтяной и газовой промышленности. Он был блестящим примером труженика, незаслуженно забытого после первых открытий, сделанных Тюменскими геологами в 50-60 годы. Сейчас возрождается память о нём – первопроходце, геологе земли Югорской, человеку большой души, который всегда будет примером для тех, кто выбрал нелёгкую профессию поисковика.

Планомерный поиск начался в пятидесятые годы, когда были заложены первые глубокие опорные скважины. Тогда Западная Сибирь на геологических картах была белым пятном и тяжелое буровое оборудование ставили там, куда можно было доставить его по рекам – т.е. в районе Тюмени, Ханты-Мансийска, Ларьяка, Березово, Покура. В Сургутском районе в селе Покур в 1951 году бурилась первая опорная скважина под руководством бурового мастера Виктора Павловича Лагутина – фронтовика-разведчика. После войны он работал в Крыму бурильщиком нефтеразведки, а услышав о больших перспективах Сибири, уехал в Колпашево, затем вместе с бригадой – в Покур.

Все поисковые работы в Западной Сибири в пятидесятые годы велись под руководством Новосибирского геологического управления. При забое 2360 метров в декабре 1952 года произошла авария (обрыв труб), которую не удалось устранить и Покурс-

кая скважина была ликвидирована по техническим причинам. То же произошло на Ларьякской и Ханты-Мансийской опорных скважинах. Геологических результатов не было получено. На Тюменской скважине была получена минерализованная лечебная вода. Нефтеразведочные партии были перебазированы из Среднего Приобья в Кемеровскую область.

Первое месторождение газа в Западной Сибири было открыто 21 сентября 1953 года, благодаря Берёзовской опорной скважине. То самое Берёзово, куда был сослан сподвижник Петра I – светлейший князь, генералиссимус, сын придворного конюха Александр Данилович Меншиков. Газовый фонтан в Берёзово аварийно бушевал более полугода; его мощности хватило бы на обеспечение в то время такого города, как Свердловск.

Берёзовский фонтан газа опроверг доводы скептиков о бесплодности Сибирского края и положил начало интенсивному его развитию. Начались более широкие поиски нефти и газа, но длительное время результатов по открытию промышленных запасов нефти не было. В начале 1957 года Новосибирский трест Запсибнефтегеология вновь решил заняться изучением глубин в Среднем Приобье. По просьбе треста исполком Сургутского районного совета депутатов трудящихся 25 апреля 1957 года отвёл в районе Чёрного Мыса, рядом с кладбищем, земельный участок для развёртывания базы геологов. Осенью 13 сентября 1957 года первый небольшой отряд из Нижнегрязненской нефтеразведки, базировавшейся в селе Ивановка Кемеровской области, во главе с молодым геологом Фарманом Салмановым высадился с барж в Сургуте: Борис Мещанов – старший инженер, Яков Кайбичев – механик, Павел Семиряков – прораб вышкостроения, Дмитрий Ильин – буровой мастер, Александр Гуров – радист, Иннокентий Дёмин – дизелист, помощники бурильщика Василий Культяев, Александр Адейкин, Владимир Трошин, слесарь Шульгин, плотник Евдокимов, бухгалтер Терехов, секретарь делопроизводства (она же инспектор по кадрам) Антонина Романова. Многие из них ехали с семьями. Секретарь парторганизации, он же заместитель Салманова – Пётр Кононович Рогинский, тоже погрузил на баржу свои пожитки, но его не снимали с партийного учёта за самовольство, и он перебрался в Сургут немного позднее самолётом. Женщин с детьми отправили в Сургут, и они прибыли на десять дней раньше барж. Их расселили на квартирах у местных жителей в районе Затона, у кладбища. В этом месте сейчас магазин «Витьба».

Можно считать, что с этого дня и началось планомерное, научно-обоснованное изучение недр Среднего Приобья. Нелегко было первопроходцам. Хотя Сургут встретил их по-братски, поиск затягивался, об открытиях приходилось только мечтать. Началось строительство мастерской, электростанции и жилых домиков для разведчиков недр. Первую зиму договорились пережить в здании Речного порта, где одновременно была и контора разведки. К Новому 1958 году семьи геологов справили новоселье в привезённых с собою старых домах, но на новом месте. Из местных жителей создали несколько плотничьих бригад, которые из круглого леса начали строить посёлок геологов. Правление местного колхоза выделило геологам несколько лошадей, так необходимых при полном бездорожье в зимнее и летнее время. Самый резвый из них, с символической кавказской кличкой Казбек, достался горцу с Шамхора (райцентр в Азербайджане), 27-летнему начальнику нефтеразведки Фарману Курбановичу Салманову.

Активно помогали в открытиях большой нефти руководители района – партийный секретарь Виктор Гаврилович Бахмат, позже – Василий Васильевич Бахиллов и секретарь комсомольской организации Владимир Салмин.

Конец 1957 и начало 1958 годов были самыми трудными периодами становления геологоразведки. Начали прибывать молодые специалисты-геологи: Евграф Тепляков, Олег Перегудов, Александр Шашкин. С боем отпустили с Кузбасса сильного организатора партийной и профсоюзной работы Петра Кононовича Рогинского, ставшего первым парторгом Сургутских нефтеразведчиков. Вместе с большой семьёй (троем детей и супругой) они прибыли на необжитые места. Немного позднее (1959 – 60 годы) после окончания Московского, Грозненского, Куйбышевского институтов приехали молодые специалисты: буровики – Степан Каталкин, Борис Блинов, Валентин Тулейкин, братья Гончаровы, механики – Валерий Ртвеладзе, Николай Ключко. В начале 1958 года от Новосибирского управления в среднем Приобье было создано ещё несколько участков нефтеразведки: Локосовский (им руководил Александр Тихонович Горский из Колпашево), Нижневартовский на Баграссе у посёлка Мегион (руководил Василий Тихонович Подшибякин, которого затем заменил Иван Яковлевич Высочинский), Пимский в посёлке Солкино (руководил Терещенко П.В.).

На всех участках начались монтажные работы по строительству буровых установок. По весне на баржах стали прибы-

вать буровики во главе с мастерами: Лазаренко Вячеславом Николаевичем, Норкиным Григорием Ивановичем и Лагутиным Виктором Павловичем. Из-за сложности управления участками и снабжения их материалами из Новосибирска, работы шли очень медленно. По инициативе Фармана Салманова и при поддержке секретаря райкома В.Г. Бахмата обратились в Тюменский обком КПСС с целью объединения участков и передачи их в состав Тюменского геологического управления под начало Юрия Георгиевича Эрвье.

В Тюмени трест «Тюменьнефтегеология» был организован 1 октября 1952 года. Позднее он стал называться Геологическим управлением. В 1958 году все партии были объединены в Сургутскую нефтеразведку, которую возглавил Фарман Салманов. Главным инженером назначили Александра Горского. И только 19 сентября 1959 года приказом Главного управления геологии при Совете Министров РСФСР создана Сургутская нефтеразведочная экспедиция, и все геологоразведочные работы в пределах области были переданы в подчинение Тюменского геологического управления. Главным геологом экспедиции назначили Бориса Власовича Савельева, прибывшего из Южно-Челябинской нефтеразведки и окончившего ранее (в 1952 году) Грозненский нефтяной институт.

Бурение первой скважины в Сургуте началось 20 января 1959 года, а закончилось 6 марта 1960 года, её глубина составила 3088 метров. Буровую вышку поставили рядом с жилым посёлком, на Чёрном Мысу. Можно и сейчас посмотреть то место в ста метрах от остановки у магазина «Витьба». Во дворе бывшей базы производственного обслуживания рядом с энергоцехом Сургутской НГРЭ на устье скважины установлена символическая вышка – обелиск с мемориальной доской.

Сургутский историк-краевед Иван Захаров рассказывал: «Был холодный зимний день. К подмосткам буровой собрались все геологоразведчики. Прибыли представители трудовых коллективов Сургута, руководители районной организации. После непродолжительного митинга и выступлений первого секретаря райкома КПСС Бахмата В.Г., начальника экспедиции Салманова Ф.К., главного инженера Горского А.Т., после того, как была разбита бутылка на счастье, буровая бригада Николая Андреевича Багдасарьянца приступила к работе. Первую вахту несла смена бурильщика Виктора Павловича Лагутина: дизелист Николай Перепелюк, помощник бурильщика Фё-

дор Сухушин. Силовым блоком дизелей и оборудованием командовал старший дизелист Василий Солдатов. На смену им заступили вахты бурильщиков Александра Власова, Нажмитдена Жумажанова и Николая Каденкова. Помощниками бурильщика были Югов и Кеда, дизелистом – Николай Волостных. Так бурением опорной скважины начался путь к большой нефти Сургута».

Испытание скважины показало непродуктивность пластов и отсутствие нефти. Об открытиях приходилось только мечтать. Однако это была не первая глубокая скважина, удачно пробуренная до проекта в Сургутском районе.

Вторым десантом в июне 1958 года из Колпашевской конторы бурения (Томская область) на баржах перебазировалось в посёлок Локосово Сургутского района ещё пять семей со своим жильём, техникой (трактор, автомашины) и буровой установкой. В августе к ним присоединились монтажники и буровики. Участок называли Нижнемысовским, руководил им Борис Селиванов. Среди первых в Локосово обживались с семьями молодые геологоразведчики: братья Лазаренко; старший из них – Вячеслав Николаевич с женой и двумя детьми, младший – Юрий Николаевич с Тамарой Степановной. Вячеслав – буровой мастер, Юрий – бурильщик, Тамара – замерщица. Дизелист (по совместительству шофёр) Волков Иван Фёдорович и его жена Клавдия Васильевна (клубный работник) справили свой медовый месяц на барже, плывя до Локосово. Тракторист Павел Васильевич Рындин с женой и двумя детьми, три брата Капустиных: Владимир – дизелист, Виктор – слесарь, Алексей – помощник бурильщика. Всем им было по 18-25 лет, только старшему Лазаренко Вячеславу – 30. Поселились в пустовавшей летом школе, а к осени перешли в привезённые с собой и построенные на новом месте бараки.

Братья Лазаренко – потомственные геологоразведчики-нефтяники. Их родители после революции семнадцатого года работали в Краснодарском тресте. Вячеслав работал помбуром, бурильщиком, а в 1952 году переехал из Краснодара в Нижнегрозненскую нефтеразведку под Кемерово. После обучения на курсах буровых мастеров в городе Бугуруслане продолжил работать мастером. В 1953 младший брат Юрий приехал в Кемерово и работал помбуром в бригаде старшего брата. В 1956 году бригада Вячеслава Лазаренко перебазировалась в Колпашево, а в 1958 году – в Локосово. Бурильщиками в бригаде, кроме

кой на Солке. Некоторые скептики из высших эшелонов геологической власти вновь стали поговаривать о бесперспективности Среднего Приобья и о больших финансовых расходах на бурение отдельных глубоких скважин. Все эти скважины закладывались из Новосибирска. Изученность разрезов данными полевой сейсмогеофизики была слабой, и в своды-поднятия участков земли на глубине скважины не попали. А месторождения нефти в основном соотносятся именно с таким поднятием земной коры.

Во-первых, чтобы получить контуры залегания песчаных пластов, с которыми в основном соотносятся залежи нефти, необходимо на поверхности земли проводить серьёзные полевые работы. Во-вторых, необходимо проводить топографическую съемку, то есть отобразить рельеф местности с указанием географических координат по широте и долготе в градусах, «отбить» высоты по отношению к уровню моря. Этим занимались геодезические партии топографов, которые в непроходимой тайге, болотах, через озера и реки прокладывали просеки-сейсмопрофили. Эти просеки должны быть идеально прямыми, независимо от рельефа местности. С топорами и ручными пилами (позднее – бензопилами), на оленьих упряжках или пешком, в избушке за трактором или гусеничным тягачём-болотоходом, а то и выброшенные десантом из гидросамолета или вертолёта, работники топографических партий пробивали прямые, как стрела, профили, неся на себе треноги, теодолиты и рейки. С собой так же несли палатки, спальники, запас продуктов питания, рацию с аккумулятором.

В Среднем Приобье в 50-е годы подготовкой сейсмоматериалов для глубокого бурения занималась Обская геофизическая экспедиция, находившаяся в поселке Берёзово. Она подчинялась Уральскому геофизическому тресту (г. Ухта), с 1953 года Сибирскому геофизическому тресту (г. Новосибирск), а с 1959 года – Тюменскому геологическому управлению. С 1 января 1965 года все геофизические работы в Среднем Приобье велись под руководством Ханты-Мансийского геофизического треста. Первый управляющий трестом – Сутормин Евгений Васильевич – трагически погиб в авиакатастрофе. Новым был назначен Щербинин Виталий Степанович – управляющий трестом с 1965 по 1972 год, главным инженером треста был Леонид Кабаев.

Первым начальником, «зондировавшим» тюменские земли, был Уманцев Дмитрий Феодосьевич. Ещё в 1951 году после окончания геологоразведочного техникума начал работать в

Юрия, были Зиновьев Серафим Иванович, Каденков Николай Васильевич; помощниками бурильщика Гена Мерзляков, Владимир Денисов, Николай Щетков, Андрей Слинкин, Владимир Кузнецов; дизелистами Алексей Девятков, Николай Стетюха; слесарь Андрей Придеин, кочегар Михаил Протопопов.

Супруга Каденкова, Людмила Евгеньевна, после окончания техникума работала геологом и, воспитывая троих детей, смогла стать классным специалистом. Проработав до преклонных лет в Сургутской экспедиции, она и по сей день в геологическом строю – председатель совета ветеранов тюменских нефтеразведчиков. Бухгалтером участка был опытный работник, фронтовик Туренко Алексей Степанович, кассир – Раиса Васильевна Капустина. Связь с буровыми, Сургутом, Новосибирском и Тюменью обеспечивал опытный радист, чемпион отрасли по «Азбуке Морзе» – Паулев Виктор Фёдорович. Жена его – Любовь Гавриловна – опытный геолог, работавшая под началом Шашкина Александра Павловича.

Приехавшие в Локосово в августе монтажники сразу приступили к строительству буровой рядом с поселком. Испытывался недостаток тяжелой техники, особенно вездеходной. Авиации не было. Необходимый для монтажа и начала бурения запас инструмента, материалов и запчастей был минимальный. Кислородные баллоны для газосварки возили из Томска или Новосибирска.

Установку смонтировали в декабре, и в начале 1959 года бригада Вячеслава Лазаренко приступила к бурению скважины №31 Локосовской площади. В апреле, уже при большой глубине, из-за отсутствия талевого каната, на скважине сложилась аварийная ситуация. Полутоннатурную бухту каната из Сургута по набухающему руслу Оби доставить было сложно. На совещании Салманов и Горский предложили размотать бухту и волоком доставить на буровую. Санный обоз из десяти лошадей поручили сопровождать геологу-комсору Евграфу Теплякову, и через двое суток с буровой радиовали, что задание выполнено. Аварии предотвратили, и бурение возобновилось. К лету 1959 года Локосовская скважина достигла проектной глубины 3264 метра, и к осени было закончено испытание. С больших Юрских глубин было получено несколько литров нефти, а верхние – Меловые, на которые геологи возлагали большие надежды, – оказались водоносными. Также не получили промышленной нефти на всех участках в Среднем Приобье: в Нижневартовске, Ларьяке, Пимс-

Берёзово Александр Иосипович Гомберг. С 1959 года он стал начальником топографического отряда, а с 1964 года в течение 35 лет возглавлял Сургутскую геодезическую партию №49.

ГП-49 была организована в Сургуте в 1962 году, первым её начальником был Куренной Николай Михайлович. Начальниками топографических отрядов в те годы были Безруков Юрий Иванович, Устюжанин Николай Васильевич. Куренной и Устюжанин – опытные топографы, окончившие в 1955 году Новосибирский геологоразведочный техникум и начинавшие свой трудовой путь в Берёзовском районе. Эти отряды, кроме основной работы по рубке просек, обслуживали нефтеразведочные экспедиции – делали топографическую привязку заложения глубоких скважин, трассировку дорог для перетаскивания буровых вышек и оборудования. Бессменным интерпретатором (специалистом по обработке полевых материалов) при Гомберге была Щепёткина Галина Ивановна – геодезист, закончившая в 1961 году Тюменский техникум. Коренная сибирячка, родившаяся в селе Тундрино под Сургутом, вместе с мужем Юрием Филаретовичем начинала работать в Сургутской НРЭ под руководством Фармана Салманова. Тогда геодезические и сейсмопартии входили в состав экспедиции. Галина Ивановна начинала работать в отделе у главного геофизика экспедиции – Фёдорова Виктора Петровича. Юрий Филаретович начинал слесарем транспортного цеха у Пырякова Сергея Сергеевича. Впоследствии Юрий Филаретович закончил Омский институт физкультуры, работал инструктором по спорту и одновременно был комсоргом. После открытия в Сургуте детской спортивной школы и спорткомплекса «Геолог» работал тренером. В молодости Юрий стал первым мастером спорта в Ханты-Мансийском округе (1964 год – лыжные гонки) и членом сборной Тюменской области. Он и по сей день в возрасте почти 70 лет не бросает свои занятия лыжами, является чемпионом России в своей группе и ежегодно участвует в ветеранском Чемпионате Мира в составе Сургутского спортивного клуба «Барс». Физическую закалку Юрий получил за время учёбы в 8-10 классах школы-интерната в Сургуте, куда зимой бегал на лыжах из Тундрино с ночевкой в селе Пилюгино, что в 80-ти километрах.

Непростым делом была рубка просек в районе посёлка Угута и Тайлаково. Во время совместных тренировок Юрий рассказывал мне: «Лес страшный, вековая заповедная тайга, могу-

чие в два обхвата кедры и лиственницы! Такие дебри и болота, что не приведи Господь! Трактор чуть-чуть свернул с протоптанного зимника и утонул вместе с человеком. Так и не достали ни трактора, ни человека». И руки свои Юрий поморозил при рубке сейсмопрофиля, пришлось ампутировать фаланги пальцев. Так и бегают на лыжах, применяя специальные крепления палок к кистям рук.

Совсем другие условия работы полевых топографов в наше время. Сергей Долгушин из второго поколения сургутских топографов-геодезистов работает по привязкам разведочных скважин и трассировке дорог для перетаскивания буровых установок с компактным (весом 1 кг.) прибором «Гармин» по современным спутниковым системам Джи-Пи-Эс. Используя ноутбук, сразу выдает заказчику (буровикам или сейсмикам) необходимые данные. Причём добирается до места съёмки и обратно в Сургут в тёплом вертолёте Ми-8. В ГП-49 Сергей Долгушин работает с 1968 года, так что и на его долю трудностей хватило с избытком. Успешному преодолению трудностей способствовало увлечение спортом и здоровый образ жизни. Сергей является одним из организаторов и участников первых турниров в городе по большому теннису. Он чемпион города и «Кубка севера» среди ветеранов.

На подготовленные просеки-профили для непосредственного выявления характера залегания пластов выходили геофизические отряды сейсмиков. В 50–60 годах в Среднем Приобье работали отряды под началом Виктора Гершаника, Аркадия Кузнецова, Леонида Кабаева (лауреат Ленинской премии за открытие Самотлора), Альберта Лурье, Владимира Багаева, Анатолия Малыка, Анатолия Паршенцева, Николая Бехтина, Геннадия Шаталова, Владимира Кочнева, Геннадия Киреева, Эммануила Лихтерова, Виктора Шевченко, Али Халилова, Анатолия Тюленева.

Первыми главными геофизиками в Сургуте были Виктор Петрович Фёдоров, а затем Николай Михайлович Бехтин, в Мегионе – Павел Маркович Клочан, а в Тюменском управлении – Лев Григорьевич Цибулин. В геофизических отделах работали опытные интерпретаторы Анатолий Задоевко, Евдокия Владимировна Бондаренко (выпускница Львовского политехнического института 1955 года), Надежда Афанасьевна Ильина, Фарида Абдрахманова.

Виктор Фёдоров, 1912 года рождения, ещё до войны работал в Ставрополье и за открытие газовых месторождений был удостоен звания лауреата Сталинской премии. Участник Вели-

кой Отечественной войны, он имел ранения, болел и рано ушел из жизни – в 1965 году. Его именем названа улица в Сургуте, поселок нефтяников Фёдоровский и крупнейшее НГДУ «Фёдоровскнефть» с одноимённым месторождением.

Молодой специалист Евдокия Бондаренко, мать двоих детей (сына родила ещё на третьем курсе института, второго сына – в 1956 году в Колпашево), работала в Колпашевской геофизической экспедиции. Она была специалистом-интерпретатором высочайшего класса. В зимний сезон 56-57 годов, оставив детей в посёлке, отработала в поле, оборудовав камералку в деревянном вагончике, буксируемом трактором вслед за сейсмоотрядом. Когда весной 1957 года в Сургуте создали новую аэросейсмическую партию Альберта Григорьевича Лурье, Евдокия Бондаренко, забрав детей, стала работать интерпретатором. В том году калмыки-переселенцы, которых во время войны согнали в Сургут, возвращались на свою родину и бросали дома. Так что специалистам было где жить. Эта партия всего за три месяца гравиметровой и магнитометрической съёмок с помощью малой авиации (АН-2, Ми-1) открыла Нижневартовский и Сургутский своды, куда впоследствии заложили разведочные скважины и где была получена промышленная нефть. Евдокия Бондаренко сыграла важную роль при определении места заложения скважины Р-62 на Усть-Балыкской структуре, которая дала первую нефть в Сургутском районе. За это она была награждена знаком «Первооткрыватель месторождений». Опытными пилотами были Андрей Иванович Логинов и Пётр Ефимович Румянцев, умевшие садиться и взлетать даже с маленьких озёр и речек-проток Оби.

Работали, не считаясь со временем, с фантастической производительностью. Стране нужна была большая нефть Тюмени...

С 1965 года все геофизические экспедиции и партии выделились в отдельную организацию в структуре Ханты-Мансийского геофизического треста.

Мне эта работа в сейсморазведке была знакома с начала моей трудовой деятельности. Летом 1964 года после третьего курса нефтяного техникума я проходил практику, работая в Александровской геофизической партии под городом Бузулуком в Оренбургской области. Природно-климатические условия там были благоприятные, не шли ни в какое сравнение с нашими сибирскими. Ни комаров, ни мошки, ни трескучих морозов. Дороги – в любую сторону, кругом поля и степи, да ветер по ним гоняет круглое, как шар, «перекати-поле». Партия входила в состав

Большекинельской нефтегазоразведочной экспедиции в городе Бугуруслане, где работали мои родители, отец – механиком по ремонту нефтяного оборудования, мать – кочегаром на нефтепромысле №1. Мне было только 17 лет, и возникла сложность с устройством в сейсмоотряд на рабочую должность с полным заработком, так необходимым нашей большой семье. Решить проблему помог главный геолог экспедиции, доктор геолого-минералогических наук Свищёв Михаил Фёдорович, преподававший по совместительству в нашем техникуме предмет разработки нефтяных месторождений. Он ещё до войны в 30-х годах вместе с моим отцом участвовал в открытиях первых месторождений нефти в Оренбуржье. Позже, в 1970-75 годах, Свищёв работал в Главтюменьнефтегазе и опять вёл у нас тот же предмет, но уже в Тюменском индустриальном институте, где я в ту пору учился.

Так я стал полноправным рабочим-смотчиком сейсмического отряда и за три месяца практически освоил весь цикл полевых работ по выявлению подземных структур – ловушек нефти. Работали весь световой день с шести утра и до захода солнца, выезжая из посёлка Погромное колонной спецмашин в степные малонаселённые районы Тоцких военных лагерей. Где-то в 50-е годы там испытывалась атомная бомба. Правда, об этом мы в то время не знали. С буровых установок УРБ – 3А на шасси вездеходного ЗИЛа бурили неглубокую скважину (100–120 метров) и спускали на забой толовый заряд весом 20–30 кг. От скважины в строго противоположные стороны по просеке-профилю с лебёдки на шасси ГАЗ-63 разматывали многожильный кабель-косу. К кабелю через каждые 10 – 15 метров подсоединяли сейсмодатчики, которые закапывали в землю. Разъёмы двух кабелей подсоединялись к сейсмостанции «Эхо» на шасси ГАЗ-51. Производился взрыв заряда и, как от маленького землетрясения, взрывная сейсмическая волна уходила вглубь земли, отражалась обратно от залегающих пластов породы и, преобразуясь в датчиках в электро-сигнал, записывалась осциллографом на диаграмме на станции контроля «Эхо». Такой цикл работ за день повторяли 4 – 5 раз, продвигаясь по профилю. Потом в камералке (конторе партии) интерпретаторы обрабатывали материал и строили структурные карты залегания пластов на глубине. Это являлось ценным материалом для геологов, которые на поверхности отбивали точку заложения глубокой разведочной скважины.

Вечером после работы возвращались на постой в крестьянские избы. Хозяйки по договору обеспечивали нас молоком, хле-

бом, яйцами и овощами. Сахар и чай покупали сами в магазине. Успевали вечером ещё сходить в сельский клуб на танцы. Тогда в моду входил твист, – весьма интересный энергичный танец. В деревне он свободно исполнялся и не преследовался властями. Однако в Бугуруслане из-за него милиция и дружинники выгоняли нас из клуба «Нефтяник», а иногда перепало (введёнными как раз в то время) и резиновыми дубинками.

По результатам работы сейсморазведочных отрядов, работавших в Сургутском районе, были начаты бурением скважины на Мегионской площади возле посёлка Баграс на протоке Оби – речке Мега и Усть-Балыкской площади. После детального изучения кернового материала Сургутской, Локосовской, Нижневартовской, Пимской и Мегионской опорных скважин группой учёных из Тюмени под руководством Ивана Ивановича Нестерова был сделан вывод, что нефть есть и скоро сургутскими нефтеразведчиками будет получен промышленный её приток. Но их опередила радостная весть из другого района...

20 июня 1960 года бригадой бурового мастера Урусова Семёна Никитовича было открыто первое в Тюменской области Шаимское месторождение промышленной нефти (сейчас город Урай).

Геологическую структуру выявила и подготовила к бурению сейсмопартия Виктора Абрамовича Гершаника.

«350–500 тонн нефти в сутки», – сообщил в Тюмень начальник Шаимской нефтеразведочной экспедиции Михаил Владимирович Шалавин. Нефть получена из скважины Р-6 Трёхозёрной площади, что на реке Конде у впадения в неё речки Мулымьи, то есть там, где раньше обнаруживались маслянистые пятна на поверхности воды и эти земли ещё в начале века арендовали «Братья Пономаренко и К^о» для поиска нефти. Поистине роковое совпадение!

Значение Шаимского открытия трудно переоценить. Как сказал академик А.А. Трофимук, – директор института геологии Сибирского отделения Академии наук СССР, который присутствовал при испытании скважины Р-6 Трёхозёрной: «Прежде всего, это первая большая нефть Сибири, имеющая промышленное значение». Это открытие позволило более широко развёрнуть поиск нефти и газа на территории Западной Сибири. До этого открытия среди геологов ещё были скептики, которые не верили в перспективность наших районов. После открытия промышленной нефти от споров все перешли к действиям, которые стали

приносить результаты. Со всех регионов страны стали поступать техника и буровое оборудование: тракторы и подъёмные краны большой грузоподъёмности КП-25, армейские гусеничные тягачи АТЛ, АТС, АТТ, мощные бульдозеры БАД и ДЭТ-250, болотоходы ГТТ и ГАЗ-47. Но самое главное – стали в большом количестве приходить тяжелые буровые установки, позволяющие безаварийно бурить скважины на большие глубины до трёх – четырёх тысяч метров; со Свердловского «Уралмашзавода» поступили установки 5Д и 3Д, с Волгоградского завода «Баррикады» – БУ-50, БУ-75, а позднее – БУ-80, хорошо зарекомендовавшие себя в условиях Крайнего Севера. Поступило несколько буровых установок типа 4ЛД – 150С из братской республики Румыния.

Первый нефтяной фонтан дебитом 200 тонн в сутки Сургутские геологоразведчики получили на Мегионской площади у посёлка Баграс Ларьякского (с 1962 года – Нижневартовского) района. Случилось это 20 марта 1961 года, из скважины №1, пробуренной бригадой бурового мастера Норкина Григория Ивановича, впервые за Уралом из молодых Меловых отложений с глубины 2175 метров получен мощный фонтан нефти.

Норкин – коренной сибиряк из Томской области, его родители по национальности – ханты, всю жизнь занимались охотой и рыбалкой. До войны Григорий Иванович председательствовал в одном из колхозов севера Томской области. Прошёл всю войну от Москвы до Праги сначала разведчиком, затем танкистом. Дважды был ранен, награждён боевыми орденами и медалями. После войны вместе с однополчанами, буровиками из Саратовской конторы разведочного бурения, работал на установках, где в качестве силовых агрегатов применяли танковые дизели. Когда по всей стране пронеслась весть о большой разведке в Сибири, Норкин отправился в Кемерово, потом в Нарым, а в 1959 году в посёлок Баграс буровым мастером на Р-1 Мегионской площади. Скважина забурилась 19 сентября 1959 года. Бурилась трудно. Из-за недостатков инструмента и материалов были простои и аварии. Весной 1960 года, когда бурение уже подходило к концу, случилась авария – прихват бурового инструмента. Григорий Иванович как на грех сломал в это время ногу. На костылях, в гипсе мастер не покидал буровую, пока она снова не заработала.

Благодаря самоотверженному труду бурильщиков и дизелистов, опыту мастера и инженеров, постоянно находившихся на буровой, скважина была закончена бурением в марте 1960 года. Испытание скважины и приток нефти получили только через год

из-за отсутствия на буровой насосно-компрессорных труб НКТ. А ведь пальма первооткрывателей Тюменской нефти могла быть у Григория Норкина, то есть у Сургутских геологоразведчиков. Вот такая она – геологическая удача, за которой стояли живые люди того времени – первопроходцы: бурильщики – Хафизов Фаат Закиевич, Липковский Евстигней Фёдорович, Доминов Айрулла Баталович, помбур Алексей Жильцов, дизелист Марс Хафизов, братья Васякины (Николай – тракторист, Василий – механик), геолог Тепляков Евграф Артемьевич, начальник участка Горский Александр Тихонович. Когда А.Т. Горский ушёл на повышение главным инженером Сургутской нефтеразведки, начальником Мегионского участка стал ветеран, инвалид войны (одна нога на протезе) Иван Яковлевич Высочинский.

После этого открытия участок на Баграссе 25 декабря 1961 года Приказом №502 по Главгеологии РСФСР преобразовался в Мегионскую нефтеразведочную экспедицию. Начальником экспедиции назначили Абазарова Владимира Алексеевича, главным геологом – Синюткина Модеста Фёдоровича, главным инженером – Позднякова Петра Степановича из Шаима. В 1954 году после окончания Грозненского нефтяного института Абазаров работал в трестах «Черноморнефть» и «Сталинграднефть» буровым мастером, начальником цеха испытания. С 1960 года главным инженером Ханты-Мансийской и Берёзовской геологоразведочных экспедиций.

С 1962 года начал обустраиваться рабочий посёлок Мегион – плацдарм для наступления на Самотлор. Уже в начале 1964 года сейсмографы партии Леонида Кабаева (отряд Владимира Шагандина) обнаружили там перегиб и большое поднятие. За открытие Самотлора Леонид Кабаев стал лауреатом Ленинской премии. В 1962 году Мегионскую экспедицию усилили буровой бригадой Семёна Лукича Малыгина, в полном составе переехавшей из Шаима. Позднее создали бригады буровых мастеров Курбатова Анатолия Ивановича и Шидловского Владимира Дмитриевича. В Нижневартовском районе в шестидесятых годах, кроме Мегионского, было открыто несколько крупных месторождений нефти: Ватинское, Нижневартовское, Урьевское, Поточное, Покачёвское, Варьёганское, и конечно, крупнейшее в СССР и третье в мире по запасам нефти Самотлорское – в конце мая 1965 года.

За упорный труд всегда рано или поздно придёт вознаграждение. Это и радость первооткрывателей, и правительственные награды. За эти открытия в Среднем Приобье Абазарову была

присуждена Ленинская премия с вручением ордена Ленина, а Мегионскую экспедицию, единственную из 35 нефтегазоразведочных экспедиций Главка, наградили орденом «Знак Почёта». Также орденом Ленина наградили бурового мастера Григория Норкина – первооткрывателя Самотлора, а Семёну Малыгину присвоили звание Героя Социалистического Труда. Ранее, в 1963 году, самым первым геологом в Тюменской области буровому мастеру Урусову С.Н. и начальнику Главтюменьгеологии Эрвье Ю.Г. были присвоены звания Героя Социалистического Труда. Первым среди сургутских геологов в том же году орден Ленина получил буровой мастер Виктор Лагутин.

Первая промышленная нефть в Сургутском районе была открыта 13 октября 1961 года на скважине Р-62 Усть-Балыкской площади. «420 тонн в сутки!» – сообщали о фонтане в Сургут Салманову и в Тюмень Эрвье начальник партии Виктор Тимофеевич Бочаров, его помощник Михаил Иванович Ветров и старший геолог Евграф Артемьевич Тепляков. Скважину испытывала бригада мастера Жумажанова Нажмитдена Уакпаевича, а бурила бригада мастера Вадима Иглина: бурильщики – Александр Халин, Николай Крюков, Николай Ивченко, слесари по ремонту бурового оборудования Карп Анатольевич Иванченко и Николай Тонких, старший дизелист Михаил Краснопёров. Заключительными работами по спуску эксплуатационной колонны и испытанию скважины руководили главный инженер Горский Александр Тихонович и геолог Виктор Чернов.

26 марта 1963 года бригадой бурового мастера Виктора Лагутина было открыто Западно-Сургутское месторождение нефти. Промышленный фонтан нефти дала скважина Р-50. Этой же бригадой 23 июля 1963 года было открыто Локосовское месторождение.

На момент создания объединения «Обънефтегазгеология» Сургутскими геологоразведчиками было открыто 27 месторождений, из которых наиболее крупными были: Тайлаковское, Быстринское, Лянторское, Яун-Лорское, Вачимское, Алёхинское, Покамасовское, Когалымское, Холмогорское, Восточно-Сургутское, Конитлорское, Фёдоровское. Последнее, открытое в 1971 году, вошло в десятку крупнейших в мире по запасам нефти.

Группы сургутских нефтеразведчиков были награждены правительственными наградами. За личный вклад в «открытие века» звание Героя Социалистического Труда присвоено буровым мастерам Мелик-Карамову Николаю Борисовичу и Жума-

жанову Нажмитдену Уакпаевичу. Ордена Ленина вручены старшему дизелисту Волкову Ивану Фёдоровичу, бригадирам вышкостроения Печковскому Максиму Максимовичу и Зайчуку Петру Лаврентьевичу. Всего за 50 лет работы в Среднем Приобье правительственными наградами отмечались сотни работников-геологов: орденом Ленина – 12 геологов, Октябрьской революции – 10, Трудового Красного знамени – 60, Дружбы народов – 8, Знак Почёта – 81, Трудовой славы – 50 (ордена трёх степеней вручены буровым мастерам Соловьёву Владимиру Сергеевичу и Маас Вильгельму Фридриховичу). Медалями награждено 418 геологов.

Глава 2. Старший брат

До переезда на постоянное местожительство в Сургут мне приходилось не единожды побывать в нём. Первая встреча с Сургутом совпала с присвоением ему статуса города окружного подчинения. Это было в конце июня 1965 года, а точнее, – 25 июня. Я после окончания Бугурусланского нефтяного техникума целую неделю, – сначала на поезде до Тюмени, потом автобусом до Тобольска и наконец теплоходом на подводных крыльях «Ракета», – добирался до посёлка Мегион с ночёвками в Ханты-Мансийске и Сургуте. За вечер, а может, и в начале светлой ночи, обошёл пешком весь Сургут. Единственный в Сургуте автобусный маршрут от речного порта до района нефтяников к вечеру не действовал. Недалеко от порта запомнился рыбозавод и прямая от него разбитая бетонная дорога, вдоль которой стояли одноэтажные деревянные домики. Перед небольшим мостиком через речку Сайма новая двухэтажная средняя школа №1 из круглого леса (сейчас это дом технического творчества юных). Справа от школы стояло около двух десятков двухэтажных домов из бруса – жилой район геолого-разведчиков. За мостиком на пригорке расположилось несколько чистеньких улиц с деревянными домами и административными зданиями в два этажа. Тротуары сделаны из досок. Вдали на Западе просматривались строения двухэтажных деревянных домов района строителей и немного дальше – района нефтяников. Наступила полночь, и я повернул обратно в речпорт. Население Сургута на тот момент составляло около 12 тысяч человек.

Ещё пару раз в 1966-67 годах приезжал в Сургут на спортивные соревнования, а в 1970 году на научно-техническую конференцию молодых специалистов. Сургут строился небывалыми темпами и превращался в настоящий город – нефтяную столицу Среднего Приобья. Население прибавлялось по 10 тысяч в год. В конце 1966 года первый пятиэтажный дом заселили нефтяники, а в 1967-68 годах геологи тоже получили две пятиэтажки.

К 1977 году в городе проживало около ста тысяч человек. На дебаркадере причала приятной неожиданностью была встреча нашей семьи с моим однокашником по институту Владимиром Бурко. Он по окончании института в 1975 году вместе с женой, окончившей строительный институт, и маленьким сыном, тоже, как и у нас, – Алёшкой, но на два года младше нашего, приехал в Сургутскую нефтеразведку и работал инженером в производственно-диспетчерском отделе объединения.

Весь наш домашний скарб поместился на бортовом грузовике «Урал», на котором мы и подъехали к новому пятиэтажному дому в микрорайоне геологов. Как объяснил Володя, в Сургуте это первый дом улучшенной планировки, построенный по ленинградскому проекту. Да он и по внешнему виду резко отличался от рядом стоящих без балконов и лоджий пятиэтажек моспроекта – «хрущёвок». После торжественной передачи дома от строителей геологам и выдачи ордеров с ключами мы поднялись на верхний этаж и ахнули! Из окон с одной стороны открывался вид на Обь с её обширным водным зеркалом. С балкона на другой стороне – не менее завораживающая красота тайги и вдали производственные здания и высокие трубы ГРЭС. Впоследствии по дыму из этих труб мы безошибочно научились определять погоду на улице, не выходя из дома. Семья Бурко поселилась в соседнем подъезде в такой же двухкомнатной квартире.

Мы с Ириной сразу приступили к работе в аппарате вновь созданного объединения «Обънефтегазгеология», я в должности старшего инженера-технолога, а супруга – диспетчером производственного отдела.

Пошёл третий год работы после окончания вуза, а об отпуске можно было только мечтать. Мой непосредственный начальник – главный технолог объединения Абазаров Владимир Алексеевич всё так же, как и двенадцать лет назад, напомнил мне:

– Отдыхать будете, как я, то есть – три года работы, затем отпуск за один год, а за два – денежная компенсация.

К тому времени ему было под пятьдесят лет. Опытный геолог, лауреат Ленинской премии, награждённый многими орденами, в том числе самым главным орденом страны – орденом Ленина, этот человек был моим наставником и учителем, непрекаемым авторитетом. Он не сидел на месте в аппарате конторы, а постоянно бывал в экспедициях, с полевыми буровыми бригадами. И меня первое время приучал к такой работе и постоянно учил «чувствовать» скважину как технолог не по бумажным сводкам, а непосредственно находясь в рабочей обстановке на буровой. Из 260 рабочих дней в году половину я был на буровых в тайге. Такая практика работы осталась навсегда. Даже работая в должности главного инженера Сургутской экспедиции и главного технолога объединения, до преклонных пенсионных лет следовал этому правилу.

Работы было много, а вот под детский садик для сына Алёшки только заложили фундамент во дворе нашего дома. Так и не дождался он, наблюдая за строительством, а через два года, в 1979 году, пошёл в школу. Эти два года водили его на воспитание к нянечке – многодетной матери, растившей трёх своих детей. Муж этой матери-нянечки был опытным бурильщиком с многолетним полевым стажем. Соцкультбыт явно отставал от опережающего роста основного производства – разведки и добычи нефти. Даже школьники учились в три смены. У первопроходцев-геологов это, видно, передаётся по наследству из поколения в поколение.

Вспоминается «житьё-бытьё» нашей многодетной семьи в годы освоения нефтяного района «второго Баку» – Татария, Башкирия, Куйбышевская и Оренбургская области. Жили мы в районном городке нефтяников Бугуруслане – родители с шестью детьми в двухкомнатной квартире щитового деревянного дома барачного типа. Ещё четверо старших сестёр жили со своими семьями отдельно. Всего десять детей. Мать-героиня с Золотой звездой на груди.

В 1953 году нам с младшим братом Володькой было по 4 – 6 лет. Старший брат Анатолий учился на последнем курсе нефтяного техникума. Сёстры Тамара и Юлия учились в восьмом и шестом классах средней школы. Старшей сестре Майне было 19 лет, и она работала помощником кочегара на нефтепромысле вместе с нашей мамой – кочегаром. Трое сестёр размещались в одной комнате, трое братьев – в другой, а родители – на кухне, откидывая на ночь от стены кровать-топчан. До

школьного возраста мы с Володькой спали на одной кровати. Рано утром просыпались от звона медного колокольчика, что был в прихожей. Это не современный мелодичный электрический звонок, а настоящий колокольный звон, приводимый в действие с улицы посредством тонкого стального провода с деревянной ручкой на конце. Как не хотелось вставать! До сих пор у меня неприязнь к утреннему будильнику или звонку, а с годами выработалась привычка просыпаться самому по запланированному с вечера времени. Звонил же утром, обычно в 7-30, друг и однокашник старшего брата, тоже Анатолий, живший ниже по улице. Брат вставал раньше, тихо собирался и уходил на учёбу в техникум. Мы даже и не слышали, продолжая спать. И вот после звонка колокольчика мать открывала дверь, и из прихожей слышалась забавная игра слов.

Друг спрашивал:

– Толька ушёл?

Мать отвечала:

– Толька только ушёл!

Друг многозначительно смотрел на двух сестёр и вопросительно восклицал:

– Толька только-только ушёл?

И тут две сестры – Тамара и Юля хором отвечали:

– Толька! Толька только-только ушёл...

И прыскали от смеха.

Тут уже нам с Вовкой было не до сна, и мы тоже хохотали от души. Так повторялось каждое утро. Вечерами на городском катке, когда Толька-друг водил за руку моих сестёр по кругу, я понимал, что такое дружба.

Сёстры уходили в школу. Мать, накормив нас, уходила вместе с Майной на работу. Мы с младшим братом целый день были сами по себе. И это с четырёх-шести лет. Когда были поменьше, за нами по очереди присматривали старшие сёстры или брат, учившиеся в разные смены. Мать же с отцом работали на нефтепромысле №1 за городом.

На последнем курсе техникума Анатолий был сильно загружен учёбой. Специализация «Машинное оборудование промыслов», сокращённо МОП, требовала знаний техники и деталей нефтяных машин и агрегатов, что предполагало черчение. Он мог ночами работать за кульманом. Наш отец, у которого за плечами было 4 класса церковно-приходской школы, часто говорил: «Толька сильно охоч до знаний»...

Один раз мы с Вовкой получили от брата приличные подзатыльники за то, что положили жирные пирожки на газету, под которой лежал неоконченный чертёж. Мать жарила на сковороде ливерные пирожки, и мы, голодные, не смогли удержать их в руках и уронили на чертежи. Подзатыльники — это ещё ничего...

Перед Новым 1954 годом, как всегда, ставили дома ёлку, которую приносил из леса старший брат. Игрушек было мало, и мы сами вырезали ножницами из картона, клеили и разукрашивали всяких зверюшек. Брат, пришедший с последнего занятия из техникума, с радостью сообщил, что закончил учиться и вышел на дипломную практику. С возгласом «Ух!» с размаху сел на кровать и тут же вскочил с ужасным воплем. В ягодице торчали ножницы, а по ноге сбегала струйка крови. Его, конечно, увезли на «скорой помощи» и вечером вернули перебинтованного, а нас с Вовкой отец отстегал ремнём и лишил новогоднего ужина и подарков.

Несмотря на такие козни, Анатолий уделял внимание нам, меньшим братьям и племянникам Мишке и Юре — детям старших сестёр. Мишка был мой одноклассник, а Юра младше Володи на год. Анатолий водил нас на реку Кинель купаться и рыбачить. Иногда родители доверяли ему оставаться с ночёвкой у костра. Он учил нас нырять с обрывистых берегов вниз головой и доставать голыми руками раков из нор. По пути на рыбалку за городом подходили к загороженной территории маслозавода и через дыру в заборе таскали из-под навеса круги колбы. Это спрессованные остатки — жмых при изготовлении подсолнечного масла. Этими отходами кормили домашний скот (коров, лошадей, овец и свиней), а мы использовали как приманку для ловли рыбы. Правда, когда проголодаешься, отламываешь от круга по кусочку и, размачивая во рту, с удовольствием ешь.

В те далёкие 50-е годы питались дома не слишком хорошо, но жить можно было. Картошки, квашеной капусты, солёных огурцов и грибов в подполе было в достатке на всю зиму. Всё это заготавливалось и хранилось в больших дубовых кадушках. А в голодные военные годы, как рассказывал брат, эта колба шла на питание не скоту, а людям, и они из неё, добавляя лебеду, делали похлёбку. Многие, особенно дети, страдали от такой пищи, у них болели желудки. Не обошлось без этого и у Анатолия. Здоровье ухудшилось, особенно в те годы, когда он работал в Среднем Приобье и питался в полевых столовых.

Классно, как механик-профессионал, мастерил нам брат самокаты на подшипниковом ходу. Вниз по улице мы на них развивали такую скорость, что в вечернее время из-под колёс вылетали снопы искр. Конечно, и сами приходили домой, ободранные до крови, но терпели и на следующий день опять мчались наперегонки.

В 1954 году по окончании техникума Анатолий уехал работать на нефтяной Сахалин, и мы годами не видели друг друга. Но получалось так, что я, словно по ступенькам, повторял путь, пройденный старшим братом, а вслед за нами и младший брат Владимир пытался не отставать. Через три года (в 1957 году) Анатолий вернулся домой в Бугуруслан уже с женой Ларисой, работавшей на Сахалине медсестрой. Анатолий работал вначале мастером подземного ремонта скважин на самом дальнем нефтепромысле №3 в посёлке Тарханы, что в семидесяти километрах от Бугуруслана. Работая потом заместителем начальника участка, он приезжал в Бугуруслан с отчётами на мотоцикле ИЖ-56, привезённом ещё с Сахалина. Катал нас с Вовкой на этом мотоцикле «с ветерком». Мы учились в то время в 4 и 2 классах. У отца был мотовелосипед, и мы научились ездить на нём.

Как-то в магазин для продажи завезли тяжёлые мотоциклы с коляской «Урал» — мечту старшего брата. Отец внёс денежный залог и послал меня к старшему брату Анатолию сообщить об этом. Мне было 12 лет, я закончил 5 класс. Так вот, за 70 километров приезжаю на мотовелосипеде к брату, который восхитился моей решительностью. Обрато вернулся в тот же вечер в его сопровождении на мотоцикле. Посредине дороги в посёлке Заглядино у меня на мотовелосипеде сгорело магнето (катушка высокого напряжения для подачи искры на свечу), и брат на верёвке буксировал меня на мотоцикле. От такой поездки я целую неделю не мог садиться на седло велосипеда, пока не прошла боль. А мотоцикл с коляской в тот раз он так и не купил, потому что в том году (1959) поступил очно на учёбу в Московский институт нефтехимической и газовой промышленности имени Губкина И.М., который был лучшим вузом в СССР по подготовке нефтяников. Свой «ИЖак» он продал и перед отъездом в Москву помог нашему отцу купить новый мотороллер «Вятка», более подходящий пенсионеру. По примеру старшего брата, в 1967 году, перед призывом в армию, отец с моей помощью заменил старенькую «Вятку» на новую, на которой ездил до 75 лет.

В 1961 году, шагая по стопам старшего брата, я поступил в нефтяной техникум по той же специальности МОП и стал учиться на механика. Впервые в Москву поехал к брату в гости летом 1962 года, да не один, а с десятилетней племянницей Танюшкой – дочерью старшей сестры Зинаиды. Танюшка ещё дошкольницей воспитывалась у бабушки, то есть постоянно была с нами, и мне вечерами приходилось отводить её домой. Жили они в нагорной части города, и зимой я возил её на санках. Зато как было хорошо с ветерком мчаться обратно с горы по Колхозной улице, длиной почти в километр.

Родители посадили нас в поезд, и мы вдвоём, пятнадцати- и десятилетние ребятишки, самостоятельно прибыли в Москву на Казанский вокзал – район трёх вокзалов. Нас заранее предупредили, что встречать никто не будет, и мы сами искали место проживания брата с семьёй. У них только родился сын – Алёшка, и Лариса, жена брата, сидела с ним дома. Анатолий же был на сессии в институте. На метро, а затем на электричке мы с Танюшкой добрались до пригорода Москвы – станции Гривна, что недалеко от города Подольска. С трудом уже в сумерках нашли квартиру, что снимал брат на время учёбы. В самой Москве с квартирантов брали дорого, поэтому они жили в пригороде в двух часах езды от института. Во время сессий Анатолий жил в общежитии института на Ленинском проспекте. В промежутке между экзаменами он в первый раз показал нам Москву: Красную площадь и Кремль, ВДНХ и парк Горького. Поводил по Арбату и Садовому кольцу. Остальные две недели мы с Танюшкой сами гуляли по Москве, ориентируясь по туристической карте. Навыки туриста я приобрёл ещё после шестого класса, путешествуя пешком с группой школьников по местам боевой славы дивизии Чапаева, в которой конармейцем был мой отец ещё в 1919 – 21 годах. На поезд нас брат проводил, загрузив московскими подарками для большой родни в Бутуруслане.

В 1964 году по окончании института Анатолий начал работать инженером-конструктором на Волгоградском заводе нефтяного оборудования «Баррикады». Через год, временно оставив семью в Волгограде, на три года уехал на север в Сургутскую нефтеразведку. Туда с завода «Баррикады» поставляли новые буровые установки БУ-75 и БУ-80, и он стал работать механиком по испытанию и наладке. Я в то время после окончания нефтяного техникума начал работать на Самотлоре в Мегионской нефтеразведочной экспедиции. Два раза приезжал в Сургут на соревнова-

ния, но встретиться с братом не удавалось. Анатолий находился то на буровой, то в командировке в Волгограде. Встреча наша произошла только перед Новым 1970 годом после моей службы в армии. Возвращаясь из Баку в свой, уже ставший родным Мегион, я на несколько дней остановился по пути в Волгограде. Анатолий снова вернулся туда и работал ведущим конструктором на заводе в бюро знаменитого конструктора буровых установок Карапетяна. Он провёл меня по цехам завода – громадной территории на берегу Волги, в которых изготавливали буровые установки и оборудование для всех нефтегазоносных провинций СССР. В экспериментальном цехе, где работал брат, конструировали всё новое для бурения. В том числе буровую установку БУ-2500 БРД, оснащённую более подходящим для северных условий оборудованием. Конкретно Анатолий занимался разработкой, изготовлением и испытанием новых быстроходных буровых насосов – триплексов НБТ-600. Впоследствии эти установки с новой конструкцией насосов успешно прошли испытания в Среднем Приобье и стали поступать в нефтеразведочные экспедиции серийно, и работают до сих пор.

После демобилизации я ещё не снял военную форму и перед отъездом мы вместе с братом почтили отца и всех родственников-фронтовиков на воинском мемориале «Малахов Курган», где на вершине стоит восьмидесятиметровый памятник «Родина-Мать». Анатолий посоветовал мне учиться дальше и порекомендовал лучший вуз – МИНХиГП в Москве. В 1970 году я и поступил в институт, только в Тюменский индустриальный, на специальность «Бурение нефтяных и газовых скважин». Учился по направлению от производства (Мегионской НГРЭ), которое давали только в наш местный вуз.

В 1972 году командировка Анатолия в Тюмень совпала с датой нашей с Ириной свадьбы. Мы даже не ожидали такой встречи, и были несказанно рады близкому человеку на нашем торжестве. У него в Волгограде что-то не сложились по семейным обстоятельствам, и он снова вернулся на прежнее место работы в Сургутскую нефтеразведку механиком ремонтно-механического цеха. Слабое здоровье не позволило ему работать в полевых условиях. На этот раз мы поговорили по душам, вспомнили детство и юность на родине. Я почти ежегодно бывал в Бугуруслане. Анатолий же бывал там редко, особенно в последние годы. Видно, стыдно было показываться отцу с матерью после развода с женой. Я чувствовал, с каким интересом он воспринимал все новости родного края.

Наша следующая встреча произошла через пять лет, когда мы с семьёй переехали в Сургут на постоянное место жительства. Домой к родителям он так и не приезжал более десяти лет. Будучи в Бугуруслане после окончания института вместе с женой и сыном Алёшкой, я выслушал пожелания отца и матери увидеть старшего сына Анатолия. Пожеланиям этим так и не суждено было осуществиться. Родителей своих похоронил, когда им было по 76 лет – отца в 1978, а мать в 1981 году. В те 70-е годы мы, три брата и наш племянник Михаил Бавенков, работали в Среднем Приобье. Младший брат Владимир в 1968 году закончил нефтяной техникум, опять же наш родной Бугурусланский. Всего из нашей трудовой династии нефтяников Федотовых (61 человек) семнадцать родственников закончили этот техникум.

После службы в армии Владимир вахтовым методом работал бурильщиком на Мамонтовском месторождении в посёлке Мушкино, недалеко от города Нефтеюганска, а с 1975 года на Самотлоре, куда летал из Куйбышева 15 лет вплоть до 1990 года – начала резкого снижения объёмов бурения и добычи нефти в Нижневартовскнефтегазе.

Племянник Михаил после учёбы в ГПТУ и службы в армии тоже летал вахтовиком в посёлок Мушкино, работая вышкомонтажником. Потом, где-то в середине 70-х годов, осел в Нефтеюганске. Обзавёлся семьёй, получил квартиру и стал работать бригадиром вышкомонтажной бригады. 25 лет отработал он в полевых условиях, и в конце 90-х годов как раз во время дефолта 1998 года с ним, как и со многими работниками нефтяной компании ЮКОС, случилась неприятнейшая история, закончившаяся трагическим исходом.

В те времена ветеранам ещё давали бесплатные квартиры на «большой земле». И вот Михаилу Васильевичу, орденоносцу, выделили квартиру в городе Новокуйбышевске и на День нефтяника в сентябре должны были торжественно вручать ордера. Он оказался не единственным счастливым из своей бригады монтажников. Конечно, такое радостное событие отметили и выехали на вахтовке «Урал» монтировать очередную буровую установку. По пути кто-то из бригады не выдержал и добавили ещё спиртного. Следом за ними выехала конторская комиссия, и на буровой составили соответствующий Акт, хотя к работе они обычно в день приезда не приступали. Многие были вахтовиками и добирались до места работы из других областей. Это ведь не бурящаяся скважина, которую нельзя оставлять без присмотра

ни на минуту, а мёртво стоящие вышка и блоки, ожидающие перевозки на новую точку. Но «дело» было сделано, и тех, кому должны были вручать ордера, уволили по статье из ЮКОСа. Естественно, квартиры получили нужные в ту пору подставные лица, «труженики» контор и частных нефтяных предприятий, не нюхавшие тяжелейших полевых условий по 20-30 лет. А Михаил Васильевич, успевший разменять свою северную квартиру для детей, остался к пенсионному возрасту без жилья и вынужден был жить на даче среди болот и сырости. За год такого жилья заработал воспаление лёгких с последующим туберкулёзом, и, так и не повидав своих старых родителей, скончался в поезде под Екатеринбургом, по дороге к ним. Север суров, а иногда и жесток, и не все выдерживают здесь.

Из нашей трудовой династии нефтяников ещё три семьи в разные годы работали на севере Тюменской области, но вынуждены были вернуться на прежнее место жительства по состоянию здоровья или по семейным обстоятельствам, а некоторые просто не выдерживали напряжённого темпа работы при отсутствии простейших бытовых условий и культурного досуга. Вот и старшего своего брата Анатолия я по переезде в Сургут разыскал в больнице. Бывший его начальник, главный механик Сургутской экспедиции Николай Егорович Перепелюк, охарактеризовал Анатолия как грамотного, высокообразованного и безотказного во всех отношениях механика. Он, кроме основной деятельности, обучал рабочих в школе по подготовке кадров, помогал заочникам техникумов и вузов по черчению, математике и сопромату. В том числе и Н.Е. Перепелюку помог успешно окончить Свердловский горный институт. Николай Егорович сообщил, что Анатолий перешёл работать в Трубопроводное управление при Сургутгазпроме, и рекомендовал мне обратиться к повару столовой геологоразведки, которая готовила для Анатолия диетическое питание. Повар, моложавая и симпатичная женщина, рассказала, как найти балок, в котором проживал Анатолий. Балок, как и множество разбросанных по окраинам Сургута подобных, не имел почтового адреса. Просто – «за Саймой у ручья» и краской написанный номер балка. Походил я вокруг закрытого на маленький навесной замок балка и хотел уже возвращаться, так как по виду в нём давно не жили. Тут меня окрикнули из соседнего балка. Когда я подошёл, то соседи, увидев, что я похож на Анатолия, рассказали о брате и поведали, что он в больнице почти целый месяц. Такую секретность они объяснили частыми про-

верками и угрозами о выселении со стороны городских властей, хотя городская прописка по общежитиям или у родных и друзей у всех была.

В приёмном покое городской больницы мою передачу продуктов наполовину отсортировали, так как брат лежал с язвой желудка, но встречу разрешили. После пяти лет разлуки по-братски обнялись, расцеловались, и я увидел на его глазах слёзы. Слёзы радости и одновременно слёзы какой-то тоски от длительного отсутствия рядом близкого человека, которому можно полностью довериться. Врачи порекомендовали ему переехать в места с более благоприятным мягким климатом, желательно в сельскую местность с натуральными продуктами питания. Да и сам он признался, что пришёл к такому решению, хоть и горько было ему расставаться с севером.

После выхода из больницы начались сборы в дорогу. В балке сиротливо стоял кульман с незаконченным чертежом. Анатолий заверил, что после окончательного выздоровления он ещё вернётся и закончит этот чертёж задуманного рацпредложения. Но судьба не позволила ему в третий раз вернуться в Сургут...

Анатолий продолжил работу в Газпроме, но в Челябинской области на компрессорной станции знаменитого на весь мир трубопровода «Дружба» – Уренгой – Помары – Ужгород, диаметром 1400 мм.

Наш тюменский газ уже 30 лет почти даром шёл в дружественные соцстраны, а теперь – в СНГ и далее – на Запад.

Анатолий с новой семьёй завёл в селе Арасланово своё подворье, поправился на деревенском питании, стал фермером. Работу механиком не бросил. Наоборот, пошёл на повышение и стал главным механиком. Одновременно преподавал в сельской средней школе физику и черчение. Показал он мне своё хозяйство на нашей встрече, состоявшейся в 1990 году. Проездом на своей машине я заехал в Арасланово и сообщил ему, что в августе на родине в Бугуруслане соберутся все наши сестры и братья на юбилейную встречу. Тогда все десять детей наших родителей были живы и здоровы. Анатолий не был на родине около 30 лет и обещал к встрече подъехать.

Фермерское хозяйство у него было большое: стада коров, овец, свинарник, сенокосные поля, техника – трактор, сеялки, косилки и небольшая мастерская со сварочным аппаратом. Кроме того, домашнее хозяйство с огородом. С этим справлялись жена и приёмная дочь. На лето он нанимал несколько работников.

На встрече в родительском доме все были рады и довольны. Наконец-то после длительной разлуки вся семья – десять детей, но уже без родителей, смогла собраться вместе. Последний раз такое событие было в 1953 году – единственный раз при живых матери и отце. Помянули родителей на могилках, фотографировались и на их любимой лесной поляне в Аксаковской дубраве отдохнули и наговорились от души, вспоминая прожитые годы. Знакомились с впервые увиденными правнуками и только что родившимся (29 июля 1990 года) первым праправнуком Игорьком. На тот период было 46 наследников династии Федотовых.

Разъезжались с твёрдыми намерениями и обещаниями регулярно собираться в родительском доме, но жизненные трудности того «тёмного» для России времени отложили встречу до 2000 года – года стыка тысячелетий. Трое не дождалось этой встречи, и первым из них в 1992 году трагически в автокатастрофе погиб старший брат Анатолий. В последний путь в селе Арасланово Челябинской области его провожали четыре сестры – Тоня, Таня, Маина, Юля и я. Тяжело было переносить такую утрату умершего в 56 лет, полного сил и энергии родного брата. К концу этого же года после тяжёлой болезни ушла из жизни сестра Тамара в возрасте 54 лет, а в 1994 году скоропостижно скончалась сестра Маина в возрасте 60 лет.

В 2000 году на встречу собрались 5 сестёр и два брата, а в 2005 году – три сестры и два брата. На сегодня (2007 год) нас четверо – три моих старших сестры: Лидии – 84 года, Антонине – 81 год, Юлии – 67 лет. Но жизнь продолжается во внуках, правнуках и праправнуках. Старейшая трудовая династия нефтяников Федотовых с годами только разрастается. На генеалогическом древе семьи Федотовых сегодня 61 имя.

Только такими семьями может быть обеспечена положительная тенденция в демографической ситуации России, которая была заложена нашими родителями – Алексеем Кузьмичом и Дарьей Алексеевной, воспитавшими десять детей.

Глава 3. Я – буровик Сибири

Во многих отраслях отечественной промышленности работали и продолжают работать представители трудовой династии Федотовых, но большинство из них связали свою судьбу с нефте-

газовой и важнейшей её составляющей – бурением нефтяных и газовых скважин.

Отсчёт трудовой династии геологов-нефтяников Федотовых положен ещё в 1910 году, когда старший брат моего отца Иван Кузьмич начал учиться в Петербургском горном институте, успешно закончил его по специальности горный инженер и в 1917 году начал работать на Эмбинских месторождениях нефти, что в Гурьевской области Казахстана.

В 1922 году по окончании Гражданской войны мой отец Алексей Кузьмич стал работать со старшим братом сначала слесарем, а затем механиком по ремонту бурового оборудования. Предки нашей семьи, деды и прадеды мои, родом из деревни Пешелань, Арзамасского уезда, Нижегородской волости. Дед Кузьма, 1860 года рождения, держал свою кузницу и был зажиточным крестьянином со своим хозяйством. Это позволило ему дать образование своим пятерым детям, двум сыновьям Ивану и Алексею и трём дочерям Анне, Александре, Марии. Кузницу и хозяйство в годы революции экспроприировали, а чтобы не выселили семью, мой отец ушел добровольцем в Красную Армию. Конармейцем в дивизии Василия Ивановича Чапаева армии Михаила Васильевича Фрунзе мой отец дошел до низовьев Урала да там и остался у старшего брата жить и работать. Только в 1935 году наша большая семья перебралась осваивать нефтяной район «второго Баку» – в город Бугуруслан Оренбургской области.

Мы, послевоенные пяти- и семилетние мальчишки: младший брат Володька, я и два наших племянника Мишка и Юрка, бегая жарким летом с бидончиками за холодной родниковой водой, как замороженные смотрели на буровые вышки. За городом на хлебных полях они казались нам большими кораблями, плывущими по океану.

Вышка была, как мачта, приемные мостки с трубами – как носовая палуба, силовой и насосный блоки – как корма. Мы взбегали на мостки и с интересом смотрели, как Юркин отец – бурильщик Михаил Алексеевич Рыбаков виртуозно управлял громадными движущимися механизмами и быстро снующими по площадке у вращающегося ротора помощниками. Длинные трубы с долотом на конце одна за другой уходили в глубь земли.

Дядя Миша твёрдо стоял у крутящегося барабана лебёдки, держа правой рукой рукоять тормоза, а левой – штурвал газа управления дизелями. Штурвал по форме был похож на штурвал боевого морского катера, а дядя Миша – на рулевого. Всё вокруг

дрожало, грохотало и вибрировало, как при морском шторме на катере. И на самом деле Михаил Алексеевич Рыбаков во время Отечественной войны сражался с немецкими кораблями и подводками на Балтийском море рулевым торпедного катера. А после войны он – лучший бурильщик знатной в Оренбуржье буровой бригады мастера Сакадина Алексея Никитовича, Героя Социалистического Труда. Сам Михаил был награждён орденом «Трудового Красного Знамени» и многими боевыми наградами.

Когда все трубы спускались на забой, включались буровые насосы и начиналось бурение (углубление скважины) с выходом из скважины раствора с камешками горной породы. Эти камешки (шлам) отсоединялись на сите от раствора, и мы любили их собирать, такие разноцветные и отличные от камней-голышей на поверхности земли. Дядя Миша по крутой лестнице подводил нас за руку к своему пульта управления, а когда буровая не работала, то мы поднимались с ним по круговой маршевой лестнице вокруг вышки на самый верх до кронблока – на высоту 53 метра. Коленки дрожали и дух захватывало, но вид, открывающийся сверху, того стоил. Видно, с тех времён, с детства зародилось у меня желание стать буровиком. И все мы, трое: я, Володька и Мишка, – стали ими, а Юрка закончил физмат Уральского политехнического института и работал на закрытом оборонном предприятии в Челябинске, совершенствуя компьютерные системы современных танков.

Хоть и тяжелейшая это профессия – буровик, особенно, если речь идёт о геологоразведке, но интересная, до конца не изведанная, в то же время знатная и почётная. Скважина – это сложнейшее инженерное сооружение, которое располагается под землёй, это не оборудование и механизмы на устье скважины, которые можно увидеть, отремонтировать или заменить. Безаварийная проводка скважин требует от буровиков больших технических знаний, опыта и даже интуиции, выработанной многолетним трудом в полевых условиях. Забегая вперёд, вспомню совсем недавнее.

Как-то в год очередного, но самого большого кризиса в геологии и в нефтегазодобывающей промышленности России, в 1999 году (после дефолта 1998 года), в объединении «Обънефтегазгеология» сложилась ситуация, которая могла привести к самоликвидации предприятия. Но, к счастью, такого не произошло. Однако добыча нефти по России снизилась в два раза, до 303,5 миллионов тонн. Это был переломный год, особенно в бурении.

Все нефтегазодобывающие компании России кратно снизили капитальные финансовые вложения в добычу нефти, в эксплуатационное и разведочное бурение. Правительство отменило 10% ставку отчислений от прибыли продаж нефти на восстановление минерально-сырьевой базы, то есть на разведку. Единственная компания ОАО «Сургутнефтегаз» не пошла по такому пути получения максимально быстрой прибыли от имеющегося фонда эксплуатационных скважин, а продолжила задел в бурении новых скважин. Объём эксплуатационного бурения снизился только на 10% и составлял в те годы почти 50% от метража бурения по всей России, а по прогрессирующему горизонтальному бурению и зарезке боковых стволов из простаивающего фонда нерентабельных для промышленной эксплуатации скважин – до 75%. Такая стратегия «Сургутнефтегаза» позволила не только сохранить добычу, но и приращивать её ежегодно на 8-10%. Это стало возможным также благодаря созданию в «Сургутнефтегазе» Управления зарезки боковых стволов и капитального ремонта скважин (УЗБСиКРС) и Управления поисково-разведочных работ (УПРР), которое обеспечило опережающий добычу прирост запасов нефти. Создаваемые предприятия и рабочие места позволили задействовать сокращённых специалистов из ОАО «Юганскнефтегаз» и ОАО «Обьнефтегазгеология», что сократило до минимума уровень безработицы в регионе.

В разведку нефтяная компания вкладывала огромные средства, хотя в начале девяностых годов планировалась вхождение большой геологии Среднего Приобья в её состав. По такому пути пошли многие геологоразведочные предприятия Тюменской области: объединение «Мегионнефтегазгеология», Ноябрьская, Красноленинская экспедиции...

Мелкособственнические амбиции управляющих чиновников из Министерства, Главка и объединения не позволили сохранить большую геологию в том варианте, и «Обьнефтегазгеология» в 1999 году четырьмя бригадами набурила всего 48001 метр. В 1988 звёздном году самое большое в СССР, да, пожалуй, и в мире, геологоразведочное предприятие пробурило на порядок больше: 534 951 метр двадцатью бригадами, прирастив запасов нефти 306 миллионов тонн. Это соответствовало половине добываемой в ту пору в СССР нефти.

Но, как говорится, «мавр сделал своё дело, мавр должен уйти». Старшему поколению, ветеранам и работающим пенсионерам, пора уйти на заслуженный достойный отдых. Молодым

геологам снова, как и первопроходцам 50-х, – выйти в необжитые перспективные районы Восточной Сибири и шельфа морей Северного Ледовитого океана. Уйти – это условно, а на самом деле в течение десяти лет «Обънефтегазгеология» из бюджетной организации три раза преобразовывалась, меняя своих хозяев – нефтяные компании ТНК, НАФТА, Славнефть.

В 1990 году ликвидирована Юганская нефтегазоразведочная экспедиция в посёлке Угут, бурившая максимально в год 68 254 метра и подготовившая к эксплуатации крупное в те годы Тайлаковское месторождение, находящееся в заповедной зоне. Только спустя 20 лет началась его разработка. Борьба за право владеть лицензией на разработку этого крупного месторождения нефти привела к небывалому, можно сказать, спекулятивному росту акций ОАО «Обънефтегазгеология».

В 1992 году в полном составе добилась перехода в ОАО «Ноябрьскнефтегаз» (будущая компания Сибнефть) Ноябрьская НГРЭ, бурившая в год подъёма 161 606 метров.

Отстаивая на всех уровнях от Салехарда до Москвы целостность северной разведки, её востребованность в перспективных районах Ямала, начальник экспедиции Калашников Александр Андреевич перегрузил сердце и скоропостижно скончался от инфаркта.

В 1998 году ликвидирована в самом Сургуте Восточно-Сургутская НГРЭ, бурившая в 1988 году 128 413 метров. Крупнейшее в Сургуте автотранспортное предприятие АТП геологии (600 машин) распродано в частные мелкие фирмы и физическим лицам. Многие мелкие предприятия геологов обанкротились и пошли с молотка. Соцкультбыт безвозмездно передали администрации города. Крупнейший спортивный комплекс Сургута «Геолог» впоследствии перешёл в частные владения.

Последним этапом преобразований стал перевод оставшихся предприятий геологии (Сургутская НГРЭ, вышкомонтажное и строительно-дорожное управления) на цеховой уровень с непосредственным подчинением аппарату управления ОАО «Обънефтегазгеология» в составе нефтяной компании «Славнефть». Сохранению предприятия от банкротства и ликвидации способствовали работы на подряде по договорам с нефтяными компаниями, мизерные дотации из бюджета ХМАО и лицензии на разработку (добычу нефти) Западно-Асомкинского, Юрьевского и Тайлаковского месторождений. Создание в 1992 году цеха добычи нефти, а затем нефтегазодобывающего предприятия «Сургут-

геолнефть» позволило начать эксплуатацию имеющихся на Западно-Асомкинском месторождении разведочных скважин (пробная эксплуатация). Восточно-Сургутская НГРЭ пробурила там в 1992–1994 годах ещё пять уже наклонно-направленных эксплуатационных скважин. Добывающее предприятие возглавили перешедшие из «Сургутнефтегаза» специалисты-нефтяники: начальник Крылов Александр Николаевич, главный геолог Лалоян М.Э., главный инженер Маровян К.П.

Преобразованное затем в ЗАО «Обьнефтегеология» НГДУ стало добывать на Западно-Асомкинском месторождении в год по 250 000 тонн нефти, перекачиваемой на сборный пункт НГДУ «Юганскнефтегаз» по построенному 30-километровому трубопроводу диаметром 219 мм. ЗАО «Обьнефтегеология» возглавил Владимир Георгиевич Василенко, до этого работающий в 70-х годах бурильщиком Вахской НГРЭ в бригаде Маас В.Ф., в начале 80-х – начальником БПО Ноябрьской НГРЭ, а перед назначением – заместителем начальника Восточно-Сургутской НГРЭ.

Такая организация работ по собственной добыче нефти позволила в какой-то мере замедлить развал большой геологии Среднего Приобья. Было приобретено специально для наклонно-направленного бурения две установки «Уралмашзавода» БУ-3000ЭУК и задействована старейшая бригада бурового мастера, кавалера трёх орденов «Трудовой Славы» Соловьёва Владимира Сергеевича. Он единственный в г. Сургуте удостоен такого звания за открытие многих месторождений Среднего Приобья.

За 1994–1998 годы бригада Соловьёва совместно с ИТР экспедиции при помощи специалистов «Сургутнефтегаза» освоила технологию наклонно-направленного бурения и пробурила на Западно-Асомкинском месторождении 30 скважин. Это позволило сохранить в полном составе буровую бригаду, укомплектованную Сургутскими специалистами-буровиками. Другие четыре бригады Сургутской НГРЭ на 90% состояли из вахтовиков, приезжающих на время работы со всех концов России и даже Украины. Отработавших долгое время мастеров Сабахутдинова Салиха Шамсиевича, Хвостова Владимира Михайловича, Нишанбаева Раимжана, Аксарина Николая Семёновича и других заменили молодые мастера: Савин Василий Иванович, Несмеянов Александр Иванович, Бикжанов Роман Хайретдинович, Валиев Булат Анисович.

Низкая квалификация временных вахтовиков, старые с продлённым сроком эксплуатации буровые установки, невоз-

возможность в полном объёме согласно техническим проектам снабжать материалами и инструментом приводили к частым авариям при бурении глубоких разведочных скважин. Заказчики – нефтяные компании стали отказываться от услуг геологов по бурению разведочных скважин. В конце августа 1999 года все четыре бурящиеся скважины были в аварийном состоянии. Прихваты инструмента на скважине Р-17 Юрьевской площади (б/м Савин В.И.) при забое 2926 метров, на Р-970 Эниторской (Несмеянов А.И.) при забое 3353 метра, на Р-171 Грибной (Валиев Б.А.) при забое 2425 метров, а также оставление шарошек долота на забое 3024 метра на скважине Р-104 Алымской площади (Бикжанов Р.Х.) полностью парализовали плановую работу в сентябре.

Безаварийно сработала в августе – сентябре самого кризисного года буровая бригада мастера Зуева Александра Борисовича, собранная из ликвидированных в 1998 году вахтовых бригад. И такой сборной бригаде доверили бурение самой сложной и ответственной скважины на Тайлаковском месторождении. На месторождении было пробурено порядка 30 разведочных скважин, и оно было готово к защите запасов и передаче нефтяникам. Оставался последний заключительный, но ответственный этап – бурение оценочной скважины сложной конструкции со вскрытием продуктивных пластов и отбором керна с промывкой раствором на нефтяной основе. На заключительной стадии разведки крупных месторождений бурение таких скважин обязательно для подтверждения извлекаемых запасов нефти.

В моей практике бурения за 30 лет на всех крупных месторождениях мне приходилось всегда непосредственно участвовать в проводке таких скважин. В 1972 году на Р-107 Самотлорской, в 1976 году на Р-106 Варьёганской, в 1979 – на Р-139 Фёдоровской, в 1980-98 годах ещё на шести скважинах в Сургутской, Восточно-Сургутской и Ноябрьской экспедициях. Свой дипломный проект и доклады на научно-технических конференциях в Сургуте и Тюмени я тоже посвятил этой теме. В 1977 году в Тюмени был награждён дипломом Первой степени и авторучкой с золотым пером, которые вручал Нестеров Иван Иванович – член-корреспондент Академии наук СССР, самый знатный геолог Тюменского севера и оптимист по натуре. Это он поддержал Сургутских нефтеразведчиков в самые трудные 50-е годы, надеясь на скорое открытие нефти.

Так вот, меня, естественно, назначили ответственным за бурение оценочной скважины Р-256 Тайлаковской, где я прово-

дил основную часть рабочего времени и прилетал в Сургут помыться, сделать отчёты да поучаствовать в ежедневных планерках-совещаниях аппарата объединения. Р-256 на Тайлаках успешно закончили и получили приток нефти в два раза превышающий приток соседней скважины, расположенной в ста метрах. На одной из планерок разразилась нешуточная полемика о роли бурения и буровиков-организаторов основного производства. Молодые буровики – начальник и главный инженер Сургутской экспедиции – говорили, что основная причина высокой аварийности состоит в изношенном оборудовании, плохом материально-техническом снабжении и низкой оплате труда буровиков, особенно вахтовиков. Старшее поколение говорило о роли личности буровика, его компетентности, знаниях и практическом опыте. Выдающиеся личности в любой отрасли играли немаловажную роль в достижении общего успеха во все времена.

В начале 70-х годов объёмы бурения и добычи нефти по Тюменской области возрастали кратно. В 1970 году добыли 28,5 млн.т. нефти, в 1975 – 149, в 1980 – 308 миллионов тонн. Объём разведочного бурения по Сургутской нефтеразведке составил соответственно – 53 437,121 045,172 554 метра.

Учась в Тюменском индустриальном институте в 1970-е годы, мы, студенты, имеющие до поступления в вуз опыт работы, создали при кафедре бурения научно-технический центр «Буровик Сибири» и приглашали на встречи знатных буровиков того времени. Они рассказывали о своей работе, жизненном пути. От имени нашего центра мы торжественно вручали им символические удостоверения с теснением золотыми буквами на обложке «Буровик Сибири». Удостоверение №1 было вручено Муравленко Виктору Ивановичу – начальнику «Главтюменьнефтегаза», №2 – Лёвину Геннадию Михайловичу – Герою Социалистического Труда, буровому мастеру, впервые пробурившему на Самотлоре за год 100 000 метров скважин. Почётному президенту нашего клуба, заведующему кафедрой бурения, кандидату технических наук Грязнову Георгию Степановичу – «Буровик Сибири» за №3.

Староста нашей группы Сергей Малыгин пригласил на встречу своего отца – бурового мастера с 1955 года, Героя Социалистического Труда Семёна Лукича – первооткрывателя многих месторождений Среднего Приобья. Семён Лукич был моим наставником. В армию я уходил из его бригады и после демобилизации вернулся в этот дружный рабочий коллектив. Рекоменда-

цию в партию получал от Малыгина. Бывая в Тюмени, обязательно захожу к нему домой проведать, получить очередной заряд бодрости духа, а ведь ему исполнилось 82 года.

На встречи в наш клуб «Буровик Сибири» приходили Урусов Семён Никитович, Николай Глебов и Виктор Китаев... Президентом нашего институтского клуба был в ту пору студент Владимир Богданов. За активную работу по сохранению объёмов бурения в критические для России годы его с полным правом можно поставить в одном ряду с лучшими буровиками Сибири.

За годы совместной работы в труднейших полевых условиях Среднего Приобья непререкаемым авторитетом стали пользоваться мастера Жумажанов Нажимтден Уакпаевич, Соловьёв Владимир Сергеевич, Сабахутдинов Салих Шамсиевич из Сургута; Маас Вильгельм Фридрихович и Камышин Александр Валерьевич из Ноябрьска; Норкин Григорий Иванович, Хафизов Фаат Закиевич и Курбатов Анатолий Иванович из Мегиона. Бригада Анатолия Курбатова была передовой комсомольско-молодёжной бригадой 60-х годов. Первая комсомольско-молодёжная свадьба в поселке Мегион была у бурильщика Михаила Стюрова и лаборанта-коллектора этой бригады – Анны. После свадьбы все спрашивали: «Куда делись молодожены?» А им выделили на буровой отдельный балок, и они целое медовое лето провели в тайге с комарами и мошкой, работая и живя на скважине, так как в посёлке не было отдельного жилья. Это о таких буровиках сказал тюменский поэт Иван Николюкин на научно-технической конференции молодых специалистов и учёных в Тюмени в апреле 1966 года:

Вот они, я всюду узнаю
Их по смелой трудовой сноровке.
По привычке жить в любом краю,
По бывалым курткам и спецовкам.

И я горд, что жизнь меня свела
С ними на большие расстоянья,
В паспорте буровиками назвала,
Самое большое выдал званье.

Из инженеров-буровиков геологии Среднего Приобья не изменили своему кредо до выхода на заслуженный отдых Горский Александр Тихонович, Абазаров Владимир Алексеевич, Палашкин Михаил Петрович, Каталкин Степан Леонидович, Пархомович Виктор Михайлович, Коломасов Владимир Иосифович.

После того полемического совещания в сложившейся критической финансово-производственной ситуации генеральный директор объединения издал приказ об очередном сокращении кадров, отправке многих ИТР в отпуск без содержания и о работе на полставки. Мы с Коломасовым, начальником ПТО попали в разряд полставочников. Но как можно разделить скважину, находящуюся в бурении, на две стадии? Единым является процесс от забурки и до спуска эксплуатационной колонны и её цементажа. Я ушел на три месяца в отпуск без содержания, а затем взял ещё очередной отпуск. Владимир Иосифович Коломасов перед выходом на пенсию продолжил работу на полную ставку. Но пенсию насчитали всем одинаково – не более 75% средней зарплаты по России и высококвалифицированному специалисту-полевику, и обычным работникам-исполнителям. Мне не пришлось отдохнуть после такого приказа, так как коллеги нефтяники пригласили по трудовому соглашению на три месяца в Сургутское УБР-2 к Лёвину Геннадию Михайловичу консультантом по бурению оценочной скважины №366 Камынской площади с аномально-высоким пластовым давлением. С Геннадием Михайловичем не раз сходились наши дороги на буровицкой стезе. Ещё в начале 1965 года буровая бригада Лёвина принимала у нас, монтажников, экспериментальную, первую в СССР буровую установку с автоматическим (без верхового рабочего) спуско-подъёмом бурильных труб. Я на дипломной практике работал вышкомонтажником второго разряда в тресте «Первомайбурнефть», что в городе Отрадном Куйбышевской области.

Моложавый (27 лет) коренастый, круглолицый со слегка выпуклыми глазами, подвижный мастер обошёл всю буровую, вникая в тонкости нового оборудования. Быстро составил от руки дефектную ведомость – свои замечания и предложения, через два дня приехал проверить и оставил на буровой одну вахту буровиков для совместной работы с монтажниками. В 1968 году со всей бригадой Лёвин переехал на север в Мегионскую контору бурения, а с 1969 года начали работать на Самотлоре параллельно с бригадой бурового мастера Повха Степана Ананьевича, пробурившего первую самотлорскую эксплуатационную скважину.

Я в то время работал там же – в Мегионе, в буровой бригаде Малыгина С.Л. на Самотлорском месторождении. В 1981 году Лёвин возглавил Сургутское УБР-2 и работал вплоть до выхода на заслуженный отдых в 2003 году. Геологоразведчики постоянно общались с нефтяниками, обменивались опытом. В чём-то мы

им на первой стадии оказывали помощь, в чём-то — они нам, особенно в пору кризисных лет перестройки. Главный технолог Зайко Владимир Иванович, начальник технического отдела объединения «Сургутнефтегаз» Плодухин Владимир Петрович, главный инженер Ануфриев Сергей Валентинович и главный технолог Кузьмин Николай Николаевич из УБР-2 всегда помогали в решении наших проблем. То что геологи не вошли в состав «Сургутнефтегаза», не говорит о том, что у нас были разногласия. На уровне буровых бригад, ИТР, начальников отделов и подразделений работали взаимосвязано, ведь земля и месторождения на ней одни. Вначале шли мы, геологи, открывая, изучая и подготавливая запасы нефти к разработке. Затем по нашим точкам (скважинам) и картам, но широким фронтом шли нефтяники. В первых научно-практических конференциях Сургута участвовали вместе, поочередно делая доклады и внося предложения по общим темам.

Несмотря на заманчивое предложение остаться в УБР-2, УПРР или Управлении ЗБСиКРС, я вернулся в «Объединение геологии», где начинал работать с момента её образования в 1976 году; пережили вместе и подъём, и кризисные годы, и уже в следующем 2000 году набурили 70 638 метров, а в 2001 — 85 550 метров. При оформлении пенсии в 2002 году своё символическое удостоверение «Буровик Сибири» за №4 передал вместе с другими личными экспонатами в музей геологии Сургута.

В 1977 году, 30 лет назад, мы начинали с таких же объёмов — 77835 метров было набурено тогда сургутскими геологоразведчиками. Работа в технологическом отделе объединения по началу была для меня скучна и непривычна. Была неудовлетворённость от выполнения мелких технических кабинетных заданий. Хотел уже возвращаться работать в экспедицию в полевые условия поближе к скважинам, но спасибо старому опытному буровику Архангельскому Владимиру Васильевичу — начальнику ПТО, который направил мои усилия, знания и небольшой практический опыт технологии проводки скважин в нужное русло. Высокообразованный, интеллигентный, он спокойно, капля по капле, скрупулезно и настойчиво обучил меня правильному составлению технических отчётов, графиков бурения, проектно-сметной документации, анализу буровых работ и выбору стратегического направления в повышении технико-экономических показателей и рентабельности геологического производства — прироста запасов нефти. Хотя давно нет в живых Владимира Ва-

сильевича, но добрая память о нём навсегда осталась в людях, работавших с ним. В войну он летал радистом на тяжёлом бомбардировщике, был ранен, контужен. После войны окончил Свердловский горный институт, работал в Якутии, Афганистане. Постоянно за рабочим столом курил папиросы «Беломор», потому что не мог позволить себе частые перекуры в работе, спускаясь на первый этаж в туалет. У него сильно болела раненая нога, и он вышел на пенсию по инвалидности, недоработав до срока один год. Но работы в бурении он выполнил на многие годы вперед и мог дать фору в этом любому молодому инженеру. Даже в преклонные годы он выезжал на буровую для ликвидации особо сложных аварий. После трёхлетней работы на буровых в Мегинской НГРЭ я не мог усидеть на месте в аппарате объединения и в первый же месяц по заданию главного инженера Палашкина Михаила Петровича в июле вылетел вертолётom на самую дальнюю скважину Сикторской площади, что в Вахской НГРЭ, 500 километров восточнее Сургута. Разведку на этой площади вела буровая бригада мастера Маас Вильгельма Фридриховича, впоследствии кавалера трёх орденов Трудовой Славы. Скважины глубокие – 3000 метров, но отнюдь не сложные в геологическом отношении. Отбор керна производился только в одних Юрских отложениях на глубине порядка 2900 метров. Быстрому бурению таких скважин (около 40 дней) способствовала не только чётко слаженная работа и высокая квалификация мастера и бурильщиков (Василенко Владимир Георгиевич, Демидов Владимир Иванович), но и отработанная до мелочей технология проводки. После бурения верхних глинистых горизонтов на глубине 2000 метров наработанный тяжёлый раствор частично сбрасывался из циркуляции и разбавлялся водой, обработанной химвагентом КМЦ (карбоксиметилцеллюлоза) и на лёгком малоглинистом растворе подходили к проектной глубине скважины. Причём очистку раствора от выбуренной породы производили двухступенчато на вибросите и гидроциклоне. Всё это позволяло достичь высоких скоростей бурения и проходок на долото и, как следствие, мы закончили бурение раньше проектного срока. Один лишь недостаток – при частичном сбросе раствора нарушалась экологическая обстановка вокруг буровой и несколько увеличился расход химвагента КМЦ. Но при разведочном бурении, когда скважины находились на значительном расстоянии (5–10 километров), такие нарушения не могли сильно повлиять на окружающую флору и фауну. Опыт периодических проверок фонда

старых законсервированных разведочных скважин показывает, что через 10-15 лет всё зарастает так, что устьевое оборудование не сразу отыщешь.

По приезде в Сургут сделал отчёт-анализ технологии бурения и внёс предложения по обработке бурового раствора новыми химреагентами, предотвращающими активное его насыщение глинистой фазой и, соответственно, исключающими сброс излишек раствора. Такую технологию бурения на малоглинистом растворе мы разрабатывали в лаборатории научно-исследовательского института ЗапСибБурНИПИ при Главке под руководством Козубовского Александра Ильича – кандидата физико-химических наук. У него я подрабатывал, учась на старших курсах индустриального института. Главный инженер объединения М.П. Палашкин поддержал мою инициативу, рекомендовал написать статью в московский отраслевой реферативный журнал «Бурение» и вызвал Козубовского А.И. для практического внедрения предложения.

Всё это было оперативно проделано, и уже осенью этого же года на скважине Р-97 Карамовской площади в бригаде Н. У. Жумажанова была практически отработана новая технология обработки и очистки бурового раствора. В качестве нового химреагента использовали побочные остатки при производстве высокопрочного стекла для авиации и автомашин с техническим названием ГКЖ (гидрофобизирующая кремнийорганическая жидкость). Везли её в жидком виде в ЖД цистернах с завода «Оргстекло», что в городе Дзержинске Горьковской области, разливали в Сургутском УПТОиК в 2–3 кубовые ёмкости и доставляли на буровые, в летнее время на подвеске вертолёт МИ-6.

Нажмитден Уакпаевич сначала в штыки воспринял смену старой, годами наработанной технологии бурения. Даже после забурки и спуска кондуктора (первой обсадной колонны на глубину 400 метров) ушёл с буровой, сказав: «Работайте, как знаете, но ответственность берите на себя». Бригадой остался руководить помощник бурового мастера Хвостов Владимир Михайлович, окончивший годом раньше Уфимский нефтяной институт и приехавший в Сургутскую нефтеразведку с женой Ларисой и маленьким сыном. Лариса Михайловна стала работать техником в отделе труда и зарплаты у ветерана, опытного бухгалтера Вольхина Льва Дмитриевича. В последующие годы она выросла до главного бухгалтера Сургутской

НГРЭ, а с ликвидацией предприятия в 1999 году – до главного бухгалтера объединения.

Через неделю при забое около 2000 метров прилетает на смену Жумажанов и с вертолѐта – прямо к желобной системе. Резиновый сапог опустил в раствор и, поднимая ногу, прищёлкнув языком, воскликнул: «Как сливки, сам бы ел!» Сапог был чистый, что говорило опытному практику об отличном качестве бурового раствора. Александр Ильич Козубовский подсказал старому мастеру посмотреть на бурильные трубы, стоящие после подъема из скважины за пальцем на подсвечнике. Они были совершенно чистыми от раствора и играли солнечными бликами.

– Вы что, обтиратор ставили при подъѐме труб из скважины? – спросил мастер у помощника.

– Нет, – ответил Владимир – это обработанный реагентом ГКЖ раствор обладает хорошей смазочной способностью и стекает с труб, как с Вашего сапога.

– Молодцы, – похвалил всех знатный мастер, закурил свой любимый «Беломор» и угостил всех курящих из бригады, собравшихся по поводу обсуждения досрочного окончания скважины и готовности следующей из монтажа.

Молодые бурильщики Эдуард Кириллович Миронов и Виктор Алексеевич Кручинкин рвались в бой с недрами и вместе с помощником мастера Хвостовым В.М. с воодушевлением принимали всё новое в бурении. Они только окончили курсы бурильщиков в школе по подготовке рабочих кадров при Сургутской НГРЭ, где я им читал лекции по технологии бурения и крепления скважин. Это была самая первая в Среднем Приобье школа, готовившая рабочие кадры и ведущая переподготовку специалистов. Первым её директором в 60-х годах был Сиротский Юрий Федорович, затем – Гарбар Вера Тимофеевна, а в третьем поколении – Козловский Иван Григорьевич и Заведеева Клавдия Ивановна. За 40 лет существования школы Сиротского было подготовлено несколько тысяч рабочих специалистов для всех 12 нефтеразведочных экспедиций трёх объединений ХМАО. 25 лет и я без отрыва от производства входил в состав преподавателей школы.

По результатам практического внедрения на скважине Р-97 Карамовская мы с Козубовским А.И. в технологическом отделе объединения разработали и утвердили регламент-карту поинтервальной обработки бурового раствора на основе реагентов ГКЖ и гипана и распространили его на все экспедиции объеди-

нения «Обънефтегазгеология», а после представления этой темы в докладе на научно-практической конференции в институте ЗапсибНИГНИ – на весь Главк, то есть на все нефтегазовые районы Тюменской области. Наш опыт внедрения новых технологий по обработке бурового раствора переняли и нефтяники Главтюменьнефтегаза. Результаты от внедрения не заставили себя ждать.

Впервые за последние годы все бригады Сургутской НГРЭ в 1978 году выполнили план по бурению. При плане 125 000 метров набурен рекордный для экспедиции показатель – 132 231 метр (в 1977 году – 77 835 метров), а буровая комсомольско-молодёжная бригада мастера Соловьева Владимира Сергеевича установила рекорд по отрасли – 38 268 метров проходки горных пород. Снизилась аварийность и улучшились технико-экономические показатели глубокого разведочного бурения. Рационально применяемая по разрезу гамма долота и принудительная гидроциклонная очистка раствора от абразивного песка позволила увеличить среднюю проходку на долото и механическую скорость бурения при усложнившихся горно-геологических условиях и возросшей глубине скважин.

При массовом внедрении новой техники и технологии, из-за невозможности должного повсеместного контроля, не обошлось без осложнений и аварий. Рекордная проходка в бригаде Соловьева была достигнута в основном за счет параллельной работы в течение полугода одновременно на двух скважинах. При бурении из-под кондуктора на скважине Р-22 Покамасовской площади в разрезе неустойчивых глинистых пород в интервале 370-840 метров произошел обвал с последующим прихватом и сломом бурильного инструмента. Тяжелейшая авария, на ликвидацию которой было затрачено сорок суток. А получилось все из-за халатной беспечности молодого помбура – выпускника Тюменского ГПТУ-7 и из-за отсутствия контроля со стороны ИТР. Вместо глинопорошка для предотвращения потерь раствора желобную систему на поверхности оградили от растекания цементом. Мешки одинаковые, бумажные весом 40 и 50 кг., почти неразличимые. Заводы-изготовители ставили маркировку не на всех мешках. А раствор по новой рецептуре на основе химреагента гипана неустойчив к кальцию, которого в цементе большое количество. Об этом было сделано предупреждение в технологическом регламенте и даже указана специальная обработка раствора при разбуривании цементного «стакана» в кондукторе по

нейтрализации ионов кальция. Но цемент попал в раствор, который потерял необходимые для бурения параметры, и начался обвал с обильным выносом неустойчивой породы в виде чешуйчатого шлама. Только после зачистки земляного амбара от шлама экскаватором «Беларусь» и полной замены испорченного раствора удалось забурить второй ствол и ликвидировать аварию. Бригада рекордсмена Соловьёва В.С. после этого неудачного внедрения новой рецептуры стала с опаской относиться к апробированию передовой техники и технологий. Для достижения рекордов нужна гарантия в бурении 100%, что не всегда даёт новое оборудование. Но рецептуры буровых растворов на основе ГКЖ и гипана прижились и в течение почти двадцати лет были базовыми для всей Западной Сибири не только у геологов, но и у нефтяников при бурении эксплуатационных скважин. Позже, из-за возросших требований экологов, направленных на сохранение недр и земного ландшафта, перешли на более прогрессивные рецептуры малоглинистых полимерных и биополимерных систем с четырехступенчатой очисткой от шлама и рекультивацией (восстановлением) территории после бурения.

В 1978 году Мегионская, Аганская и Вахская нефтегазопромысловые экспедиции отделились от сургутян и вошли в состав образовавшегося в Мегионе объединения «Мегионнефтегазгеология». Генеральным директором назначили Гаврикова Валентина Андреевича, который и меня хотел забрать назад в Мегион. Но меня назначили исполняющим обязанности главного технолога объединения «Обьнефтегазгеология» вместо ушедшего в Главк Абазарова Владимира Алексеевича.

С начала 1979 года меня перевели на освободившуюся должность главного инженера Сургутской НГРЭ, так как вышедший на пенсию Зуев Юрий Михайлович переехал в Краснодар. Сургутская НГРЭ, самая первая и самая большая экспедиция в Среднем Приобье, вела поиск нефти и газа на обширной территории не только Сургутского района, но и захватывая часть Нижневартовского, а также — Пуровского района Ямало-Ненецкого автономного округа. Буровые находились на расстоянии до 500 километров от Сургута: на юг (Тайлаковская площадь) и на север (Карамовская, Муравленковская площади).

Переструктуризация в системе управления, большая отдалённость от базы, невозможность своевременного обеспечения материалами, особенно в летнее время (вся надежда толь-

ко на авиацию) приводили к длительным простоям в бурении и, как следствие, – к осложнениям и авариям.

Объединением и Главком было принято решение о создании на севере в поселке Ноябрьске отдельной нефтегазоразведочной экспедиции. Одну из лучших буровых бригад Сургутской экспедиции мастера Зиновьева Серафима Ивановича (впоследствии – Аксарина Николая Семёновича) перевели в состав Ноябрьской НГРЭ. Позднее, к осени 1979 года, там создали вторую буровую бригаду молодого мастера, выпускника Тюменского индустриального института 1975 года, моего однокашника Семёнова Геннадия Петровича. Ноябрьская экспедиция в первый год своего образования набурила 17 357 метров.

К концу 1979 года в объединении на базе опять же Сургутской НГРЭ была создана Восточно-Сургутская НГРЭ, куда отошли две буровые бригады. Две вновь созданные экспедиции укомплектовывались в основном за счет Сургутской опытными инженерно-техническими работниками, ушедшими на повышение. Это ослабило Сургутскую НГРЭ, и она, естественно, сработала в 1979–80 годах ниже уровня 1978 года, набулив соответственно 103 426 и 91 723 метра. Но в целом по объединению с учетом двух созданных экспедиций было набурено 172 554 метра, то есть на 40 000 метров больше, чем в 1978 году. Общий прогресс был сохранен.

Опытного руководителя, начальника Сургутской НГРЭ Перепелюка Николая Егоровича, прошедшего с 1957 года все ступени геологического поиска, назначили Генеральным директором объединения «Обънефтегазгеология». За ним ушли и многие руководители отделов и служб. Так что мне на первых порах этой переструктуризации Сургутских геологов было очень тяжело на должности главного инженера экспедиции и доставалось по полной программе как от коллег по работе, так и от вышестоящих из Тюменского Главка – начальника Салманова Фармана Курбановича и главного инженера Логанова Юрия Дмитриевича. Пришлось на год забыть, что такое семья, спортзал, любимые лёгкая атлетика и лыжи, и посвятить себя полностью работе в поле на буровых и проведению непривычных для меня разнарядок и совещаний, которые проводил с помощью Каталкина Степана Леонидовича, работавшего в ту пору заместителем Генерального директора по общим вопросам и одновременно исполняющим обязанности начальника нашей экспедиции.

Вскоре начальником Сургутской НГРЭ назначили Молдавского Виталия Павловича, приехавшего из Аганской НГРЭ, где он был главным инженером.

Только тогда я начал заниматься техническим руководством бурения, расстановкой и опекой новых молодых специалистов, прибывающих из вузов и техникумов. Практическую помощь в продвижении молодых специалистов активно оказывали партком (Громов Михаил Николаевич), профсоюз (Дмитриенко Иван Васильевич), комсомол (Липявко Анатолий Дмитриевич) и промышленный отдел горкома партии в лице заведующего Курбанова В.Н. Вячеслав Николаевич до этого 10 лет после окончания Сызранского нефтяного техникума работал в Сургутской экспедиции, и как никто другой знал обстановку на производстве в поле и тяжёлые бытовые условия молодых специалистов в Сургуте.

С Вячеславом Курбановым я познакомился ещё в 1967 году, когда приезжал на комсомольские конференции и спортивные соревнования в Сургут из Мегиона. Вячеслав работал помощником бурильщика, помощником бурового мастера, потом секретарём комсомола сургутских геологов и активно занимался спортом – лыжными гонками и лёгкой атлетикой. Я в ту пору работал дизелистом в бригаде Малыгина С.Л., и мы находили с Курбановым много общего как в работе, так и в спорте. За сборную треста «Обьнефтеразведка» мы выступали на областных соревнованиях геологов, занимали призовые места и выполнили нормативы первых спортивных разрядов по лыжным гонкам. Позднее Вячеслав стал кандидатом в мастера спорта по лыжам, а я – по лёгкой атлетике. До преклонных лет мы не бросали спорт, а позднее – здоровый образ жизни, вместе в сургутском клубе любителей бега «Барс» участвуем в ветеранских областных и всероссийских соревнованиях. Вячеслав Николаевич в 2005 году был признан лучшим спортсменом-ветераном ХМАО, завоевав золотую медаль в составе эстафетной сборной России на чемпионате Мира по лыжным гонкам в Австрии. Мои победы скромнее – чемпион Тюменской области и бронзовый призер Кубка России в марафонском беге среди ветеранов.

Так что мы на личном примере демонстрировали долголетие в спорте и активную жизненную позицию.

В 1979 году в ознаменование 20-летия бурения первой скважины Сургута организовали четырёхкилометровый пробег от места бурения (вышки-обелиска) до памятника первым комсомольцам на улице Мелик-Карамова. На старт вышли взрослые и

дети, в том числе и мы с сыном Алёшкой. Вспомнил годы занятий бегом в армии и институте и занял первое место в пробеге. В тот год команда геологов в легкоатлетической эстафете по улицам Сургута на призы газеты «К Победе Коммунизма» в честь Дня Победы заняла при моём участии на самом длинном этапе первое место. В следующем олимпийском 1980 году наша дружная команда заняла первое место в областной спартакиаде геологов в Тюмени и привезла Кубок, который хранится в музее геологии.

В экспедиции после реорганизации остался костяк опытных технических работников: главный механик Архипов Михаил Павлович, главный энергетик Ромашов Геннадий Алексеевич, начальник ПТО Амосов Алексей Иванович, главный технолог Липявко Юрий Дмитриевич, заместитель главного инженера по технике безопасности Седнев Анатолий Иванович, начальник отдела материально-технического снабжения Фриdleвич Эдуард Михайлович. Сильной осталась в экспедиции геологическая служба во главе с Катковым Олегом Ивановичем – главным геологом и патриархом геологии Шашкиным Александром Павловичем, начальником геологического отдела. Цех испытания скважин возглавлял опытный специалист Гарнага Заур Поликарпович.

На разнарядках-совещаниях при Сургутской экспедиции всегда были руководители смежных организаций, без которых невозможна разведка: Дмитриев Иван Петрович – начальник АТП, Каминский Станислав Антонович – начальник строительно-дорожного управления, Семилеткин Федор Иванович – начальник вышкомонтажной конторы. Однако менее опытные, недавно пришедшие молодые специалисты вузов и техникумов были разрозненны, постоянно меняли рабочие места и инженерные должности, искали себя в деле разведки полезных ископаемых. Многие были неудовлетворенны как работой, так и досугом, бытовыми условиями. И некоторые после трёх лет работы по распределению переходили в организации Сургутгазпрома и Сургутнефтегаза или уезжали с Севера в тёплые края. Жилья, детских садов не хватало. Жены сидели дома, воспитывая детей, или отдавали их, как и наша семья, нянечкам. Молодые специалисты несколькими семьями жили в квартирах вместе, кооперируясь в воспитании маленьких детей, по очереди ходили на работу.

Чтобы молодые инженеры не привыкали от безделья к алкоголю, к концу рабочей недели я собирал их в красном уголке

для проведения учебы по единым правилам буровых работ, техники безопасности, проектно-сметной документации и внедрения новой техники и технологии. Каждый заранее готовился по определённой теме и излагал свои предложения для общего обсуждения. В конце делалось обобщение и принималось общее решение по проблеме. Вечерами после работы оставались поиграть в настольный теннис, шахматы, ходили в спортзал подшефной школы №2 – играли в волейбол и баскетбол. Любители художественной самодеятельности собирались в клубе «Геолог». В фойе вечерами ставили три теннисных стола, где я руководил секцией тенниса. Играли и соревновались все – и взрослые, и дети. Сборная геологов по настольному теннису занимала призовые места в городе и на областной спартакиаде в Тюмени. Вместе со мной участвовали перворазрядники геофизик Пётр Корниевский, школьница Галина Недвецкас, которая затем работала в нашем управлении комплектации оборудования.

Особенно активными на производстве, в общественной работе были буровики Владимир Вырвикишко, Рафаил и Галина Шариповы, Николай Демидов, Владимир и Лариса Хвостовы, Сергей и Вера Ткаченко, Аркадий и Анна Березкины, Александр и Виктория Оглезневы, Виталий Савин, Анатолий и Наталья Липявко; геологи: Леонид и Галина Пресман, Евгений Заярный, Иван и Людмила Кос, Виктор и Клавдия Заведеевы, Владимир Браташов...

Все они с годами работы в геологии стали грамотными специалистами, компетентными руководителями: Вырвикишко и Савин – начальниками экспедиций; Шарипов, Оглезнев и Ткаченко – главными инженерами; Хвостов, Демидов и Берёзкин – главными технологами; Липявко – начальником РИТС; Кос – главным геологом объединения; Пресман – последним главным геологом Сургутской НГРЭ, Браташов – заместителем начальника экспедиции, затем первым заместителем мэра города Сургута.

Начало 1979 года было для экспедиции особенно трудным. Достались переходящие с 1978 года три аварийные скважины, на ликвидацию которых ушел целый месяц, и в январе пробурили только 5 438 метров при плане – 8 000. Для выхода из сложившейся ситуации буровые бригады усилили помощниками буровых мастеров из числа молодых ИТР и, кроме того, назначили кураторов – опытных начальников отделов:

за бригадой Хвостова В.М. – Николая Демидова и Липявко Ю.Д.; Соловьёва В.С. – Александра Оглезнева и Вырвикишко В.Я.; Малоштанова И.Ф. – Сергея Ткаченко и Ромашова Г.И.; Роменского И.И. – Дмитрия Плотникова и Амосова А.И.; Усанова Ю.А. – Гургена Квициани и Жумажанова Н.У.; Зиновьева С.И. – Анатолия Липявко и Архипова М.П.

Проходка по месяцам стала стабильно расти: февраль – 8 796 метров, март – 10 067 метров, апрель, несмотря на две аварии, – 10 572 метра. Когда ликвидировали аварии в бригадах Соловьёва и Роменского, в мае достигли рекордной месячной проходки по экспедиции – 13 014 метров.

Я практически весь май находился в полевых условиях на буровых. Хотел бы привести характерный пример, который иллюстрирует ритм работы буровиков-нефтеразведчиков.

30 апреля с дозаправкой вертолётa МИ-8 на подбазе Русскинская вылетели расширенной приемной комиссией на самую дальнюю Муравленковскую площадь. Буровую установку БУ-80 заканчивала монтажом бригада прораба Зайчука Петра Лаврентьевича – орденоносца. На бурение туда уже перебазировалась с Федоровского месторождения за 400 километров по зимникам бригада Зиновьева Серафима Ивановича. Со своим инструментом (бурильными трубами), навесным оборудованием и так называемой «мелочевкой» общим весом около ста тонн, с жилым городком из шести вахтовых балков, котельной, кухней, баней и другая бригада колонной автомашин в сопровождении трактора успела до распутицы переехать на Р-215 Муравленковскую. В перспективе эта бригада должна была к концу года войти в состав новой Ноябрьской экспедиции.

Комиссией с небольшими замечаниями приняли буровую установку. Недоделки опытная бригада монтажников Зайчука тут же устранила и была готова вылететь в Сургут на выходные и Первомайские праздники. Весь цикл строительства буровой установки монтажники проводили без выходных за 12-15 дней.

После приемки провели с буровой бригадой собрание – пусковую конференцию, а потом после буровиков и монтажников с аппетитом пообедали в просторной столовой-вагончике. Свой небольшой котлопункт в рубленой избушке монтажники уже свернули. На буровой в общей сложности находилось одновременно 45 человек, что в два раза больше обычного, но половина должна была вылететь на базу и ничего, по заверению диспетче-

ров авиации, не предвещало неприятностей. Все были в приподнятом предпраздничном настроении, планируя участвовать в Первомайской демонстрации, отдохнуть за выходные в Сургуте. Однако раннее жужжание подлетающего вертолѐта насторожило всех, и, когда он приземлился и заглушил мотор, что редко бывало, у всех на лицах читалось недоумение. Дверь открылась, и из вертолѐта вышла комиссия Главка из Тюмени в сопровождении директора объединения «Обънефтегазгеология» Морозова Николая Михайловича и главного инженера Коломасова Владимира Иосифовича. Возглавляли комиссию главный инженер Тюменьгеологии Логанов Юрий Дмитриевич и начальник технологического отдела Симонов Виктор Михайлович, недавно перешедшие на «усиление» геологии из Тюменьнефтегаза. Они до этого назначения долгое время работали на тех же должностях в объединении «Мегионнефтегаз». В течение часа они осмотрели готовность к бурению, провели небольшое совещание и ответили на вопросы рабочих. Логанов подтвердил создание Ноябрьской экспедиции и сказал, что вторую скважину на Муравленковской площади Р-33 бригада Зиновьева С.И. должна бурить в августе в составе новой экспедиции.

На Р-215 Муравленковской произошло моѐ знакомство с Виктором Симоновым, переросшее затем в многолетнее плодотворное сотрудничество по внедрению новой техники и технологии на базе нашего объединения «Обънефтегазгеология». Он приехал в Сургут в командировку не один, а с создателем новейшей модификации гидравлического забойного двигателя Агеевым Алексеем Иосифовичем, кандидатом технических наук из Московского всесоюзного научно-исследовательского института буровой техники (ВНИИБТ) – продолжателем славной школы турбинного бурения Капелюшникова, Шумилова и Иоанесяна. Из Москвы они доставили два комплекта экспериментального турбобура ТПС-172 (турбобур с плавающим статором), один из которых уже завезли в бригаду бурового мастера Соловьѐва В.С. на Р-144 Федоровскую.

Пообедав, пилоты вертолѐта забрали комиссию Главка и только пятерых монтажников, сославшись на большую загрузку, длительный маршрут по намеченным комиссией точкам и наличие дополнительного топливного бака в салоне. Перед отлетом Морозов Н.М. выразил неудовлетворение по поводу оставления конторы экспедиции в праздничные дни без руководства. Главный геолог экспедиции Катков Олег Иванович находился на

скважине Р-54 Кочевской площади по случаю неожиданного нефтегазопроявления при отборе керна во время бурения на глубине 2 855 метров. Начальник экспедиции Перепелюк Николай Егорович с начальником геологического отдела объединения Людофун Фёдором Николаевичем и топографом Плехановым Владимиром Полиевтовичем делали облет буровых с контролем наличия там материалов для бурения в летнее время.

К вечеру погода резко изменилась, небо заволокло тучами, поднялся шквальный ветер с зарядами снега, и видимость упала до нуля. Где-то вдалеке прошумел вертолёт, и позднее нам сообщили, что пилоты из-за плохой видимости не нашли точку Р-215 и вынуждены были вернуться на базу.

Так мы остались вместе с монтажниками и буровиками на скважине, всего 40 человек. У нас был фронт работ, продукты, жильё, где по очереди можно спать. Главковская комиссия успела вернуться в Сургут. А вот Перепелюк Н.Е. с компанией попали в переплёт, да ещё какой!

Любители охоты, они взяли с собой ружья, так как была «весновка» – открытие весенней охоты. Пока вертолёт летал на дозаправку на подбазу Русскинскую, они остались на обследовании очередной точки, на которой, кроме бурового станка и материалов, ничего не было. Вертолёт из-за ухудшения погоды, конечно, не прилетел, и они три дня «поохотились» от души, спасаясь от непогоды в построенном из досок шалаше и питаясь подстреленной дичью и выловленной рыбой. Николай Егорович простыл и временно потерял голос и слух. Голос впоследствии восстановился, а слух только частично. За такой случай «дезертиров» производства «разбирали» на парткоме, и мы – все работники Сургутской экспедиции – защитили их, выходя на высшие партийные инстанции вплоть до горкома (первого секретаря Аникина Николая Григорьевича) и обкома (Богомякова Геннадия Павловича). Аникин Н.Г. и Богомяков Г.П., как и многие партийные и хозяйственные руководители того времени, прошли все ступени производства в нефтяной промышленности, геологии. Николай Григорьевич долгое время работал в Сургутнефтегазе, буровик по специальности. Перед тем, как его назначили председателем горисполкома и первым секретарём горкома КПСС, работал главным технологом Управления буровых работ Сургутнефтегаза. Геннадий Павлович Богомяков в 60-е годы возглавлял Тюменский филиал Сибирского научно-исследовательского института геологии и минерального сырья. Они

как никто другой понимали, знали все трудности полевых работ и могли принять правильное решение относительно и производства, и судеб людей.

Рано утром первого мая по предложению председателя разведкома (профсоюза) Дмитриенко Ивана Васильевича провели праздничную демонстрацию с разводом по рабочим местам. На импровизированную площадку цементировочного агрегата ЦА-320 (автомашина «КРАЗ») поднялся старейший из сорока геологоразведчиков – буровой мастер Зиновьев Серафим Иванович, а остальные строем по два в шеренгу с лопатами и ломачами на плечах, знаменем и выпелами, полученными бригадой за победы в соцсоревновании, промаршировали вокруг вышки и приступили к работе.

Вахта бурильщика Виктора Онищенко на площадке у ротора подвешивала машинные ключи, производила оснастку талевой системы и прочие необходимые перед забуркой специфические работы. Дизелисты под руководством Геннадия Ботова запустили электростанцию и делали профилактический ремонт силового и насосного оборудования. Среди дизелистов отличался своей статью, ростом и силой Игорь Тудвачев. О нём рассказывали, что в трескучие морозы он с такой силой заворачивал болты на лобовой насоса, что гаечный ключ 47х55 ломался в его руках, как карандаш. В 80-х годах он возглавил во вновь созданной Восточно-Сургутской экспедиции отстающую бригаду и вывел её в передовики. Монтажники во главе с главным инженером Семилеткиным Федором Ивановичем и вездесущим Петром Зайчуком обшивали стенки земляного амбара тесом и жердями из подручного материала, поваленного вокруг обширной вертолётной площадки.

Пусковая комиссия конторских работников – вахта ИТР, как назвал нас буровой мастер, разбилась на два звена. Одно, в составе главного механика Архипова Михаила Павловича, заместителя главного инженера по технике безопасности Седнева Анатолия Ивановича, меня и ветерана геологии Вольхина Льва Дмитриевича, начальника отдела труда и зарплаты, начало подвоз глинопорошка и приготовление глинистого раствора. На пену (толстый лист железа) грузили из-под навеса мешки глинопорошка весом в 40 кг. по 25 штук, подтаскивали трактором до агрегата по приготовлению промывочной жидкости (АППЖ-7), вручную по маршевой лестнице поднимали на площадку, разрезали ножом мешок и засыпали глину в бункер. Через тридцать

минут перемешивания 4 метра кубических готового раствора сливали в амбар. И так двадцать раз в течение суток непрерывной работы.

Второе звено в составе главного энергетика Ромашова Геннадия Алексеевича, главного технолога Липявко Юрия Дмитриевича и председателя профкома Дмитриенко Ивана Васильевича укладывало на стеллажи у приемных мостков бурильные и обсадные трубы. Эта работа у них заняла два дня – 270 бурильных труб длиной 12,5 метров и весом 300 кг. каждая и 60 труб длиной по 9 метров и весом 450 кг.

Хорошо, что буровая находилась на гриве – сухой песчаной возвышенности, покрытой ягелем.

Муравленковское месторождение нефти, названное в честь первого начальника Главтюменьнефтегаза Муравленко Виктора Ивановича, находилось на более подходящей территории междуречья – на небольшом возвышении, где было мало болот. Здесь начинались речки, идущие на север к большим рекам Пуру и Надуму, а на юг – к Оби. Так что нам не пришлось на этой буровой дополнительно таскать болотные сапоги, но всё равно с непривычки некоторые ИТР падали после такой работы с ног и крепко спали на нарах, не раздеваясь.

Третьего мая скважина забурилась, и мы ещё успели вручную затарить смесительную машину СМН-20 (КРАЗ) тампонажным цементом весом 20 тонн. Руководил нами начальник цеха крепления скважин Ковылин Николай Дмитриевич. Николай Дмитриевич – ветеран Сургутской геологоразведки с 1957 года.

Четвертого мая небо прояснилось, вышло яркое весеннее солнышко, и нас с извинениями за «погодку» пилоты вывезли в Сургут. 5 мая с семи утра провели планерку – совещание в контроле экспедиции, согласовали с подрядчиками план-график работы на май. Я навестил в больнице начальника экспедиции Перепелюка Н.Е., утвердил план-график и после обеда улетел в бригаду Хвостова В.М. на скважину Р-54 Кочевскую, где не могли ликвидировать нефтепроявление.

Главный геолог Катков Олег Иванович после недельного пребывания на скважине этим же вертолетом вылетел, наспех под шум вертолета объяснив мне ситуацию. Впопыхах он едва не забыл взять с собой отобранную пробу нефти в трёхлитровой закупоренной банке.

Уставшие от тяжелой работы буровики с радостью и надеждой на удачный исход встретили вахту бурильщика Денисова Владимира Ивановича, тампонажников, двух стропальщиков для работы с вертолетом МИ-6, бойцов противofонтанного отряда во главе с командиром Фадеевым Виталием Михайловичем. Подлетел также аварийный мастер Скорынин Виталий Федорович. С расположенной по соседству подбазы Русскинская вертолёт МИ-6 каждые 30 минут подвозил по пять тонн утяжелителя (барит) и глинопорошка. Территория буровой находилась на зимней точке, то есть на торфянике, и работы можно было проводить пока не оттаял грунт. Вышку приходилось постоянно центрировать, укрепляя её основание и блоки стволами сосен и кедра. Территория и земляной амбар с раствором начинали затопляться талой водой.

Выяснив обстановку на скважине, запросил по вечерней связи две емкости – понтоны объемом по 40 м³ и гусеничный вездеход ГТТ. Задействовали также в системе циркуляции раствора 50-кубовую емкость из-под дизельного топлива.

Бойцы противofонтанного отряда Протасов и Прыгунов провели профилактику своего оборудования, задвижек и аварийных отводов, хотя при первом нефтепроявлении оно сработало безотказно. Вахта бурильщика Владимира Денисова после праздничных выходных с воодушевлением начала приготовление новой порции утяжеленного раствора.

Вертолет МИ-6 бросал корзины с утяжелителем и глинопорошком на сухое место в ста метрах от буровой, и приходилось вручную на спине перетаскивать 30-40-килограммовые мешки к скважине. Гуськом друг за другом, в болотных сапогах по раскисшему торфянику с мешками на спине шли не только вахта буровиков, но и такелажники, бойцы противofонтанной службы, инженер-геолог Евгений Заярный, молодой специалист – инженер Владимир Жиров. Я не выдержал и тоже встал в общий строй.

Помбуры Виктор Топорков и Олег Астафьев, прибывшие по комсомольскому призыву после демобилизации из армии, показывали пример физической закалки и делали на несколько ходок больше, чем остальные. Бурильщик Владимир Иванович Денисов тоже вспомнил молодость, когда 20 лет назад в 1958 году приехал после воинской службы из Германии на первую Локосовскую скважину в разведку к Фарману Салманову и работал там помбуром.

Но все плоды нашего героического труда через два дня скважина «выплюнула» вместе с нефтью через отвод закрытого устья за пределы обваловки в котлован для сжигания нефти. При закрытом устье давление доходило до пятидесяти атмосфер, и на отводе горел факел нефти. Выбросив очередную порцию нефти с раствором, скважина успокаивалась и давала возможность снова подготовиться к задавке.

Оставив распоряжение приготовить утяжеленного до $1,25 \text{ г/см}^3$ раствора в количестве 120 м^3 , я 8 мая вылетел временно в Сургут.

9 мая вместе с начальником технологического отдела Главка Виктором Симоновым и Агеевым Алексеем Иосифовичем – заведующим отделом турбинного бурения московского Института ВНИИБТ вылетели к началу испытаний экспериментального турбобура ТПС-172 на буровую Р-144 Федоровскую в бригаду В.С. Соловьева. С глубины 500 метров проходка началась этим турбобуром, испытание которого продлились и на других скважинах до конца года. Особенно хорошие результаты были получены в сентябре в бригаде бурового мастера Малоштанова И.Ф. на скважине Р-47 Восточно-Сургутской площади недалеко от Сургута на берегу Оби. Турбобур отработал без ремонта с алмазными долотами около 500 часов, что в три раза превышало межремонтный период серийных турбобуров ЗТСШ-172. Этот опыт был распространен на все экспедиции объединения и Главка, и турбобур ТПС-172 в 80-е годы пошел в серийное производство на Кунгурском машиностроительном заводе. Но «первый блин всегда комом», то есть на скважине Р-144 Федоровской испытание не закончили, так как, когда в конце апреля ТПС-172 с двумя комплектами осевой опоры – шпинделями везли на трубовозе по просевшему зимнику, то один комплект (шпиндель) уронили с прицепа, и он оказался в снегу. Отыскивали его с вертолета только летом после схода снега. За это я получил выговор от Салманова и Логанова и был Морозовым лишен премии за рекордную проходку в мае.

С начальником технологического отдела Симоновым В.М. мы подробно обсудили стратегию на годы вперед по отработке опытных партий долот, гидравлических забойных двигателей, рецептур обработки раствора, новой технологии крепления по методу нефтяников, то есть все этапы технологии проводки разведочных скважин. Конечно, престижно и

почетно объединению быть полигоном по испытанию всего нового, но забот ещё больше.

В Сургутской экспедиции при цехе бурения уже создали группу в количестве шести инженеров по внедрению новой техники и технологии, и Симонов В.М. заверил, что в 1980 году в Сургуте при объединении будет создаваться отделение Западно-Сибирского бурового института (ЗапСибБурНИПИ) (Тюмень).

10 мая после обеда прилетел в Сургут и допоздна работал в кабинете с накопившимися документами. Попытался найти помощника, бурового мастера Николая Демидова, с которым планировал на следующий день лететь на Р-54 Кочевскую задавливать нефтепроявление.

11 мая после утренней разнарядки (готовый вылететь на буровую) заехал в объединение к главному геологу Новикову Г.Р. Георгий Ростиславович до переезда в Сургут 15 лет работал в Правдинской НГРЭ. Начинал рядовым геологом ещё до приезда туда Фармана Салманова. При нем вырос до главного геолога экспедиции и, когда Салманов защищал докторскую диссертацию, то и Георгий Ростиславович защитил кандидатскую по теме разведки залежей нефти на месторождениях с аномально высоким пластовым давлением (АВПД). По предварительному экспресс-анализу нефти, привезённому Катковым О.И. с буровой и по поведению скважины, Новиков предположил сходство с Салымским месторождением в Горноправдинске. Но как практик, пришедший из экспедиции, он для окончательного вывода должен был лично прибыть на скважину, о чём мы и договорились.

Я поехал на «УАЗике» по данному мне в отделе кадров адресу на улицу Песчаную, 11, что за Саймой, к Николаю Демидову. Он местный житель, родился и закончил школу №1 в Сургуте.

Через пять лет учёбы в Тюменском индустриальном институте, в 1977 году он вернулся в родной город и работал вначале, как все молодые инженеры, помощником бурильщика, затем – помощником бурового мастера.

Доехал до высокого места, где сейчас офис Сургутгазпрома, а дальше все улицы залиты – половодье! В тот год был небывалый подъем уровня воды – на два метра выше среднестатистического. Подняв ботфорты болотников, попытался пробраться к дому вдоль улицы, нащупывая ногами тротуар, но не тут то было...

Мальчишки, плавающие на лодках, доставили меня к крыльцу дома. В прихожей, по колено в воде, окликнул хозяина.

С чердака раздалось приглашение Демидова подняться по лестнице наверх. На чердаке все было завалено домашним скарбом, перенесенным снизу. Молодежь расположилась временно наверху, а родителей перевезли к родственникам в пятиэтажку. Николай объяснил, что не может вылететь на буровую из-за сложившихся обстоятельств (охрана имущества), и тут же написал заявление на отпуск, которое я вынужден был подписать и вылететь на буровую без смены буровому мастеру Хвостову В.М.

12 мая на буровую подлетели из объединения Новиков Г.Р. и Морозов Н.М. Болотоход ГТТ прибыл на день раньше, и все было готово к очередной задавке проявляющей нефтью скважины. Но и на третий раз раствор выбросило из скважины, и фонтан нефти перед закрытием устья обрызгал всю вышку, вплоть до площадки верхового рабочего на высоте 25 метров.

Георгий Ростиславович, убедившись во всём лично, дал единственно правильное указание: вновь приготовить запас раствора, быстро поднять бурильный инструмент, провести запись каротажа и спустить эксплуатационную колонну, не перекрывая нижний проявляющий горизонт, и зацементировать её.

К 16 мая мы успешно провели работы, несмотря на то, что в конце продавки цементного раствора за колонну на устье выходила нефть, которую направляли в котлован и сжигали. Последующее испытание скважины подтвердило наличие АВПД до 40% от гидростатического давления, но с малым дебитом нефти из продуктивного пласта – 3 м³ в сутки. Скважина Р-54 находилась по структуре в купольной части пласта, и такое нефтепроявление в практике бурения было впервые, с чем нефтеразведчики удачно справились, и скважина была закончена до наступления полной распутицы. Если эту скважину закончили удачно, то в бригаде Соловьева В.С., работающего одновременно на двух скважинах, положение с каждым днем ухудшалось. На скважине Р-44 Восточно-Сургутской площади, расположенной в затопляемой пойме Оби, ещё в марте при забое 2803 метра уронили твердосплавную челюсть (часть автоматического ключа бурового – АКБ) с последующей заклинкой инструмента. Длительные аварийные работы и перебуривание вторым стволом в течение двух месяцев привели в середине мая к невозможности продолжать работы из-за подтопления буровой установки.

Мы с главным инженером объединения Коломасовым Владимиром Иосифовичем вылетели на буровую для принятия комиссионного решения по консервации скважины. На буровой

находилась одна вахта бурильщика Смирнова Анатолия Ивановича, помощник бурового мастера Оглезнев Александр Алексеевич и начальник РИТС Аксарин Владимир Семенович. Работы не велись, стояла мертвая тишина, нарушаемая пальбой – салютом из ружья в честь дня рождения Смирнова. Буровой станок и жилой городок стояли в воде, и сообщение между ними было возможно только с помощью лодки. Вода подходила к мосткам и продолжала подниматься, что было видно по засечкам на вбитом шесте. Бурового раствора на поверхности – всего 30 м³ в одной емкости. Земляной амбар затоплен, и это всё издержки рекордного параллельного бурения одновременно на двух скважинах. И мастер не руководит и не контролирует процесс бурения, и члены бригады, имея большую переработку, теряют хватку и бдительность при работе, и снабжение вовремя не успевает с заказами. Как говорится – приплыли!

После вынужденной консервации скважину Р-44 перебурили с нуля в зимнее время.

На 20 мая проходка с начала месяца составляла всего 3950 метров, а отставание от плана пяти месяцев было 18 000 метров. Секретарь Громов Михаил Николаевич срочно собрал внеочередное заседание парткома экспедиции и вынес на обсуждение только один вопрос – состояние буровых работ.

До конца месяца планировалось забурить пять нулевок – громадный объем подготовительных и организационных работ, и, в конечном итоге, самого бурения разведочных скважин. Надо отдать должное транспортникам, дорожникам, Управлению технического обслуживания и комплектации оборудования, базам и подбазам, – они полностью выполнили зимний завоз на летние точки и создали фронт работ бурильщикам. Заседания парткома в те времена практически дублировали производственные совещания, и на них принимались чисто технические решения. Вот некоторые решения из того парткома:

1. Улучшить качество монтажа и не допускать задержек буровых бригад по причинам ожидания станка.
2. Добиваться действенной помощи в централизованном снабжении передовых бригад из Тюмени и объединения.
3. Строго соблюдать технологические регламенты при бурении скважин – ГТН, РТК, КПОР (геолого-технический наряд, режимно-технологическая карта, карта поинтервальной обработки раствора).

4. Ликвидировать простои во время завершения скважин при каротаже и спуске эксплуатационной колонны.

5. Шире и смелее применять передовую технику и технологию бурения, для чего подключить группу внедрения новой техники и научно-исследовательские институты Тюмени, Краснодара, Москвы.

6. Среди молодых ИТР проводить техническую учебу и повышать их ответственность за порученное дело, ужесточить отчетность и спрос за нарушения и оплошности.

7. Для снижения аварийности соблюдать режим труда и отдыха, переработку допускать только в пределах нормы при завершении и забурках скважин.

В итоге было сказано, что есть «рекорды» по авариям: Р-22 Покамасовская и Р-44 Восточно-Сургутская в бригаде Соловьева В.С.; Р-104 Карамовская в бригаде Хвостова В.М.; Р-41 Восточно-Сургутская в бригаде Малоштанова И.Ф.; Р-105 Карамовская в бригаде Роменского И.И.

В общей сложности за счет аварий потеряно 12 000 метров скважин, и сейчас необходимо переходить к рекордам по показателям бурения.

Воодушевленные «призывом партии», все разъехались по полевым бригадам, до конца месяца забурили планируемые пять нулевок и пробурили по экспедиции за десять оставшихся дней мая 9064 метра, а в общей сложности за месяц – 13 014 метров.

Я вылетел с приемной комиссией в бригаду бурового мастера Усанова Юрия Алексеевича на скважину Р-18 Северо-Островную, что всего в семидесяти километрах от Сургута, недалеко от поселка Локосово. Скважина находилась на берегу большого живописного озера и запомнилась удачной рыбалкой, отменной ухой и проснувшейся медведицей с двумя маленькими медвежатами. Комиссия в тот же день улетела, а я остался на буровой, чтобы ускорить бурение, вместе с молодым помощником мастера Гургеном Иламазовичем Квициани. К нам годом раньше приехали два молодых специалиста из Тбилисского политехнического института. Один, не отработав и года, не выдержал зимних условий и сбежал назад в Грузию, а Гурген прижился на Севере, работал впоследствии во вновь образованной Восточно-Сургутской экспедиции и вырос до начальника ПТО. Однако в годы развала Союза, в 90-х годах всё-таки уехал на родину, а жаль – хороший буровик из него получился бы.

Вода в озере у буровой к концу мая прогрелась, и мы с Гургеном плавали на противоположный берег за желтыми кувшинками – лилиями, как он их называл. С кронблока вышки было видно медведицу с медвежатами, которые спокойно ели прошлогоднюю клюкву на ближайшем болоте. Нам тоже хотелось пособирать крупной клюковки, особенно вкусной после зимы, но было боязно, а с ружьем не хотелось нарушать покой медвежьей семьи – хозяев тайги.

Буровая работала размеренно, скважина вела себя без осложнений, вахты возглавляли надежные бурильщики – Лазаренко Юрий Николаевич и Алексей Хабиров. Лазаренко с 1953 года в бурении, начинал в Кемерово, Колпашево, а с 1958 года – в Сургутской нефтеразведке. Хабиров – мой земляк из Бугуруслана, закончил там в 1972 году техникум, долгое время работал помбуром, а с 1976 года – бурильщиком.

После перевода Юрия Усанова начальником РИТС Хабиров в конце 1979 года принял буровую бригаду и долгое время работал мастером. Юрий Николаевич Лазаренко тоже перед выходом на заслуженный отдых работал буровым мастером, но короткое время. У него была особая любовь к скважине. Он обладал особым талантом буровика, переданным ему по наследству от родителей в нефтяном Краснодаре и привитым старшим братом Вячеславом, бывшим буровым мастером. Они вместе в 1959 году пробурили первую в Сургутском районе поисковую скважину №31 глубиной 3 264 метра в поселке Локозово. Во многом трудовая династия братьев Лазаренко была похожа на нашу династию Федотовых, и мы с полуслова понимали друг друга. Часто бывая в бригадах, где бурильщиком работал Юрий Лазаренко, я не уставал следить за тем, как виртуозно он управляет с пульта комплексом оборудования для спускоподъемных операций. Особенно он чувствовал поведение скважины при аварийных работах и всегда выходил победителем – «Буровик Сибири» с большой буквы. Был он большим любителем рыбалки, охоты, собирал грибы, ягоды и кедровые орехи. Ведро клюквы, брусники или черники он собирал в два раза быстрее меня.

На Р-18 Северо-Островной перед выездом он пригласил меня на ондатровую охоту. Вокруг буровой множество мелких протоков от Оби, а между протоками натоптаны ондатровые тропы. С вечера он расставил на тропах петли, а рано утром до рассвета разбудил меня, и мы в болотниках затемно вышли на

охоту. У озера возле входящего в него ручья расположились под березкой. Юра показал мне в какую сторону вести наблюдение, а сам прилег на брезентовую подстилку, прихваченную с собой. Ему с утра заступать на вахту, и он решил подремать оставшуюся до рассвета часть ночи. Только начало всходить солнце над гладью озера, всё вокруг оживилось. Заиграли в заводи щуки, гоняясь за мелкой рыбешкой. С неба стали падать стаи уток, а на средину озера от берега поплыла пара белых лебедей. Камыши, куда мне велел смотреть Юра, зашевелились, и из воды показались заспанные, с узкими глазами мордочки ондатр. Они начали гулко шлепать своими хвостами по воде, как лопатами, пробираясь по своим натоптанным тропам.

Я не сразу разбудил моего наставника по охоте, не хотел нарушать идиллию пробуждения природы. Позднее, насладившись красотой, взбодрившись крепким чаем из термоса, пошли по свежим ондатровым тропам, вытаскивая зверей из петель. Изрядно подустав от хождения по трясине в тяжелых болотниках, мы подсчитали, что на две ондатровые шапки хватит, и вернулись к завтраку на буровую.

Юрий Николаевич с вахтой, приняв от ночной смены скважину, продолжили бурение. Забой приближался к запланированным на конец месяца 1700 метрам, и я, уверенный в надежности бригады и прилетающего на смену мастера Усанова Юрия Алексеевича, вылетел этим же рейсом домой в Сургут.

Наконец-то можно один-два дня до конца месяца побыть дома с семьей, и с новыми силами в таком же ритме продолжить разведку и открытие месторождений нефти, которых на счету сургутских нефтеразведчиков было 27.

Юрий Николаевич Лазаренко на пенсии уже 15 лет, и я, приезжая ежегодно на Тюменский марафон, чтобы пробежать с другими спортсменами по улицам областного центра 42 километра 195 метров, обязательно захожу проведать их семью, поделиться воспоминаниями, рассказать о сегодняшнем Сургуте спустя 50 лет после первого десанта геологов-первопроходцев.

Через год, в 1980 году меня назначили главным технологом объединения «Обьнефтегазгеология», и началось новое десятилетие: поиск нефтегазовых месторождений Среднего Приобья, который в 90-е годы сменился распадом большой геологии Сургута.

Но об этом этапе длительного геологического марафона в третьей части моего повествования.

Марафон продолжается...

СЕРГЕЙ АБРАМОВ

Сергей Владимирович Абрамов родился 6 октября 1960 года в деревне Бугинка, Ярковского района, Тюменской области. По окончании средней школы в селе Плеханово того же района и Авиационно-технического училища Гражданской авиации в городе Троицке Челябинской области, работал в аэропорту «Роцино» города Тюмени. Начиная с 1983 года – в подразделениях Сургутгазпрома. Стихи начал писать с 1996 года. Автор сборников стихов: «Небесные истоки», «Верста», «Задумчивые ночи», «Родные задворки».

РАССВЕТНАЯ ДАЛЬ

Здесь погуще туманы,
Синь небес посвежей.
Что-то кажется странным,
Не всегда по душе.

Что-то кажется диким
С непривычки в тайге.
Можно стать тут безликим,
Можно сгинуть в пурге.

Иль, уйдя чрез завалы,
Сквозь запреты, табу,
Тихо спеть под гитару
У костра про судьбу.

И нечаянно другу
все открыть о себе, -
Всю сердечную муку
Будто сжечь на костре.

Здесь погуще туманы...
Слышен стон средь ветвей, -
Иль то пляска шамана,
Или песни друзей...

Бывает много слов
и мыслей безупречных.
Бывают сны про рай и ...
смертная тоска.
Повсюду говорят о том,
что человечно,
Но в чем тут все же суть –
не говорят пока.
А суть совсем проста
и проще не бывает:
У Вечности челом зовется
Лик святой...
Я мать свою спросил...
Она об этом знает.
Другим хотел сказать, -
лишь вертят головой.

В колорите видимых реалий,
Что природа бережно хранит,
Я бы выбрал (нет, не угадали) –
Иву, что над речкою стоит.

Хоть и достается иве кроткой
Летом от усталых косарей, -
То порежут дерево литовкой,
То согнут её для шалашей.

То порубят веточки на вицы,
Чтобы ветром стог не унесло.
То начнут порою материться,
Потому, что тучу принесло.

Все она, родная, перетерпит.
Бури и ветра переживет.
В омуте шумят, хохочут черти.
А над ивой радуга встаёт!

Старуха

Иконочку достав из сундука,
Старуха чуть заметно улыбнулась.
Протерла Образ кончиком платка.
И... долго вспоминала свою юность.

Тогда еще, в двадцатых-то годах,
Ходили в Верхотурье богомолки
Тобольским трактом, в кожаных черках;
По месяцу ходили, путь был долгий.

И тятя на дорогу посылал
И девок, и мальцов с краюхой хлеба.
Он шибко богомольных привечал...
И ранен на войне ни разу не был.

Припомнила, как Пашка-хромоног
Кнутом полосовал ее на поле,
Но не забрал с колосьями мешок...
Бог так велел, наверное, ли что ли...

В артели лес возили на быках, -
Война была, коней-то не хватало.
А нынче возят все на тракторах...
... Вздохнула, будто с кем-то попрощалась.

Поплакать бы о старом, пореветь...
Рука к платку невольно потянулась.
И снова Образок давай тереть.
Перекрестилась, молча улыбнулась.

Обская песнь

Не гляди ты на Обь свысока.
Отражение Небес чем измеришь?
В ней купается алый закат,
Кто-то ищет удачу, а кто-то потери.

Встретит волны широкий залив.
Тихий плеск их, как плач Ярославны.
И казацкие струги вдали
Заскользят по лазоревой глади неожиданно.

Не ищи в водах времени суть.
Мы бежим от постылых мечтаний,
Чтоб душою чуть-чуть отдохнуть,
Чтоб затихли все бури житейских скитаний.

У костра на крутом берегу
Снова кто-то сидит, как отшельник.
Обь его полонила судьбу,
И таежный мотив тихо слушает ельник.

Здесь и нашей судьбы пережат,
Там, вдали, где начало рассвета.
Обь-красавица так широка,
Что народная песня о ней не допета.

В русской избе

Нет места что ли для икон?
В углу Господь и все святые...-
Спросил Христа. Изрёк мне Он
- Когда оставлю сей амвон,
Загонят в угол всю Россию.

Почему я забыть не могу
Небогатые избы, да поле,
Березняк за увалом, реку,
Молотилку на старом току,
Где зерно вместе с потом мололи?..

И мололи б до нынешних дней,
То с напевами, то со слезами...
Не могу я понять, хоть убей,
Почему нет деревни моей?! –
Тракторами с землею сравнивали.

Вот забрел в староверческий скит,
Что ютился за речкой Калымкой.
Сруб один, еще целый, стоит,
Но давно здесь не слышно молитв.
Только нежно цветет земляника.

Все покорностью дышит, молчит:
Куст рябины, молоденький ельник...
Где-то дятел уставший стучит,
Как по четкам молитвы строчит,
Он единственный здесь богомольник.

Где вы, люди?! Но что тут кричать,
Все равно ведь никто не услышит.
Лишь у дятла есть силы стучать
В те ворота, которые Свыше.

Вот строят Церковь ладно, хорошо,
Но нет задора – это не Магнитка.
Задор в текущий век не перешёл.
Текущий век сказал о нём – ошибка.

Строители мякину не жуют,
Стараются ребята за валюту.
А после те, кто свечи тут зажгут,
Все будут думать – как тут неудобно.

И многим будет боязно ступать
На пол, отполированный до жути.
Где ни одной слезинки не видать –
Не на слезах Храм вырос, на валюте.

Конечно, говорю я не о том –
Есть главные, значительные цели.
О пустяках уж как-нибудь потом,
Но... всё же неудобно, в самом деле!

ОЛЕГ РИХТЕР

Олег Борисович Рихтер родился в городе Ростов-на-Дону в 1933 году. Там же получил высшее образование по специальности инженер-строитель. В 1977 году прибыл в город Сургут по направлению Министерства строительства для создания треста «Запсибстрой». Под его руководством обеспечено строительство речных портов и причалов в Сургуте, Нижневартовске, Надыме, Уренгое и в других пунктах Тюменской области.

Литературным творчеством О. Рихтер начал заниматься в Сургуте. Его исторические романы и повести широко известны читателям Тюменской области. Член Союза писателей России.

В 2008 году Олегу Борисовичу Рихтеру исполнилось 75 лет. Редколлегия альманаха «Сургут литературный» искренне и сердечно поздравляет с юбилеем своего дорогого земляка и неизменного автора. Желаем доброго здоровья и творческих успехов.

ЛУКОМОРЬЕ

эссе

Те события, которые относятся к весьма далёкой древности, продолжают волновать русского человека и в наши дни. Ряд былин: о Владимире стольнокиевском, о Добрынюшке Никитиче, об оратае Никуле Селяниновиче, сказание о вещем Олеге и другие – вошли в нашу жизнь как существенный элемент культуры нашего народа.

Неотъемлемой частью России была и остаётся Западная Сибирь. Это не только страна сокровищ, но и – страна загадок. В софийской первой летописи, датированной 1398 годом, посвящённой кончине «нового апостола» Пермской земли епископа Стефана Великопермского, сказано: «Си бо святой святитель, новый апостол Пермския земля, учитель веру утверди и грамоте их изучи, се бо блаженный епископ Стефан, божий человек, живяще посреди неверных человек, ни бога знающих, ни закона ведущих, молящихся идолам, огню и воде, и камню, и Золотой бабе, и кудесникам и волхвам и древью... Боги их раскопа ежи суть болваны истуканные, изваянные, вырезом вырезаемые».

Это первая заметка о Золотой бабе в русской летописи.

С очень отдалённых времён Сибирь славилась «мягкой рухлядью» – ценными мехами, в обмен на которые из бухарской и других азиатских стран сюда стекались серебряные и золотые изделия и украшения. «Рассказ о «Золотой бабе» приобрёл большую известность в литературе пятнадцатого и шестнадцатого веков. Многих учёных, исследователей и теперь волнует загадка золотого божества.

Мансийский писатель Юван Шесталов пишет на страницах своей книги «Синий ветер Каслания»: «Югра моя, каким нынче дивным чудом манишь ты людей? Земля моя! Ты помнишь, как мы поклонялись деревянному идолу Сорни-най – «Золотой бабе»?

Русская эпическая фигура Бабы-Яги на страницах сказок также появилась из глухих урманов сибирской тайги. В древности Яга была божеством, олицетворяющим роженицу, продолжательницу человеческого рода. Фантазия русского человека трансформировала кумирню на высоких столбах в избушку на

курьих ножках, а идола, который хранился в ней, в Бабу Ягу. А, быть может, Яга и золотое божество идентичны?

Не менее уникальна и сибирская одиссея Ермака, породившая в народе много песен, преданий и легенд. Ермак – одна из самых загадочных личностей в истории России.

Вероятно, сказания или былины заставили нашего великого поэта А.С. Пушкина отправить своего героя Руслана к Лукоморью.

Название Лукоморья носила страна, характерные черты которой в природе и населении сохранились и до наших дней. Для первых русских людей эти черты казались поразительны.

Лукоморье – это страна, через которую древние новгородцы впервые проложили себе путь в Сибирь. В те времена южные земли Сибири и восточные России были населены воинственными кочевниками. Поэтому новгородцы прокладывали путь к сибирским мехам через места, заселённые мирными рыбаками и звероловами – финнами. Уже в XI столетии русские заняли их обширные пространства на теперешнем севере России и в Поморье, а затем появились на рубеже с Сибирью, в районе северного Урала.

Многие племена стали платить им дань, а с Самоедью у них установились торговые отношения.

От Самоеди новгородцы стали пробираться к Юграм (Уграм), к тому народу, часть которого некогда покинула свои земли и ушла в Европу, поселившись на берегах Дуная и Тейса. Это нынешние венгры.

Рассказ о похождениях одного отрока, со слов Гуряты Роговича Новгородца, отразил в своей летописи Нестор в 1096 году. По рассказу отрока, «Югра же людье есть язык нем, и сидят с Самоедью на полунощных странах». Отрок не ограничивается только знакомством с Югрой. Он расспрашивает о народах, живущих дальше на восток, и Югра рассказывает о чуде, удивившем её, о чём прежде не было известно: «Суть горы, зайдуче луку моря, им же высота, яко до небесе, и в горах тех клич велик и говор... и в горе той просечено оконце мало, и туде молвят, и есть не разумети языку их, но кажут на железо и помавают рукою, прёящее железа; и аще кто даст им нож ли, секиру ли, дают скорою противу» (дают меха). Итак, «горы, зайдуче луку моря», – горы, упёршиеся в тот изгиб морского берега, который образуется Обской губой и устьями Печоры, то есть Урал.

Лукою и теперь называют в Сибири изгиб или петлю, образуемую рекой. В России это название сохранилось только за изгибом Волги около Самары, а также в пригороде Новгорода, из-за многочисленных петель Ловати, произошло название Великия-Луки.

Таким образом, Лукоморье – это побережье «стран полунощных», имеющее ряд изгибов моря или лук, находящихся на северной оконечности Урала. Преподобный Нестор, уверовав в чудесные рассказы Гуряты Роговича, даже вписал в летопись, что «оконце мало» просекли в горе люди Александра Македонского.

Трудности северного морского пути, скованного льдами, трудности доступа в восточную часть Урала делали этот край малоизведанным и загадочным, порождая баснословия и фантазии. «Для человека нет ничего более поэтичного, как то, чего он не знает», – сказал один из французских писателей. Это высказывание целиком соответствовало представлениям о Лукоморье в те времена. Даже когда русские уже ознакомились с северным Зауральем, народная молва стала отодвигать сказочное Лукоморье на юг, в области, которые ещё не были изведаны.

В XVI веке были записаны любопытные сведения о Лукоморье: «От устья реки Иртыша до крепости Грустины два месяца пути; от нея до озера Китна рекою Обью, которая вытекает из этого озера, более чем три месяца пути. От этого озера приходят в большом количестве черные люди, лишенные общаго всем дара слова; они приносят с собою много товаров, преимущественно же жемчуг и драгоценные камни, которые покупаются Грустинцами и Серпоновцами. Они называются Лукоморцами из Лукомории, лежащей в горах, по другую сторону Оби от крепости Серпионова. Сказывают, что с людьми Лукомории происходит нечто удивительное и невероятное, весьма похожее на басню: как носится слух, они каждый год умирают, именно 27 ноября, когда у Русских празднуется память св. Георгия, потом оживают, как лягушки, на следующую весну, бльшею частию 24 апреля. Грустинцы и Серпоновцы ведут с ними торговлю необыкновенным, неизвестным в других странах способом. Когда у них наступает определенное время умереть или заснуть, они складывают товары на известном месте, а Грустинцы и Серпоновцы уносят их, оставляя вместо них свои товары и делая равный обмен. Возвратясь к жизни, Лукоморцы требуют назад свои

товары, если находят, что им сделана несправедливая оценка» (И.С. Поляков, стр.141, С.-Петербург, Москва, 1884).

Комментируя эти записи, И.С. Поляков пишет: «До какой степени старинные русские люди верили приведенным рассказам о Лукоморье, видно из того, что они были помещены в одном старинном дорожнике». Итак, если сведения о чудесах Лукоморья вошли в летописи или в рукописи или в записи грамотных людей, то настолько же они были распространены и в массе русского народа, даже до недавнего времени. Может быть, поэт, создавший образы Руслана, Финна, волшебницы Наины, Черномора и мертвой головы, слышал рассказы о Лукоморье непосредственно из уст русского человека. Слив в своей поэме сказочный элемент о Лукоморье, созданный в Древне-Новгородской области, с народным взглядом на историческое прошлое из южной России, поэт вполне был прав в своем выражении: «Дела давно минувших дней, преданья старины глубокой!...».

В XII веке новгородцы уже чувствовали себя хозяевами в Зауралье и привозили в Великий Новгород большое количество чёрных соболей. Они всё дальше и дальше продвигались на восток, налагая дань на покорённые племена. Однако часто сборщики дани платили за соболей своими головами. В некоторых летописях сказывается: «Избиении быша Печорскеи даньники и Югорския в Печере; и паде голов о сте доброименитых». Самым непокорным народом на пути в Зауралье были Югры. Походы на них долгое время были безуспешны. Югры разбивали рати пришельцев хитростью или силою. Так, в конце XII столетия, воевода Ядрей был зазван в югорский стан, где 10 человек из девяноста погибли, а остальным с трудом удалось спастись. Во второй половине XIV столетия новгородцы уже воевали «по Оби реки до моря», а другая часть рати «на верх Оби воеваша». В следующем столетии походы также повторялись, но иногда с большим уроном ратников.

После падения Новгорода Югра в числе других новгородских волостей перешла в ведение великих князей Московских, и в грамотах велико-княжеских уже указывается титул – Югорский. Москва продолжила походы на Обь, проводя более успешные военные операции и собирая немалую дань серебром и пушниной. Так продолжалось до XVI века, когда завоеватели, минуя полуночные страны, стали проникать в южные земли Зауралья, более густо заселённого сильными племенами.

Путь через устье Оби и через северную оконечность Урала стал обычным для воевод. Они всегда пользовались им для возвращения в Россию, если в области Иртыша им угрожала опасность. Путь этот приобрёл и торговое значение. Через него шла большая часть мехов.

В начале XVII столетия правительство, чувствуя спад в сборе ясака пушным зверем из-за отлива его северным путём, запретило им пользоваться.

Лукоморье с этой стороны оказалось отрезанным от сношения с людьми более цивилизованными, что негативно повлияло на дальнейшее развитие культуры северных народов.

В какой-то мере влияние на них оказывалось со стороны Тобольска, но оно было настолько слабым, что весь уклад жизни, способы промысла и употребления пищи, а также и верования почти не претерпели изменений. Долгая изоляция северного края сохранила характерные особенности и черты, которые служили поводом для чудесных рассказов о Лукоморье.

9 июня 1876 года русский исследователь Западной Сибири И.С. Поляков выплыл на крытом каюке из Иртыша в Обь с целью осмотра различных местностей, обитателей и их промыслов. В этом очерке, на наш взгляд, было бы уместно рассказать о его впечатлениях и выводах. Сразу скажу, что манси и хантов (вогулов и остяков) средней и нижней Оби он считал прямыми потомками Лукоморцев. В его планы входило спуститься по течению реки до Обской губы, преодолев более тысячи вёрст. Лодка вполне удовлетворяла всем требованиям плавания в широких водах. Она была легка на ходу, крепка и безопасна при борьбе с бурями, с высокими волнами, подобными морским.

Каюк был восьмивёсельным, длиною 24 аршина (17 м.), под крышей были две каюты, у каждой по 2 окна. В передней каюте имелись нары для трёх человек и стоял письменный стол. Каюта была настолько высока, что в ней можно было ходить не сгибаясь. Кормовая каюта была таких же размеров, в ней помещались съестные припасы, а в случае непогоды она могла приютить гребцов. Такие каюки, их можно назвать меньшими братьями морских кочей, широко использовались в конце XVI века. Некоторые отважные купцы умудрялись на них ходить из Архангельска по морю, придерживаясь каждой береговой луки, и проникать в Обскую или Тазовскую губу для торговли своими товарами в Обдорске или в Мангазее. По Оби они плавали даже до Сургута, привлекаемые возможностью дёшево приобрести первоклас-

сную пушнину. Подобные суда, кроме стругов, использовали для поездок и воеводы сибирских острогов и городов.

Подъезжая к Белогорью, Поляков услышал русские песни старинного склада и увидел обитателей деревушки в праздничных русских нарядах. Белогорцы справляли местный праздник. Небольшой ряд деревянных домиков располагался в долине реки под высоким правым берегом, а за селом, на крутом берегу, стоял дремучий лес, и не было никаких признаков пашни. Зато во дворах были коровы и лошади. Это селение, как выяснилось, возникло на заре освоения Сибири, здесь была ямщицкая станция.

Осмотрев деревушку, путешественник продолжил путь. Лодка вышла на «стрезу», быстрину, и понеслась по широко разлившейся Оби.

Чтобы встретиться с аборигенным населением (остяками), требовалось свернуть в один из протоков, что и было сделано. Вскоре дружный лай собак возвестил о близости человеческого жилья, и лодка пристала к берегу около знаменитых у остяков Троицких юрт.

«С Троицкими юртами открылось новое звено, характерное для жизни Берёзовского края, — это Остяки, здешние аборигены, так сказать, — дети нижнее-обской области, в своём роде Лукоморцы наших древних предков», — говорит Поляков.

«По внешнему виду Троицкие юрты не отличались от других по Оби и Иртышу. Это 8 лачужек с крышей из бересты, с одним или двумя оконцами, обтянутыми рыбьей кожей. Внутри хаток — нары, а в одном из углов или в сенях чувал для обогрева и приготовления пищи. На никогда не мытой и не метёной части хижины расстелены рваные шкуры и лоскуты сетей. На задворках есть печи, в которых жители пекут лепёшки, как и у татар, живущих по Иртышу. Там же можно увидеть лошадь — невероятное для остяка богатство. У каждого домика стоят 4 жерди, связанные поперёк другими, на которых сушатся сети и вялится рыба, а рядом конусы из тонких деревьев — это дрова. Вдали от хижин стоят амбарушки на высоких сваях, попасть в которые можно только по лестнице. Там хранятся сети, лук, стрелы, ящик с ценным имуществом и истуканы, которых даже остяк-христианин чтит как величайшую святыню. Впрочем, это второстепенные «шайтанчики», чтимые отдельными семьями или родом, представителями одного селения.

Однако существуют более могущественные «шайтаны», пользующиеся славой на обширном пространстве. Именно по этой причине Троицкие юрты, несмотря на их убогость и на расположение среди плоского острова, являются в своём роде Меккой, куда стекаются остяки на поклонение часто из местностей, удалённых на полторы тысячи вёрст».

Далее исследователь-путешественник Поляков пишет: «Окрестности Оби, при впадении в неё Иртыша, издавна славилась пребыванием одного из главных остяцких божеств; в цветущий период остяцкой жизни, именно до прихода в здешний край Русских, поклонение этому божеству играло огромную роль, отблеск которого живёт до сих пор между Остяками. Божество это изображалось в рассказах в виде птицы, лебедя. Ему приносились жертвы, состоящие из лучших тканей, зверей и ценных металлов, какие только были в распоряжении Остяка».

Действительно, предание говорит о божестве в окрестностях Троицких юрт или Белогорья именно в форме птицы. И это вполне объяснимо. Известно, что Обь очищается ото льда гораздо позже Иртыша. Иртыш разливается по окрестностям, в то время как ниже по Оби стоит лёд. Птицы во время весеннего перелёта задерживаются здесь на многие дни, ожидая, когда впереди лежащие просторы не сбросят с себя ледяной панцирь. В результате накапливается несметное количество пернатых гостей, но первым из них прилетает лебедь.

Исчерпав запасы, изголодавшийся за зиму остяк, воспринимает лебедя как спасителя от голода. Он оживает духом. За прилётом птиц начинается ход рыбы – новый запас пищи. Наступает тёплое время благополучия и сытости. Кто же всем этим правит? Кто избавляет остяка от душной и грязной зимней лачуги? Кто открывает ему простор к сытой жизни? Это, конечно, могущественная, неистощимая, вечная сила, которой он поклоняется. Она имеет форму лебедя!

Местонахождение Белогорского святилища держится у остяков в великой тайне. Когда-то в нём хранился и один из панцирей Ермака, который считался божественной реликвией, защищающий от бед и приносящий удачу. В случае возникновения опасности аборигены обращались за помощью к главному божеству и грудью вставали против любых пришельцев, появившихся вблизи святилища. В своё время истукан, находящийся на Оби при устье Иртыша, приобрёл историческую известность.

В 1585 году воевода Мансуров с сотнею стрельцов, узнав о гибели Ермака и уходе на Русь остатка его дружины, двинулся за ними вслед, но был застигнут зимою около Белогорья. Там он устроил для зимовки укрепленный городок. Остяков встревожило прибытие незваных гостей, и они напали на казачье укрепление. Принуждённые после целого дня битвы к отступлению, остяки на следующий день принесли к месту осады своего идола и начали ему поклоняться, видимо, с просьбою о победе. В это время из укрепления была наведена на истукана пушка, выстрел которой был таким метким, что истукан разлетелся вдребезги, после чего остяки разбежались и присмирели. Они даже стали обеспечивать Мансурова продовольствием, взяв с него слово, что он не станет мстить и разорять их городки. По этому случаю их князь даже выехал в Москву и привёз царскую охранную грамоту.

А вот что пишет Ю. Шесталов о Белогорье нынешнего времени: «В Белогорье давно уже жили русские. Но урман священный, где когда-то было капище, манси не забывали. И каждый год шаманы со своих родов собирали мех и с мешками направлялись в Белогорье на поклонение. Простые люди теперь туда уже не ездили, передоверив сношение со священной птицей своим шаманам»... «И когда наступала ночь, с тёмной части неба, сияя огненным светом, спускалась золотая птица в своё капище. Тогда и начиналось великое камлание. От костров сияла даже безбрежная Обь. Как бабочки мелькали человеческие тени. Бубны громкие отбивали дробь. Тихо-тихо, непонятно начинал с птицей вещий разговор мудрый старец, духов друг...».

Когда русские обосновались в Сибири, для них «шайтаны» стали интересным предметом, так как рядом с ними всегда было значительное количество драгоценностей. Это длилось более ста лет, пока царь Пётр I не издал указ о крещении инородцев и уничтожении их капищ. Будучи вынужденными христианами, остяки сохранили в глубине души благоговение перед силами природы, по-прежнему олицетворяя их в привычных формах, но не имели возможности держать своих главных «шайтанов» в подобающем их величию блеске.

Диковинные рассказы русских о «шайтанах» слышал ещё Герберштейн в 1517 году, будучи в Москве. Говорили, что Троицкий «шайтан» действительно существует, что он богат, но где находится – это для русских тайна, будто бы он скрыт далеко в лесу. По рассказам же известно, что он издаёт звуки, похожие на трубные. В том же роде записан рассказ у Герберштейна о шай-

тане около Обдорска, о так называемой «Золотой бабе». В своих «Записках о Московии», вышедших в 1549 году, он писал: «За Обью, у Золотой бабы, где Обь впадает в океан, текут реки Сосьва, Березва и Данадым, которые все берут начало из горы Камень Большого Пояса и соединённых с ней скал. Все народы, живущие от этих рек до Золотой бабы, называются данниками князя Московского. Золотая баба, то есть Золотая старуха, есть идол у устьев Оби, в области Обдора. Он стоит на правом берегу... Рассказывают, что этот идол Золотой бабы есть статуя, представляющая старуху, которая держит сына в утробе, и что там уже виден другой ребёнок, который, говорят, её внук. Кроме того, уверяют, - продолжает далее автор, записавший разные рассказы о Лукоморье, - что там поставлены какие-то инструменты, которые издают постоянный звук вроде трубного».

Итальянец Александр Гваньини в «Описании Европейской Сарматии» также сообщал в 1578 году, что идол находится не в лесах Приуралья, а в низовьях Оби, что ему поклонялись не только обдорцы (ненцы), но и народы Югры и другие соседние племена.

На основании этих сообщений учёные стали предполагать, что Золотая баба могла быть перенесена за Урал на Обь бежавшими от обращения в христианство пермянами.

В первой половине прошлого века в одной из местных сибирских газеток сообщалось: «... 1936 год. Манси Данила Сургучев предложил приёмщику рыбы Антону Кадулину заглянуть в «шаманский амбарчик». Он сказал, что старики привезли самого сильного «золотого идола». Но старик ошибся. В «шаманском амбарчике» оказались «подарки» главному «золотому богу». Данила рассказывал Антону о шаманах «Золотой бабы». Тот заинтересовался и стал расспрашивать однофамильца Данилы – Григория Сургучева. Люди шептались, будто бы он – один из главных хранителей «Золотой бабы». Но Григорий твёрдо сказал, что «Золотая баба» спрятана на островке среди гиблых топей. И никому не отыскать туда дороги...».

Ю. Шесталов говорит: «Сорни – по-мансийски «золото», Най – «героиня», Сорни-най – «Золотая героиня». Может, просто придумали легенду о прекрасной женщине? Не мечта ли это о красоте и доброте? Но тогда почему манси веками так ревностно охраняли её от постороннего взгляда? Пишут же в газете: «Старики Сургучевы скончались, и пока что никто не знает, кому передали они своё наследство. На безвестном островке, зарытая

в землю или заваленная хворостом, кротко улыбается прекрасная золотая женщина. Сколько поразительных событий, сколько страстей, кровавых трагедий связано с ней. И сколько тайн! Вопросы... вопросы... Откуда взялось это одно из чудес света? И почему так самоотверженно, так строго хранили её люди? Где же взяли эти бесхитростные, радушные и добрые охотники и рыболовы столько упрямства и ловкости, чтобы из века в век сохранять свои святыни от жадных рук?»

Существует легенда о скандинавских викингах, ходивших за сокровищами в страну «белого безмолвия»: «В 1023 году ватага викингов, которых вёл знаменитый разбойник Туре-Хунд, или Торир-Собака, совершила поход в Биармию. Так в давние времена называли скандинавы обширную область, подступающую к устью Северной Двины. Здесь жили язычники – ханты и манси. Они поклонялись таинственной богине. Её называли Юмала, или Йомала. Одна девушка полюбила Туре и показала ему дорогу к святыне. Перед изумлённым викингом предстала статуя из золота необычайной красоты. Обнажённая прекрасная женщина с кроткой улыбкой держала в руках большую серебряную чашу. На шее богини сверкало драгоценное ожерелье. Жадность охватила викинга. Ночью он сорвал с шеи золотой богини ожерелье. Хотел похитить и тяжелую статую. Но язычники отстояли свою святыню. Они укрыли её в северных лесах...». Ниже я приведу подробное описание похода с участием Торира Хунда.

О том, где стояло золотое божество, старинные книги дают разноречивые сведения. В них имеются смутные намёки на то, что около тысячи лет назад в северных лесах, где-то на Северной Двине или Вычегде, а может быть, в верховьях Камы, стоял идол Золотая баба, которой поклонялись далёкие предки современных манси. В течение многих столетий её пытались найти и скандинавские мореходы, и новгородцы, и предприимчивые иностранные посланцы в молодом Московском государстве, и учёные-этнографы – русские и зарубежные. Легенду о Золотой бабе рассказывают как быль, где переплетаются миф и документальная действительность.

Дореволюционный исследователь пермской старины Ф.П. Доброхотов пишет: «В мифических и героических сказаниях (сагах) скандинавов часто упоминаются имена «Пермской земли», или «Биармаландии»... Северные люди, норманны, стремятся в Биармаландию искать богатства».

Другой исследователь истории Урала А.А. Берс констатирует: «В нескольких скандинавских сагах сохранились указания, что с IX по XII столетие норвежцы вели торговлю и войны с могущественным царством Биармией, в которое они попадали через Белое море и Северную Двину. Саги приводят совершенно сказочные сведения о богатствах этой страны, суровости жителей, Золотом идоле и т.д.».

Биармия, Биармаландия, которую мы вправе называть Лукоморьем, эта легендарная страна, по мнению исследователей, находилась на юго-восточном побережье Белого моря, по руслу реки Северной Двины и в глуши лесов Северного Приуралья. Позднее эта территория стала называться Пермью Великой.

Упоминания о Биармии и Золотом идоле биармов встречаются и в исландских сагах. В них отражены походы викингов в 820 – 830 годах, а также более позднего времени. Целью походов было захватить и разграбить храм, капище золотого истукана. В исландской «Саге об Эгиле» говорится: «Однажды весной Эйрик Кровавая Секира собрался в поход в Бьярмаланд и тщательно отобрал войско... Во время похода произошло много событий. В Бьярмаланде была большая битва у реки Двины. Эйрик одержал здесь победу, как об этом рассказывается в песнях, сложенных в его честь». Этот поход состоялся в 918 году.

О храме Юмалы – золотого божества биармов – в древне-норвежской литературе есть три подробных рассказа: «Орвар-Отсаге», «Босасаре» и в саге «Снорри».

Ф.П. Доброхотов, опираясь на скандинавские саги, дал описание капища Юмалы: «Даже наружность храма была обложена золотом и алмазами, которые лучами своими освещали всю окрестность. На истукане, внутри храма, было ожерелье в несколько фунтов золота, венец на голове осыпан был драгоценными камнями, а на коленях стояла золотая чаша такой величины, что четверо богатырей могли утолить из неё жажду. Наконец, одежда на истукане была такая, что цена её превышала богатейший груз трёх кораблей, плавающих по морю Греческому».

Историк Н. Полевой сделал весьма любопытное описание одного из походов викингов, во главе которого был Торир Хунд (Торир Собака): «Наибольшую известность получил поход Карли в Биармию... Карли был человек богатый и знатный, один из придворных короля Олафа. В походе этом принимал участие брат Карли, Гунштейн. К братьям удальцам присоединился и знаменитый своими богатырскими подвигами Торир

Хунд, снарядивший с этой целью большой корабль, на котором поплыли с ним 80 человек его дружины.

Счастливо приплыли викинги в устье Двины, к торговому городу Биармии. Тотчас же открыли торг. И все, у кого было золото или товар для мены, получили хороший барыш. По окончании торга с полным грузом дорогого пушного товара викинги спустились по Двине и, выйдя в открытое море, стали держать совет.

Храм высшего божества биармов, как достоверно знали викинги, находился в дремучем лесу, неподалёку от устья реки Вии (Двины). Туда-то и задумали они пробраться и, если посчастливится, овладеть собранными там сокровищами.

Поздно вечером они снова причалили к берегу. Часть их осталась стеречь корабли, а другая направилась к лесу. Впереди всех шёл Торир Хунд, лучше всех знакомый с местностью. За ним – Гунштейн и Карли. Пробираясь по лесу, они обозначали свой путь, сдирали с деревьев кору на известных расстояниях. После полуночи вышли они на большую прогалину. На той прогалине и находился храм Юмалы, обнесённый высоким тыном, с крепко прикрытыми воротами.

Шесть сторожей охраняли ночью тот храм. Сменялись по двое в каждую треть ночи. Викинги ухитрились напасть на храм именно в то время, когда одна партия часовых только что ушла, а другая ещё не успела прийти на смену.

... Торир Хунд всадил топор свой в воротище, с его помощью перелез через ворота. Это же сделал Карли, и они впустили товарищей внутрь обнесённого забором пространства. Подойдя к кургану, они набрали сколько можно денег, сложили их в своё платье.

Добыча, выпавшая на долю викингов, была так велика, что каждый захватил с собой серебра, сколько мог унести. Но им всё казалось мало. Добрались они и до самого изображения Юмалы, которое возвышалось среди священной ограды. На коленях биармийского бога стояла серебряная чаша, полная серебряных монет, а на шее его висела драгоценная золотая цепь.

Торир Хунд захватил серебряную чашу с деньгами. Карли прельстился цепью и, пытаясь сорвать её, так сильно рубанул топором по шее Юмалы, что голова истукана с ужасающим треском покатилась с плеч долой.

Треск и возню викингов в храме услышали подошедшие между тем сторожа новой смены, затрубили в рога. Поднялась в

лесу тревога. И викингам пришлось мечом очищать себе дорогу к морскому берегу. Опасность, грозившая им, была настолько велика, что когда они, счастливо избегнув преследований, достигли берега и сели на свои суда, весь эпизод, пережитый ими, облёкся для них в форму чего-то чудесного, сверхъестественного. И спасение своё они приписали влиянию Торира Хунда, будто бы научившегося волшебству у финнов».

В Европе впервые узнали о золотом идоле в 1517 году из «Трактата о двух Сарматиях» ректора Краковского университета Матвея Меховского. В нём Меховский поведал миру, что «... за областью, называемой Вятка, по дороге в Скифию, стоит большой идол, Золотая баба... Золотая старуха. Соседние племена весьма чтут его и поклоняются ему, и никто, проходя поблизости и гоняя и преследуя зверя на охоте, не минует идола с пустыми руками, без приношения. Если нет приличного дара, то бросают перед идолом звериную шкуру или хоть волос, вынутый из одежды. И, склонившись с почтением, идут дальше».

Не опираясь на другие источники, сведения о «Золотой бабе» изложил Семён Ремизов в Сибирской летописи. Согласно «сказам», казаки впервые услышали о золотом идоле от чуваша, перебежавшего в их стан при осаде городища на реке Демьянке. Чуваш, попавший в Сибирь в качестве пленника татар, немного говорил по-русски. Ермаковцы узнали от него, что в осаждённом ими урочище ханты молятся идолу – «богу литому золотому, в чаше сидит», а идол-де «поставлен на стол и кругом – горит жир и курится сера, аки в ковше». Второй раз казаки услышали о «Золотой бабе», когда они попали в Белогорье на Оби, где располагалось самое почитаемое хантами капище: «жренье и съезд великий». При приближении казаков они спрятали «болвана», но потом рассказали о нём, и казаки с их слов составили описание идола: «На Белогорье у них мольбище большее богини древней – нага с сыном на стуле сидящая».

«Сорни-най» называют манси также огонь, величая его золотой богиней. Так кому же поклонялись язычники? «Золотой бабе» или золотому огню?.. Конечно, огонь не только согревает и разгоняет тьму, его ласковые языки не только лижут чёрные щёки котлов, но он завораживает, от него трудно оторвать взгляд, он божественное чудо. Как же ему не поклоняться?

Нет никаких сомнений в том, что Золотая баба – не выдумка. Почему её прячут? Это и так ясно без каких-либо объяснений. Где прячут? Не столь важно знать. Да и не следует. Важнее найти

объяснение тому, каким образом, откуда появилось в северных глухих лесах это изумительное золотое божество.

В поиске ответа я предлагаю наиболее правдоподобную версию.

Заглянем в прошлое, за тысячу лет до появления софийской первой летописи, о которой было сказано в начале этого повествования.

Обратимся к поздней Римской империи, в судьбе которой большую роль сыграли её северные соседи – германские племена. К концу II века у германцев сложились сильные военно-племенные союзы. Такими союзами являлись алеманы на верхнем Рейне, франки на среднем и нижнем Рейне, саксы на нижней Эльбе, вандалы на среднем Дунае, готы в Северном Причерноморье.

В борьбе против Римской империи варвары всё более сочетали набеги за добычей с упорными попытками осесть на её территории. Под их давлением Рим в 258 – 259 г.г. потерял область между верховьями рек Рейна и Дуная, занятую алеманами. В 270 году римляне вынуждены были оставить богатую провинцию Дакию (территория современной Румынии), захваченную вестготами. В 355 году император Констанций назначил цезарем Юлиана, будущего императора, и поручил ему восстановить границу на Рейне, что и было осуществлено. Однако в 70-х годах в Южную Европу произошло вторжение гуннов, которые сдвинули с места племена, образовав поток Великого переселения народов на Балканский полуостров и на земли Западной Римской империи.

Гунны представляли собой пёструю по этническому составу орду, включавшую в себя прототюркские, протомонгольские, угрские и другие племена кочевников-скотоводов, живущих в кибитках и участвующих в племенных собраниях, не слезая с коней. Покоряя народы, они включали их в свою орду. Видимо, поэтому в их составе и были Угры. Известно, что большая их часть осела на Алтае, прежде чем двинуться на север и поселиться на землях Пермского и Обь-Иртышского бассейнов. А некоторая часть Угров вместе с ордою дошла до Европы.

Разбив остготов, гунны напали на их северных соседей – вестготов, которые отступили и, получив разрешение римского императора Валента, поселились в качестве федератов во Фракии. В Империю перешло более 40 тысяч вестготов, в том числе 8 тыс. воинов. По договорённости переселенцы должны были

получить от римлян продовольствие на первое время и земли в пограничной области. Со своей стороны вестготы обязывались служить в римских войсках. Но римские чиновники медлили с поставкой продуктов. Среди вестготов, окружённых охраной, начался голод. Римские работоторговцы скупали у них за бесценок сначала рабов, а затем их собственных детей. Всё это вызвало возмущение вестготов, и они восстали. На их сторону перешли рабы – их соплеменники, рудокопы золотых приисков Фракии. К восставшим присоединились бежавшие от гуннов остготы, аланы, а также Угры.

Римское войско было разбито, в бою погиб император Валент.

Новым императором стал известный полководец Феодосий, которому удалось объединить в последний раз всю Римскую империю. Для борьбы против претендента на престол Евгения он использовал вестготский отряд Алариха. Не могу не предположить, что уже тогда в составе его отряда были и Угры, так как иначе невозможно объяснить самые важные последующие события.

Умирая, Феодосий разделил Империю между своими сыновьями. Восточную половину (будущую Византию) получил старший сын Аркадий, а западную – младший сын Гонорий. Этот раздел стал роковым для единой Римской империи: образовались два государства – латиноязычная Западная и грекоязычная Восточная Римские империи. Эти государства стали враждебными друг другу.

После смерти Феодосия вестготские федераты во главе с Аларихом подняли восстание. Они захватывали и грабили города на Балканском полуострове. Ему удалось объединить под своей властью большинство вестготов, и в 401 году, поощряемый Византией, он повёл их вместе с семьями на Италию.

Когда Аларих вторгся в Италию, западноримское правительство Гнория, фактически возглавляемое вандалом Стилихоном, организовало отпор вестготам, но для полного разгрома не хватило сил, и он вынужден был согласиться на поселение захватчиков в Иллирии. «Прогерманская» партия Стилихона рассчитывала использовать вестготов в борьбе против Византии. Однако «антигерманская» группировка внезапно обвинила Стилихона в пособничестве германцам, вследствие чего он погиб.

Узнав об этом, Аларих вновь выступил против Западноримской империи. С 408 по 410 год происходили походы в Италию,

в ходе которых были длительные осады Рима. Горожане откупались от Алариха, а рабы-варвары перебежали к нему. При третьем нападении, в 410 году, Аларих захватил Рим. В разграблении «вечного города» участвовали и Угры. После этого Аларих вновь занялся поисками земли для поселения. А Угры? Они решили вернуться на свою родину, в Лукоморье. Нагруженные награбленными сокровищами и античными статуями, они тронулись в дальний путь.

Видимо, таким образом в начале пятого столетия появилась в густых лесах северного побережья Золотая баба. Только воинственные угры могли образовать сильное и богатое племенное сообщество легендарной страны Биармии. Только их могли называть Юграми, сохранившими воинские традиции и успешно отражающими натиск новгородцев.

Полякову так и не удалось что-либо выведать о Троицком шайтане. Остяки уклонялись от разговора на эту тему, и потому, чтобы не испортить с ними отношения в дальнейшем, он отложил свои вопросы до поры до времени. Изучая остяков, он пришёл к выводу, что летописное описание их облика соответствует действительности: «Сии же люди не велики возрастом, плоско-видны, носы малы». Он делится своими впечатлениями от встречи: «При малом росте, они коренасты, но, сравнительно с русскими, не отличаются большой физической силой. О ловкости и грации, как у мужчин, так и у женщин, не стоит и говорить, хотя танцы у них в большом ходу. Даже белый день не помешал им устроить вечер с танцами; часа в два дня, около моей лодки собралась большая часть имеющихся на лицо молодых Остяков и Остячек из Троицких юрт. Остяк Никита, ещё молодой парень и сборщик податей для местного, Троицкого шайтана, был с лебедем в руках. Лебедь – это музыкальный инструмент, дека и шейка которого соответствуют по форме туловищу и шее лебедя; между шейкой и декой идут наискосок медные струны, из которых самая внешняя длиннее внутренних; всех струн семь; инструмент в общем имеет форму треугольника и похож на арфу... Танец был похож на нашу «русскую»... Звуки лебедя относительно приятны, но напев песни монотонный; различие выражается не столько в тонах, сколько в ускорении или замедлении темпа. Само содержание песни, в противоположность господствующему у Остяков обычаю воспевать первый встречный предмет, довольно пикантно. Песня касается современных остяцких нравов; она – плод вдохновения одной, ещё до сих пор живой, Остячки,

жительницы Ендырских юрт. «Софья Фокеевна говорила своему любовнику Афонасью, с которым она неразлучно ходила в лесу и промышляла много горностаев, что она бы этого не делала, если бы не пылала страстью к Афонасью. Это был тот самый Афонасий, который купил корову за 5 рублей, убил её деревянным чернеем топора, оставил на саях и которую затем съели собаки. Ай-люли, бестолковый, негоденный помощник старшины, Иван Михайлыч (Софья Фокеевна была его неверная жена)».

Далее по Оби, в местах размывов высокого правого берега, иногда встречались остатки древних городищ в виде мусора, кусков железа и болотной железной руды, из которой древние обитатели, видимо, вырабатывали разные железные изделия. Остяки говорили, что тут проживали их предки – «Чудь».

Высшим божеством, творцом мира для остяка является Туром, то есть свет. Остяк считает, что своим происхождением он обязан Турому, который предначертал ему занятия, труд и бедность, но дал в помощники собаку. Собака – это верный друг остяка, который видит в ней существо разумное, чувствующее и играющее свойственную ей роль по определению свыше.

Важное место в судьбе остяка занимает также медведь, который, по мифологическим представлениям, был сначала сыном Туroma и жил с ним вместе на небе. Остяк твёрдо верит, что медведь ниспослан свыше, что он представитель на земле истины и справедливости.

Однако пора собственное воображаемое путешествие переместить к северному побережью, покинув Обь, пора и баснословие о Лукоморье перевести на реальную почву.

Не стоит удивляться тому, что места, называемые русскими людьми Лукоморьем, к их удивлению стали перемещаться на юг. Считая Обских остяков и Самоедь Лукоморцами, Поляков не ошибался. Теперь назовём эти народы нынешними именами – ханты и ненцы, вспомним об их происхождении, о чём не могли знать русские первооткрыватели Западной Сибири.

Угры (они же Югры), т.е. остяки – они же ханты, Самоедь или угро-самоеды – они же ненцы, пришли в Западную Сибирь с Алтая, и, как уже было сказано, из Западной Европы. Ханты расселились по Оби вплоть до северного морского побережья, а ненцы по побережью Ледовитого океана, то есть эти народы не были аборигенами сих мест. Финские корни в языке Угров наводят мысль только о том, что в древности какие-то финские племена переместились на восток, в Азию, а затем под натиском

кочевников стали перебираться в сторону своей первоначальной родины и осели в Западной Сибири.

Рассказ упомянутого отрока о людях, язык которых нем, говорит о том, что был народ, говорящий на языке, который отличался от языка Югров и ненцев. Действительно, такой народ был, живущий или в пещерах Уральских гор, или в глубоких землянках, или в жилищах, остов которых сделан из костей, рёбер кита, покрытых дёрном. Ненцы их называли – сиртя. Несомненно, это были аборигены северного побережья, т.е. исконные Лукоморцы.

Сиртя отличались от ненцев и Югров и по внешности, и по занятиям, и по культуре. Они были маленького роста, коренасты и крепки, занимались охотой на дикого северного оленя, рыбной ловлей и морским зверобойным промыслом. Одежду они носили не из оленьих шкур, как ненцы, а из шкур выдры, белого медведя, тюленьих кож, птичьих шкурок.

Ещё в IX веке арабы говорили о людях побережья северного моря, плавающих и охотящихся на морских животных, а в «Повести временных лет» XI века сообщалось о том, что югра занималась обменом с жителями, которые жили в пещерах. Их языка югра не понимала, и потому обмен был «немой». В преданиях о сиртя рассказывается, что они «ушли под землю, когда людей много стало».

Исчезновение сиртя, видимо, связано с появлением ненцев – «людей много стало». Хотя были совместные браки, но что-то, видимо, мешало их морскому промыслу. А быть может, причина в том, что стали появляться алчные новгородцы? Конечно, они не «ушли под землю», а, наверно, перебрались в другие труднодоступные для пришельцев места. Не даёт ли нам ответ иностранная экспедиция XVI века, сообщившая о диковинных людях, живших в прибрежных районах Большеземельской тундры, на Новой Земле, отличавшихся от ненцев, известных тогда как «самоядь».

Родственниками ненцев, по происхождению и языку, были энцы, расселившиеся в низовьях Енисея. А также их соседи селькупы, живущие в Томской и Тюменской областях, на территории бывшего уезда Сургута.

Итак, можно сказать, что все племена: сиртя, самоедь, югры, лапары и другие, проживающие в районах северного побережья, называемые Лукоморцами, – не могли не вызывать особого интереса, рождая легенды и баснословия. Их вид, занятия, обычаи

и верования являлись предметом восхищения и фантазий. Да и могло ли всё виденное и слышанное вразумить людей более развитой цивилизации в том, что древнейшие, давно вымершие обитатели Западной Европы и России, вместе с природой, оленями и ягелем, были такими же, как и Лукоморцы – по облику, занятиям и вере. Помнят ли теперь, скажем, высокоразвитые французы, что их далёкие предки были троглодитами? Там, где цивилизация набирала силу, она вступала на безнравственный путь покорения отсталых народов, вовлекая их в круговорот своей жизни.

Прошло не так много времени, всего-навсего около половины тысячелетия, и России теперь принадлежат огромные пространства от западных границ до Тихого океана.

ВИКТОР ГАВРИЛОВ

Виктор Викторович Гаврилов родился в Омске, в 1974 году. Окончил филологический факультет Омского государственного педагогического университета, аспирантуру. Кандидат педагогических наук. В настоящее время работает старшим преподавателем в Сургутском государственном педагогическом университете. Поэт, член Союза писателей России. Печатался в коллективных сборниках, альманахе «Иртыш», журнале «Литературный Омск». Автор двух поэтических книг «Благослови на счастье» (Омск, 1996), «Свет, который внутри» (Омск, 2006). Участник II Форума молодых писателей России (Липки, 2002). Лауреат литературной премии им. Ф.М. Достоевского (Омск, 2007).

ГОРОДСКОЙ РОМАНС

Песня о невозвращении

Там сиреневый воздух не едок,
Там июль утоляет жажду...
Но туда я никак не доеду,
Не войти в эту воду дважды.

И напрасно сверкают кометы,
Надрываются теплоходы:
От Земли до Луны – километры,
От меня до деревни – годы...

На покосе

В слове «страда» не страданье, а радость, и
Тучи ушли, не затронули крон.
Солнце без тени сомненья и робости
Гонит урмана зеленую кровь.

Каждая девушка – эх! – хороша с лица.
Жаль не пошутишь – работа зовет.
А над поляною стог возвышается,
Словно беременной круглый живот.

Ждать вечеренья, зеленого шума ли,
Встречи с любимой, наград за труды? –
Люди пока ничего не придумали
Лучше стакана холодной воды...

* * *

Напряжения нет в тетиве,
Нет отваги и гласа зычного,
Но тебе, Герострат, шлю привет
Как герою, борцу с язычеством.

Все колючей вокруг и сырей.
Ветер зябкий, цветы кирпичные.
Темнота здесь наступит быстрее,
Чем успеешь ты чиркнуть спичкою.

У тебя двадцать пять ножевых.
Что ж, издержки гражданской позиции.
...Если всяк сам себе инквизиция,
Как

иные

остались в живых?

* * *

Послушай, я, наверно, акмеист.
Но не дождусь от публики привета.
...В твоё окно тихонько светит лист
Июньского березового цвета.

Твою калитку тополь сторожит.
Журавль – над колодцем.

Ну а зори!..

Красивей нет, чем в нашем Заозерье –
Я это говорю как старожил.

Там трещина на бревнах, как стрела.
Тут вяжет паучок узор на спицах.
Мне у чужих всегда прекрасно спиться –
Ты никогда чужой мне не была...

Неслышно полночь щелкнет у виска.
Пусть будет тишина, не нужно Баха.
И сколько б не жил – мало...

И тоска

У нас в ногах ложится, как собака.

* * *

Я все время влюблялся не в тех.
Настрадался, как водится, всласть.
Я теперь неприметен и тих –
Значит, юность моя удалась.

Не хочу голубых площадей,
Суеты, золотого огня.
И, похоже, чем больше людей,
Тем становится меньше меня.

Сведены все победы к нулю.
...Я не Бонд, не киношный кумир,
Но когда говорю ей «люблю»,
Всякий раз тем спасаю мир.

* * *

Немного в истерике толку,	...За речкою выстрелы пушек
Но души сидят взаперти.	Гудят, словно грома раскаты,
Мы жалки и мелки настолько,	Но в битве мышей и лягушек,
Что нас можно в брод перейти.	Опять победят химикаты.

Есенинский месяц пасется.
Чадит у калитки ранет.
Деремся за место под солнцем,
Да только рассвета все нет.

* * *

Мне трудно гимны петь весне.	И не откупорить «Клико»,
Нет сил идти, но ждать не легче.	И не расставить верно числа.
Теперь уже не сладок снег	Беду предсказывать легко,
И ни одна звезда не лечит.	Поскольку все равно случится...

Я не кляню свое житье.
Готов молитвой жить и хлебом
И каждый день мешать свое
Дыханье с нашим низким небом...

* * *

Старым смеемся шуткам
В старом немом кино.
В проруби ловим щуку,
Пойманную давно.

Выбиты чудо-звери
И разорен Парнас.
Видимо, в сказки верил
Кто-то, помимо нас.

Беседа у камина

Мое почтение, Гамлет! Визави
Поговорим о жизни и любви.
Но в мире ничего нет бесполезней
Таких бесед, бессонниц и болезней...
А хочешь – анекдоты потрави...

Вот на эфес легла твоя ладонь.
Свой выход на финал не проворонь!
Что с этим миром, что с тобой такое? –
Так весело чадит средневековье...
Еще подбросим сумрака в огонь...

Писать стихи про это и про то
Легко. Ведь не читает их никто.
И мы с тобой конечно, не соседи,
Но, понимаешь, нужен собеседник.
Тут подошел бы даже конь в пальто.

Ваш астроном... Живое существо,
Предсказывал науки торжество.
Быть может, и казал в кармане фиги, -
Но чтоб сгубить, достаточно сжечь книги...
Достаточно! Зачем его всего?..

У вас сжигали гениев, пока
Их всех не превратили в облака.
(Здесь удивительного ничего нет.)
...У нас любого могут за червонец
Убить. А ты - про «темные века».

На небе отблеск будто акварель...
Еще на день сегодня постарел.
Встал в семь часов. Позавтракал «Диролом».
Бежал, заткнувши уши рок-н-роллом,
Сквозь лёт Амуром выпущенных стрел...

Любовь – полет листа, неслышный стих,
Безумный карнавал, хлопки шутих,
Поверженные троны и кумиры.
...Огонь, который мог бы сжечь полмира,
Но нежно озаряет вас двоих.

И ты зовешь ее: «I love you yet ».
Истории печальней в мире нет.
Офелия молчит, глядит на воду...
Шекспир немало погубил народу -
Но как изобретателен поэт!..

Я запою, а ты мне подыграй:
«Когда-нибудь покинем этот край.
Ты плачешь? Дольний мир сродни таможене.
...Чем сумрачнее здесь и невозможней,
Тем очевидней, что такое рай».

* * *

Мороз бранили, дождь ругали...
Июль приносит птичий гам.
Стараюсь жить по вертикали,
Но тень пристегнута к ногам.

Все мысли о насущном хлебе,
И нет полётности в крыле.
И птицы, хоть живут на небе,
Но умирают на земле...

* * *

Катится поезд. Держусь пока я.
Небо июньское в облаках.
А на душе маета такая –
Не погасить, не унять никак.

Ребрами лета торчат деревья,
Гаснет в окошке вечерний свет:
Будто бы мимо родной деревни
Еду – и здесь остановки нет...

* * *

Одуванчики-чик, колокольчики-чики
Улыбаются в нашем лохматом саду.
Золотая трава, тонкий запах гречихи,
И камыш, и кувшинки в колхозном пруду.

Никуда от вечернего света не деться.
Озаряется блеском закатным затон...
Я деревню любил, вы же знаете, с детства,
Но, похоже, теперь только понял – за что...

Взглянешь на небо – кажется, жить будешь вечно:
Ни тревог, ни печали, ни шума грозы...
Замирает камыш. Не кончается вечер.
Над водою не гаснет звезда стрекозы.

Городской романс

Всюду сумрачность такая,
Прозелень сплетений...
Облака с трудом таскают
За собою тени.

И Луна в кусты ныряет,
И гудят решетки...
Чиркни спичкой фонаря о
Коробок «хрущевки».
Кто смиренно ждет участия,

Кто - в сетях азарта.
Не нужны тому, кто счастлив,
Ни вчера, ни завтра.

Где несчастному согреться?
Строчки – комом к горлу.
Бьется бабочкою сердце
На булавке горя.

* * *

Поиздержались, поистерлись:
Такая грустная судьба.
Но даже лучший из актеров
Играет худо сам себя.

Как будто жизнь была недлинной,
Как будто нам осталась треть...
Мы все снимались у Феллини,
Но кто на нас придет смотреть?..

* * *

На дворе из-за тучи темно.
Новый день по-осеннему тих.
Посвети мне, березка, в окно
Спелой россыпью листьев своих.

Оторваться хотел от земли,
Разогнать маяту и туман,
Но по лужам скользят корабли
И никак не найдут океан.

«Славная осень»

Сны разбросаны, словно листва, - там и тут.
Электричество льется по линиям вен.
По проспектам ночным пешеходы идут –
Бестолковая фауна города N...

Я как тот лицедей с бутафорской трубой,
Как не помнящий родственных связей Иван.
Мы сейчас навсегда расстаемся с тобой:
Ты на кухню, а я на диван...

И стихи к сентябрю вновь потянутся клином.
Бормочу просто так (не салют, не протест...)
Если Пушкин с тобой говорит – это клиника,
Если наоборот – вертикальный контекст.

Про любовь

1.

Вновь раскинулись звездные нивы
На таинственном небе, ночном...
О любви не писал лишь ленивый.
Так потрудимся, братья, начнем...

Жизнь мерещится ясной и длинной,
Если ты в самом деле влюблен.
И всю ночь из трепещущей глины
Ветер лепит березу и клен.

День прошел... Или час, или месяц?
И звезда надо мной гасит свет.
Мы сюда возвратились бы вместе,
В это место, которого нет...

Все прозрачней вокруг и восточней...
Ни смеяться, ни плакать нет сил.
Мне б сложить это все, как листочек,
И всю жизнь подле сердца носить.

...И рассвет, словно море, размахист,
А в душе по-июньски бело.
На пропеллерах первых ромашек
В небеса улетает село.

2.

Будни стирают нас в порошок,
Но стоит ли горевать?
Молодоженам там хорошо,
Где будет стоять кровать...

Ночь. Непогода. Четвертый час.
Я вышел навеселе.
...Рай – это место, где любят нас.
Нет его на земле.

Милая, день просто так сгубя,
Я шел сквозь ночную взвесь.
Можно поцеловать тебя? –
Я должен узнать, что ты есть...

3.

Ты хочешь мне быть сестрой.
В такую игру не верю.
И как назовешь игрой
Все это... Закрыта дверь, и

Куда мне с моей тоской?
Ночные дожди сквознее.
Скажи мне, кто я такой –
Наверно, в глазок виднее...

Шатаюсь, листву клубя.
А все же - с тобой мы в браке...

Сестра, я люблю тебя,
Как те сорок тысяч братьев.
Жизнь будет у нас проста.
Работа, прогулка, ужин.

...Целую тебя в уста
Чуть дольше, чем это нужно.

4. Осенняя прогулка

Нет листьев. На ветках птицы видны.
Печальная песнь слышна.
И снова прощенья прошу у жены
За то, что сейчас не весна.

...Прекрасней детей в мире нет ничего.
К победам иным я глух.
«Мужчины от женщин хотят одного...»
А ты подари мне двух!..

* * *

...Лишь остается хорошо
Держать удар, шаги упругить.
Я в эту реку сам вошел –
Мне князь Владимир был не нужен.

Курок, взведенный у виска
Иль поиск смысла в укоризне?..
Нет, более всего тоска
Дает нам ощущение жизни.

...Сквозное сыплет вещество
(На все, что людно, все, что лёдно)
Как доказательство того,
Что жизнь тиха и мимолетна.

«Душа – не вещь», - ты мне ответишь.
Увы, на ней не счесть заплат:
И через годы это – ветошь,
Но, может, - антиквариат...

* * *

Черное утро и белая тьма
С тусклой Луною в стеклянном сосуде...
Я и забыл, что такое зима.
С хрустом ломаются кости сосулек.

Ветер морозный – пощечина... И
Перемешались дыхания наши.
И невозможно сказать о любви
Даже влюбленным и даже обнявшись.

Падает с крыши кусками вода.
Все иллюзорно и все это «как бы»...
Что удивляться?

Опять – как всегда:
Женщину ждешь, а приходит декабрь.

* * *

Травы сохнут, травы дремлют.
Все по правде и всерьез.
Знаю, ждут меня в деревне,
За сквозной стеной берез.

Тоненько поет гармошка,
Солнце льется через край...
Кажется, пройти возможно
По прокосу – прямо в рай...

* * *

Январь. Давным-давно закрыт киоск
«Мороженое». Зимнее убранство
Домов, деревьев. Роем белых ос
Прошито вневечернее пространство.

Приду домой и сразу лягу спать,
Так просто в завтрак превращая ужин...
Ко мне на mail.ru приходит спам
Как знак того, что я кому-то нужен.

Смердят грехи. И тени все длиннее.
До райских кущ теперь, как до Китая...
Поэтому так рано здесь темнеет,
Поэтому с таким трудом светает.

* * *

Когда останемся одни
И жизнь согнет в дугу,
Деревня, подари огни
На дальнем берегу.

И золотистый бисер дня,
И песни матерей,
И гребешок забора для
Березовых кудрей.

Апрельский романс

К тебе, душа, дышу любовью,
Уверен: будет так и впредь.
А ты прекрасна. И с тобою
Мне страшно чахнуть и стареть.

По горло сыт своей тоскою,
На лире лопнула струна.
И всё отнюдь не квест, поскольку
Нет бонусов и жизнь одна.

Как зачарованный, теперь я
Брожу по вешнему селу.
... А я не знал, что счастье пере-
Дается через поцелуй.

* * *

Мне говорят:
«Зачем его растишь?
Придет отряд,
И взвизгнет эта тишь.
Здесь пепел серый
И засады злая пасть...
Чем меньше сердце,
Тем трудней в него попасть».

Письмо из Тавриды

*Золотистого меда струя из бутылки текла
Так тягуче и долго...
О. Мандельштам*

Так странно вечер сводится к нулю.
Душа опять меж февралем и мартом...
Страшнее нет амура с автоматом –
Всех до единой девушек люблю.

Хозяйка спросит: «Как дела?», и лед
Тихонько звякнет по стеклянной хорде.
Отвечу что-то вроде: «Жизнь идет»,
Но подразумеваю, что - проходит...

Что делать в этой варварской глуши? –
Искать приют и стариться без дела,
И легкий огонек своей души
Неловко прикрывать ладонью тела...

Прощание с малой родиной

Здесь привыкли в сосне прозревать дрова,
В тонких ветках – метлу...
Но в зените года
Возле реченьки так зелена трава,
Будто сняли ее на «Kodak».

Догнивает за баней забытый сруб.
А по лужам гуляет сирень босая...
Поцелуй, как листья, слетают с губ,
Неслышно лица моего касаясь.

В это время стеною идет вода,
И врывается в сердце тоски стихия.
В это время чуть слышно скажи «звезда» -
И это будут стихи.

И поднимется утро, в висках стуча,
Золотой синевой заливая очи,
Отверткою солнечного луча
Выкручивая шурупы ночи.

Я меняю стихи, словно сотни кож.
Перевернутый мир проникает в поры.
Оттого восклицательный знак похож
На рычаг и точку опоры!

...Не хочу, но стихает стобалльный шторм.
И предметы качаются в кислом дыме.
Потому ли грустны наши дети, что
Помнят родителей молодыми?

Вся деревня в июльскую ночь светла.
Не зову, не жалею, не жду ответа.
Мне не нужно уже твоего тепла,
Мне достаточно света.

ОЛЕГ НИКУЛИН

Олег Гаврилович Никулин родился 19 февраля 1941 года в Казахстане в семье служащих. После окончания ремесленного училища стал профессиональным токарем. С 1961 по 1964 год служил в рядах Советской Армии. При воинской части где служил, закончил очно-заочную среднюю школу.

В 1964 году стал студентом 1-го Ленинградского медицинского института имени И.П. Павлова. Занимался в поэтической студии ленинградского поэта Вячеслава Кузнецова. После окончания института, с 1970 по 1980 год, работал в Ставропольском крае врачом - стоматологом. Был внештатным корреспондентом районной газеты «Сельская новь», в ней же печатал свои стихи, вел кружок любителей поэзии. В 1988 году переехал с семьей в Тюменскую область, где и работает врачом-стоматологом в поликлинике п. Белый Яр Сургутского района.

С 1990 года - член Сургутского городского литературного объединения «Северный огонек». Публиковался в газетах «Вестник», «В центре событий». Член Союза писателей России.

В 2001-2005 годах вышли три книги стихов, басен, пародий.

ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

Кикимора

Минувшее лето в Югории выдалось дождливым и теплым, благодатным для роста грибов и созревания ягод. Однажды, как положено заядлому ягоднику, я встал на зорьке, выгнал из гаража свой вседорожник «Ниву», уложил в нее нехитрый скарб: рабочую одежду, сапоги с длинными голенищами, корзину со снедью, репелленты, отпугивающие комарьё, - и направился из Белого Яра в сторону Яунлорского нефтяного месторождения.

Асфальтовая дорога была почти прямой и просматривалась далеко. Справа и слева в придорожных перелесках покоились в круглых чашах таежные озёра. Вот и тридцатый километр. При тормозив на обочине, я вылез из машины, достал из багажника робу, сапоги, накомарник и пошел через лес к болотистым местам собирать клюкву.

Дымчатый ягель был податлив, не хрустел под ногами, как бывает в засушливое время, а, напившись росной влагой, стелился мягким ковром. Осины, развернув красные листочки-ладошки к утреннему солнцу, затрепетали, словно приветствовали меня. Казалось, они смотрели на меня с любопытством. Березы в золотых сережках, сбившись в веселую стайку, при виде меня о чем-то зашептались. Пройдя дальше, я понял, о чем они секретничали: тут и там лежали «круглые пироги» - маленькие и большие островки таёжных ягод. Покрытые ягелем, мхом, зеленой травой, утыканные пучками брусники и черники болотные кочки были сплошь усеяны клюквой. Вкусные пироги хантыйского бога Торума!

Перед таким шедевром я упал на колени, любуюсь каждой травинкой, каждой ягодкой. Сетка от накомарника съехала на лицо, только хотел подправить, как увидел зайца, сидевшего у моего «пирога», только напротив меня. Видимо, он дремал, а теперь, очнувшись от сна, с изумлением разглядывал меня в таком обряде, думал: что за кикимора сидит? И такое его разобрало любопытство, что он даже немного придвинулся ко мне, вытянул мордочку, принюхался к воздуху, зашевелил усами. Потяга шла со стороны зайца, потому моего запаха ушастый почуять не мог. Тогда он стал вращать ушами-локаторами, стараясь уловить малейшие шорохи, но я затаился так, что он не услышал

тревожных сигналов. Так что, не получив сведений об агрессии, он стал «раздумывать»: приблизиться ко мне или пока не поздно дать стрекоча? В это время, как на грех, от багульника у меня засвербело в носу, я не сдержался и громко чихнул. Ушастый на мгновение сжался, потом сиганул от меня метра на три в сторону. Было смешно видеть, как он дрыгал лапами в полете, стараясь оттолкнуться даже от воздуха! Приземлившись, он дважды перекувыркнулся через голову на мшистом ковре, а после задал такого жару, что только пятки сверкали меж редко стоящих сосёнок. Видимо, спешил сообщить сородичам о новой, еще неведомой лесной братии кикиморе.

Дездемона

Было это ещё в советское время. Молоденьким врачом из Питера приехал я по распределению в Ставропольский край. Жить и работать стал в селе Красногвардейском. Однажды в поликлинику ко мне на приём явилась местная знахарка (среди жителей ещё её называли колдуньей) и попросила удалить ей зуб. Хотя она и заговаривала болезни, но стоматологов боялась, как огня. Кое-как я уговорил бабушку сделать обезболивающий укол, выдержал время, а когда наступила анестезия, осторожно взялся щипцами за больной зуб и начал, как меня учили, проводить люксацию, ротацию и тракцию, то есть, расшатывать, выкручивать, и тащить на себя зуб. Не имея большого врачебного опыта, я низко наклонился к пациентке и она, вместо поручней на кресле, почему-то ухватила костлявой рукой за моё ухо и стала повторять все мои манипуляции: люксацию, ротацию и тракцию. Вначале я крепился, но потом не выдержал и заорал от боли. Бабка вторила мне. Растерявшаяся медсестра пыталась оторвать меня от колдуньи.

В это время мимо кабинета по коридору пробежал наш председатель профкома, он агитировал молодёжь для участия в художественной самодеятельности. Не дослушав дуэта, он влетел в кабинет и, словно судья на ринге, развёл нас по разным углам. Медсестра, как в тумане, что-то мне говорила, и словно тренер, помахивая полотенцем, прикладывала компресс к покрасневшему уху. Когда я пришёл в себя от экстрима, профсоюзный бос шепнул мне на здоровое ухо: «Крепись док-

тор, с таким голосом будешь петь у нас партию Отелло, ну, а Дездемону мы тебе отыщем помоложе».

Блинчики

Росла во дворе осина, а рядом, как большая сковорода, блестела лужа.

Утром дождь подлил в неё «масла» и куда-то исчез, а к обеду разыгралось озорное солнышко и стало на ней печь блины.

Ветер старался вовсю. Сковородка шкварчала, играя блинами, листья сыпались сверху, переворачивались, а некоторые вылетали из неё, но на смену им падали другие.

Маленькая Алиса подбежала к луже, выхватила из неё несколько румяных листьев и протянула их бабушке.

- На, баба, блинчиков.

Бабушка удивленно посмотрела на внучку, потом на лужу, рассмеявшись, проговорила:

- Ай, да блинчики! Спасибо солнышку!

Дуэт

Начиналось воскресное утро. В окно втекали августовские солнечные лучи, будто старались заглянуть в глубь комнаты. Я проснулся от этой осенней истомы, вышел на лоджию. То, что было внизу, на земле, мало радовало глаз. Обнесенный забором со спиралями колючей проволоки двор «Гидростроителя». В центре предприятия длинной серой бочкой протянулся ангар-гараж, облепленный автомобилями, как свиноматка поросятами. Поодаль виднелись склады и мастерские, возле проходной в небо вытянулась стрелой пятидесятиметровая стальная мачта с водруженной лампой «Полярное солнце». Лампа была призвана освещать рабочий двор, а заодно и поселок Белый Яр.

У проходной лениво лежала дворняга, она изредка незлобиво погавкивала, видимо, больше для развития легких, нежели для нагнетания страха. Поупражнявшись в лае, она улеглась под теплыми осенними лучами и уткнувшись мордой в передние лапы, задремала.

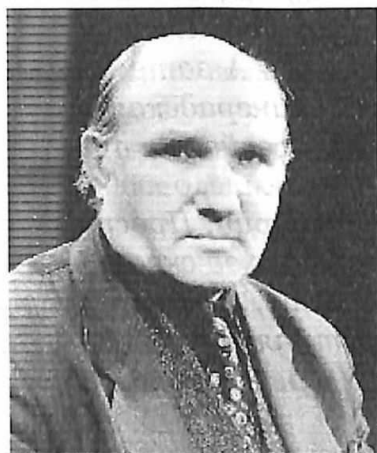
Неожиданно сверху из-под «полярного солнца» слышался лай. Отчетливо: гав-гав, гав-гав...

Пес, встрепenuвшись, приподнял лохматую морду в сторону неожиданно возникших звуков, стал с любопытством вслушиваться. Я также с интересом и удивлением посмотрел на верхушку мачты и первой мыслью было, что безалаберные монтажники, устанавливавшие вчера «полярное солнце», затащили туда щенка и забыли о нем. Через минуту послышалось слегка картавое: гав, гав... Сторожевой пес уже серьезно обеспокоился: на его вотчину зариться чужак! Он залился лаем, как лайка на белку, но песик на мачте затаился, не подавая признаков присутствия. Когда дворняга успокоилась, с неба снова повторилось: гав, гав, гав. И пошла-поехала перекличка: дворняга - небесный песик. То вместе, то врозь, то дуэтом - возникла настоящая перебранка. Потревоженная неожиданно возникшим шумом из проходной вышла сторожиха. Женщина, недовольно метнула в незадачливого барбоса палку, чтобы прогнать его в глубь двора. А в это время с мачты падал комочком щенок, падал с каким-то странным карканьем! У меня сердце оборвалось! Но, мгновение, и перед самой землей он выпустил крылья и превратился в ... ворону! Усевшись на забор, птица продолжила дразниться: «гав, гав, гав...»

Тут уж дворняга, посрамленная сторожихой и прохиндейкой-вороной, не залаяла, а просто завизжала от негодования. Она так остервенело кидалась на забор, что потрясенная ворона убралась подобру-поздорову подальше от греха, на дерево, и спряталась там. В это время сторожиха, напуганная зверским лаем, подумала, что на объект напали бандиты! Она выскочила из сторожки и давай палить из ружья во все стороны. Что тут началось! От выстрелов включилась сигнализация, завывли сирены, залаяли по всей округе собаки. Через некоторое время примчалась группа быстрого реагирования. Пять вооруженных бойцов рассредоточились по территории двора, пытаясь вычислить дислокацию бандюг. Не найдя нарушителей, они утомонили сигнализацию, еще раз осмотрели двор и убрались восвояси. Ворона, не ожидавшая такого оборота событий, тихо сидела на дереве, а когда все утихло, незаметно, бочком снялась с ветки и полетела в сторону поселка Снежного.

НИКОЛАЙ РАЧКОВ

Николай Борисович Рачков родился 23 сентября 1941 года в селе Кирилловка Арзамасского района Горьковской области. Отец погиб на фронте. Окончил среднюю школу в Арзамасе, Горьковский педогогический институт (историко-филологический факультет) в 1964 году. Работал в школе учителем. Журналист с 1966 года, член Союза писателей СССР с 1981 года. Автор поэтических сборников: «Колодцы», «Сказка про зайца», «Отчее крыльцо», «Неповторимый этот мир», «Только любовью», «Памятный дом», «Среди туманов и трав», «Под небом высоким», «Москва», «Нева», «Звезда», «Аврора», «Нижний Новгород», «Русская провинция»; публиковался в альманахах: «Поэзия» (Москва), «День литературы», «Завтра», «Литературный Петербург» и других изданиях.

Лауреат премии Горьковского комсомола (1981), Всероссийской литературной премии «Ладога» им. А. Прокофьева (1999), Всероссийской литературной премии им. А. Твардовского (2001). Действительный член Петровской академии наук и искусств.

Известный поэт Виктор Боков назвал Николая Рачкова «Звонким жаворонком России». Его стихи – о любви к Родине, к жизни, к людям, к Русской земле с её неповторимой историей. Сердце поэта полно тревоги и боли за неё, ведь оно – в центре происходящих в стране перемен.

На 10 съезде Союза писателей России имя Николая Рачкова было названо в ряду выдающихся современных русских поэтов. Председатель Союза писателей России Валерий Ганичев написал в «Роман-газете XXI века»: «Николая Рачкова надо знать. Он народный, национальный поэт России. Он из её глубин, он от её истоков, от земель нижегородских, от дорожек Серафима Саровского. А затем наша западная столица – Санкт-Петербург, Ленинградская область, где он получил за свое творчество Всероссийскую премию им. А. Прокофьева. И стихи, стихи о родной земле, о любви, о природе, о служении Родине, о подвиге, об истории. Просто, естественно, легко, с чуткой ответственностью за сказанное. И еще какое-то постоянное свечение, радость, грусть, но с надеждой, даже уверенностью, что «будет тяга к родному, кровному, вспыхнет светом любви очаг». Уверен, что почти ко всем нам, русским, обращены его стихи:

*Вот увидите: жизнь устроится,
Зло растает где-то во мгле.
Будет радостно, как на Троицу,
В каждом городе и селе».*

Это яркое и точное определение творчества русского поэта, который живет в городе Тосно Ленинградской области.

ПОРЫВ ДУШИ ИСПОВЕДАЛЬНОЙ

Зажги в себе свечу

Когда темно и ложь кругом,
И нет пути лучу,
Не надо думать о плохом,-
Зажги в себе свечу.

И многое пойдет на лад
И станет по плечу,
И всяк тебе и всюду рад,-
Зажги в себе свечу.

Пушкин

Он был России нужен срочно,
Как бледным листьям хлорофилл.
Как точно он,
Почти построчно
В ней все и вся преобразил.
Как царственно,
Под стать алмазу
Сверкнула русская зима!
Как много преломилось сразу
И для души, и для ума.
Он сыпал рифмами поспешно,
Почти мгновенно, на лету,
И жизнь и внутренне, и внешне
Меняла смысл и красоту.
И вспоминая о Поэте,
Не забываем мы одно:
Что слово может все на свете,
Когда божественно оно.

Как земля и тепла, и нежна,
Знают ноженьки только босые.
Разорву свое сердце: страна!
Задохнусь от восторга: Россия!

Эти сны на душистом стогу...
Эти песни о горькой рябине...
Русский штык на альпийском снегу...
Русский гром в очумевшем Берлине.

Говорилось в который уж раз:
В грозном мире метелей и ливней
Нет на свете доверчивей нас,
Безрассуднее нет и наивней.

Боже! Сколько размётано в дым.
И последнего, может, лишимся,
Но на небо, на небо глядим,
Даже если и в землю ложимся.

«Жить невозможно...» - и чиркнула спичка,
И на ресницах застыла слеза.
«Жить невозможно!» - кричит электричка.
Слушая судеб людских голоса.

**Всё ненавистней пустые заботы.
Сил никаких уже нет. Довели.**

«Жить невозможно!» -
кричат самолеты.

«Жить невозможно!» -
кричат корабли.

Жить невозможно
срамно и безбожно,
стыдно, коль нечем уже дорожить.
Жить невозможно,
жить невозможно,
Но невозможно как хочется жить!

То ли годы меня хорошо укачали,
То ли вьюга опять замела окоём,
То ль восторг на душе, то ли бездна печали...
Что ж, привычное дело —
В России живем.

Ах, Россия, Россия... Зачем пленала
Темный призрак Европы,
Ведь он без лица?
Сколько воли ни дай – все равно будет мало,
Сколько правды ни режь – а не видно конца.

Все равно в никуда все пути и дороги.
И кого ни корми, и кого ни пои,
Все равно все березки твои босоноги,
Все равно будут плакать все ивы твои.

И какие хоромы ни выстрой на диво,
Хоть в узоре фасад, хоть конек к облакам,
Все равно прорастет у крылечка крапива,
Все равно хоть разок да хлестнет по ногам.

Сколько мук, сколько слез...

Но и радостей много,
Но завиден другим даже твой неуют.
И нередко надежда твоя лишь на Бога,
Потому что другие всегда предают.

Мне так больно порой за тебя, так обидно.
«Как ты можешь прощать?» - я от горя шепчу.
Участь русского так на земле незавидна...

Только разве другому она по плечу?

Кто вас одарит небесною манною? —
Слышатся мне голоса. —
Есть у вас реки, большие и малые,
Есть и поля и леса.

Или вы сказок уже не расскажете?
Не усмирите врага?
Есть у вас грады и веси, есть пажити,
Есть заливные луга.

Что это встать в полный рост не решаетесь?
Не разомнете бока?
Что это вы без конца возрождаетесь?
Не вырождались пока.

Не поддавайтесь духовной агрессии —
Это упрек и наказ.
Мир бы давно потерял равновесие,
Если бы не было вас...

Сергиев посад

Всё государство – прахом,
Всесветный и стыд и срам!
Москва под кичливым ляхом,
А Лавра – не по зубам.

А Лавра на всю Россию
Звонит для тех, кто не глух,
Являя такую силу,
Такой архангельский дух.

А воины кто? Монахи.
«Не знать бы их чёрных ряс!
Пся крев!..» - и лютуют ляхи,
И прут на штурм, не смирясь.

В крови их рыла и серьги,
Шляхетская стынет спесь.
Здесь – сердце Москвы.
Здесь – Сергей,
Благодаря днесь.

Его нетленные мощи
За монастырской стеной –
Как слепок осенней рощи,
Такой до боли родной.

«На приступ!» - но в сердце жара
Всё меньше, всё злее сечь.
Сверкают, как Божья кара,
И русский топор, и меч.

Известно: не в силе правда,
Коль веруешь, так не трусь.
Пока на Руси есть Лавра,
Не сгинет Святая Русь.

Приникни душой и телом
К святыне, живой пока.
Здесь колоколенка в белом –
Как лесенка в облака...

А Родину любить –
великая наука.
Хорошие к тому
нужны учителя,
Чтоб просыпался дух
от пламенного звука
Курантов зоревых
Московского Кремля.

Я полюбил в церквах
таинственные фрески,
Молчание – с войны
вернувшихся солдат.
И я светел душой
в березовом подлеске,
Где тихо шелестел
прощальный листопад.

Сегодня полюбить
свой край непросто.
Нужны учителя.
Но нет учителей.
Такая пустота
царит в глазах подростков,
Как пепел средь врагом
истоптанных полей...

Не тронет крик иудин,
Что канем без следа.
Мы русские. Мы будем
Вовеки и всегда.

Живем, душою мучась,
За всех, кто был и есть.
Такая наша участь,
А коль точнее – честь.

Порою так бывает:
Нас вырубят, как лес.
Поскольку не хватает
Нас в глубине небес.

Чтоб мир не рухнул в нети
И не пропал во зле,
Держать нам крепко эти
На небе и земле.

«Мороз и солнце...» - это Пушкин,
Мы твердо знаем наперед.
И сомневаться разве нужно?
Его в душе хранит народ.

«Пока сердца для чести живы» -
Какая ломит нас беда?
Не для вражды,
не для наживы
Мы в этом мире, господа.

Среди эпох, идей и мнений
Любому с малости люб
Непостижимо русский гений
С печалью африканских губ.

Эй вы,
не тратьте зря усилий,
Нас не возьмут ни ложь, ни тол,
Пока есть Пушкин у России,
Пока звучит его глагол!

«Не исчезай, мое село...»
Н. Дмитриев

Храни, районный городок,
В своей глуши провинциальной
За пылью горестных тревог
Порыв души исповедальной.

Храни свой бедный огород,
Свои цветы, свою картошку,
Чтоб не пропасть в урочный год,
Когда дадут тебе подножку.

Не торопись догнать прогресс,
Тебя он долго не услышит.
Пускай подольше ближний лес
Тебе в затылок вольно дышит.

Пускай привычно тешат взор
Узор деревьев заоконный
И Дом культуры, и собор,
И мост над речкой полусонной.

Храни средь радостей и бед
Свои обычаи и нравы
И верь, что нет надежней, нет
Другой опоры у Державы...

Еще жива дубовая аллея...

Ан. Грешневикову

Что счастье рядом – верится с трудом.
Живем, увы, друг друга не жалея.
Еще стоит и дом перед прудом,
Еще жива дубовая аллея.

Еще плывут все те же облака
Над нашей среднерусскою равниной.
Но где, скажи, мальчишечья рука,
Чтоб помахать ватаге журавлиной?

Какой сентябрь на родине отцвел!
Какой костер остыл пустой золою!
Ужель мы это поле, этот дол
И впрямь не назовем своей землею?

Мой добрый друг, на отчей стороне,
Где свет вчера манил из окон клуба,
Неужто же одни круги на пне
Останутся от спиленного дуба?

ЛЮДМИЛА ВЕТРОВА

Людмила Анатольевна Ветрова родилась в селе Зеренда Зерендинского района Кокчетавской области. Окончила филологический факультет Усть-Каменогорского педагогического института (1987).

Первое стихотворение опубликовано в 1999 году в Советской районной газете «Вести». Печаталась в еженедельнике «Литературная Россия», в журнале «Мир Севера», в коллективных сборниках и альманахах, в антологии «Литература Югры: 1930-2000. Кн. 1» (2001).

Автор сборников стихов «Ведьмин круг» (Советский, 2000) и «Удивительное лето» (Советский, 2003).

Член Союза писателей России с 2001 года.

Живет в городе Советском.

ПОИСК ДУШИ

Отдышалась зима, успокоилась,
Только ночью не спится одной.
Добрый сказочник Оле Лукойе
Раскрывает свой зонтик цветной.

Продолжается старая сказка,
И скрипит на морозе бельё,
И летят ледяные салазки
За волшебной каретой её.

И потомки циничного Кая,
Забывая проблемы свои
И о вечности белой мечтая,
Собирают осколки любви.

Собиралась весну встречать,
Да опять проспала все сроки,
Воробьи за окном кричат,
И о чём-то трещат сороки.
И сползает по крыше снег,
Словно старый седой монтажник,
За окном 21-й век,
Только это уже не важно.
Хорошо, что пришла весна,
Даже сердцу теплее стало,
Кошка греется у окна,
А хозяйка под одеялом.
Проспала? Ну, и проспала,
Будет много ещё рассветов,
Пусть весна без меня пришла,
Встречу первое утро лета.

У весны не бывает потерь,
Разливаются внешние воды,
Я окно распахнула и дверь
Сквознякам обновлённой природы.

И спешу на работу с утра,
С разноликим сливаясь потоком,
И сбегает опять детвора
С надоевших и скучных уроков.

И тепло прошлогодней травы
Воробьи растащили по гнёздам,
И с профессорским видом совы
Не хочу говорить о серьёзном.

Старый свитер бросила на кресло,
Помолиться б, да иконы нет,
И зовут «соломенной невестой»
Разведёнку в тридцать девять лет.

Полюбила б, да боюсь прощаний,
Хоть о них не помню ничего.
А на кухне закипает чайник,
Для кого? Не помню для кого.

Появились проталины,
У весны куролесица,
Увеличилась талия
За коротких три месяца.
Ничего, образуеться,
Отыщу оправдания,
По растаявшим улицам
Потекло ожидание.
Навалились заботы,
И худеть бесполезно,
И опять я в работу,
Как в диету залезла.
И по русской примете
Летним днём долговязым
На пуховом берете
Всё снежинки вывязываю.
Молодая да ранняя
Всё решаю сама.
«Приготовила сани»,
Значит скоро зима.

Капля за каплей – дождь,
Мигом за миг – минута.
Как ты теперь живёшь?
С кем ты встречаешь утро?
Где ты, мой милый друг?
Больше тебя не слышу,
Всё же надеюсь: вдруг
Ты мне письмо напишешь.
Верю: когда-нибудь,
Может быть, очень скоро
Ты объяснишь мне суть
Прошлого разговора.
Верю: приду домой,
День проведя без толку, -
Господи боже мой,
Ты наряжаешь ёлку!

Поговори со мной,
Поговори, пожалуйста.
Осенью и весной
Мне не хватает жалости.
Песню споёшь – пусть,
Просто обнимешь – здорово,
Станет моя грусть
Сном моего города.

Мой новый мир, моя вторая жизнь,
Я шла к тебе семнадцать зим и вёсен.
Пусть за спиной я слышу «разошлись»,
И чей-то голос дрогнул на вопросе.

А кто-то вновь цинично пошутил
И стал подробно излагать причины,
И повторял восторженный дебил:
«Чего б ни жить с хозяйственным мужчиной».

Советов тьма, подробно изучай,
Как помешать семейной катастрофе.
Да, можно пить позавчерашний чай,
Однако я перехожу на кофе.

Солнце моё, здравствуй!
Вижу тебя во сне.
Как ты живёшь? Рассказывай,
Только не ври мне.
Только не надо этого,
Всякого там «ни о чём»,
Если ушло лето,
Осень-то здесь при чём?
Холодно, значит холодно,
Листья опали, что ж...
Ты отошёл в сторону,
Может, совсем уйдёшь.
Осень на то и осень,
Чтобы опять дождь.
Ты не меня бросил,
Просто один живёшь.

Не уходи совсем,
Пусть неизбежна осень.
Мы опьянели в семь,
А протрезвели в восемь.
Быстро исчез дурман
В спорах о самом главном,
И не раскрыт обман,
Это почти забавно,
Это почти смешно,
Или почти печально.
Ветер влетел в окно –
Сразу исчезла тайна.

Если вдвоём идти
Берегом моря –
Можно на всём пути
Замков настроить.

Если волною их
Смоет беспечной –
Можно придумать стих
О быстротечном.

Если вечерний бриз
Трепетно зыбок –
Можно увидеть жизнь
Солнечных рыбок.

Если вы с кем-то днём
Чуточку в ссоре –
Нужно пройтись вдвоём
Берегом моря!

СВЕТЛАНА ТЮРМОРЕЗОВА

Светлана Александровна Тюрморезова – постоянный автор нашего альманаха. Творческие интересы разнообразны: пишет стихи, рассказы, в последнее время все чаще выступает с критическими статьями. В предыдущем, четвертом, номере альманаха «Сургут литературный» была опубликована литературно-критическая работа С. Тюрморезовой «От русской поэзии к отчему дому». Эта статья была перепечатана под другим названием в журнале «Литература в школе» (2008, №6). Более того, Светлана Тюрморезова стала лауреатом премии журнала «Литература в школе» за 2007 год, с чем мы искренне поздравляем нашу землячку и желаем ей творческих успехов.

«РОССИЯ! ОСТАНЬСЯ СОБОЮ И ДУШУ СВОЮ СОХРАНИ»

(о лирике Николая Рачкова)

Есть в жизни человека драгоценные моменты. Они приходят неожиданно, длятся недолго и этим бывают ещё чудесней. Они необъяснимым образом будят в душе и радость, и грусть, тревожат её, очищают и обновляют, а главное, вынимают из неё русского человека.

Открыла я как-то вечером, в редкие минуты отдыха, сбор-

ник стихов Н. Рачкова и ахнула: «Что за дивное царство в стихах!». Вслушайтесь только, представьте:

Сколько сини!
Ах, сколько сини,
Снега синего и небес!
В синей дымке
Свинцово стынет
Сонный,
В синих осинах,
Лес.

Не правда ли, эта чудесная синь зимнего леса вызывает особое душевное настроение, наполняет светом, свежим, морозным воздухом!

Так я открыла для себя сборник стихов «Рябиновая Русь» и познакомилась с поэзией современного русского лирика Н. Рачкова. Много позже, в 2006 году, глядя на поэта, читающего свои стихи со сцены сургутского Центра культуры и детского творчества «Камертон», слушая его стихи, я подумала, что именно таким его и представляла: каким-то основательным, простым, сердечным, с душевным естеством и неторопливым укладом русского человека. С тех пор поэт Н. Рачков – один из самых дорогих моему сердцу и созвучных моей душе поэтов.

В настоящее время появилась тревожная тенденция высмеивать русскую литературу гражданского пафоса, но ведь именно она веками формировала национальный духовный характер, народное самосознание многих поколений русских людей. «Человек без духа не достоин своего звания.... Читайте историю России и убеждайтесь, что вся она создана силою русского духовного характера...», - писал И. А. Ильин.

Вот почему мне хочется поделиться мыслями о тех стихотворениях Н. Рачкова, которые, на мой взгляд, пробуждают любовь к Отечеству и гордость за него, воспитывают русский характер, открывают нашим детям возможность стать духовно сильными, вызывают интерес к истории своей страны. Вот одно из таких стихотворений:

То ли годы меня хорошо укачали,
То ли вьюга опять замела окоём,
То ль восторг на душе, то ли бездна печали...
Что ж, привычное дело –
в России живём.
Ах, Россия, Россия.... Зачем пленала

Тёмный призрак Европы,
Ведь он без лица?
Сколько воли ни дай – всё равно будет мало,
Сколько правды ни режь – а не видно конца.

Всё равно в никуда все пути и дороги.
И кого ни корми, и кого ни пои,
Всё равно все берёзки твои босоноги,
Всё равно будут плакать все ивы твои.

И какие хоромы ни выстрой на диво,
Хоть в узоре фасад, хоть конёк к облакам,
Всё равно прорастёт у крылечка крапива,
Всё равно хоть разок да хлестнёт по ногам.

Сколько мук, сколько слёз.... Но и радостей много.
Но завиден другим даже твой уют.
И нередко надежда твоя лишь на Бога,
Потому что другие всегда предают.

Мне так больно порой за тебя. Так обидно.
«Как ты можешь прощать?» - Я от горя шепчу.
Участь русского так на земле не завидна...
Только разве другому она по плечу?

В стихотворении шесть строф. На протяжении всего стихотворения звучит голос автора, появляющегося в субъективно-лирическом начале стихотворения как лирический персонаж. В первой строфе он выражен местоимением «меня» и глаголом в первом лице множественного числа «живём». Во второй строфе авторский голос звучит в обращении к родине «Ах, Россия, Россия...». В последней строфе - в обращении «Как ты можешь прощать?» и в личном местоимении «мне» («Мне так больно...»).

Тема стихотворения - «судьба России», - определена уже в конце первой строфы:

То ль восторг на душе, то ли бездна печали...
Что ж, привычное дело –
в России живём.

Во второй - четвёртой строфе происходит развитие темы - душевные переживания, размышления героя по поводу жизни в России, доли русского человека, - центральных образов стихотворения. Последние две строки конечной строфы - эмоциональное

заключение в форме сентенции – итоговые, к ним сводится, в них заключается смысл всего стихотворения. Для развития мотивов лирической темы поэт использует синтаксический, интонационный и лексический параллелизм.

Повторение начальных слов в каждой строфе, словесные анафоры усиливают также эмоциональное напряжение и являются одним из средств выражения чувств автора.

Вторая строфа стихотворения начинается обращением автора к родине:

Ах, Россия, Россия....Зачем пеленала
Тёмный призрак Европы,
Ведь он без лица?
Сколько воли не дай – всё равно будет мало,
Сколько правды не режь – а не видно конца.

Аллегорическое изображение революции в виде призрака, по-видимому, заимствовано автором из первых строк Коммунистического Манифеста. Один из лучших представителей русской культуры И.А. Ильин предупреждал соотечественников: «...не наша печаль чужих детей качать. Оставим до времени все эти человеческие мечты и вселенские химеры. Россия перед нами». Какой-то злой парадокс в том, что самую страшную революцию породила та страна, которая называлась некогда «Святой Русью». За «призрак коммунизма» как за «тёмный призрак Европы» Россия заплатила «влагой красного цвета», стремясь к правде и воле «во имя равенства, зависти и...пищеварения».

Но «сколько воли не дай - всё равно будет мало, сколько правды не режь – а не видно конца», потому что, по словам классика, слишком «широк русский человек». В метафоре «пеленала...призрак» слышится ещё и другое: пелена, которая застелила глаза русского человека, и он не разглядел, что младенец «без лица», что он «тёмный». Этот эпитет «тёмный» говорит о многом, помните: «кто светел, тот и свят».

Во второй строфе стихотворения поэт с горечью отмечает:

Всё равно в никуда все пути и дороги.
И кого ни корми, и кого ни пои,
Всё равно все берёзки твои босоноги,
Всё равно будут плакать все ивы твои.

Это происходит оттого, что на мистическом уровне русский человек всегда стремился к духовному, а когда поддавался «князю мира сего», путь этот оказывался дорогой в «никуда». И не

только потому, что обманывали да объегоривали «заморские друзья». Уделом Богоизбранной страны всегда были страдания и испытания: «суровый климат, оторванность от моря, незащищённость равнины, татарское иго, бесконечные войны; вызванные этими войнами крепостной уклад и право; и разноплеменная толща малых, преимущественно азиатских, народностей». Отсюда щемящие душу образы плакучих ив и босоногих берёзок Руси.

И какие хоромы ни выстрой на диво,
Хоть в узоре фасад, хоть конёк к облакам,

- так начинается предложение – четвертую строфу автор стихотворения. Старинное слово «хоромы» обозначает жилой просторный дом. Раньше говорили: «Он избу свою продал, хоромы выстроил». А тут не просто добротнo, просторно, но ещё и дивно: в узорах фасад, на крыше, под самые облака, (а значит, дом высокий!) – конёк. Чего бы не жить! И вдруг завершает её:

Всё равно прорастёт у крылечка крапива,
Всё равно хоть разок да хлестнёт по ногам.

Причём анафора «всё равно», используемая автором, подчёркивает непреложную неотвратимость действия: «прорастёт» и «хлестнёт».

Образ хлесткой крапивы возникает в стихотворении как напоминание о смирении для вразумления тех, кто забывает о своём высоком предназначении русского человека, пребывая в гордыне, эгоизме, тщеславии, равнодушии, сытости, самовозвышении и самодовольстве.

«Сколько мук, сколько слёз.... Но и радостей много», - пишет далее Н. Рачков, и каждому человеку, хоть немного знакомому с историей Руси, понятно, о чём идёт речь.

История любого народа - претворение в жизнь замысла Божия. И наша история свидетельствует о том, что до тех пор, пока русский человек хранил и защищал свою веру, жил по заповедям Божиим, он находился в достатке и благоденствии. Когда же народ отступал от веры, забывал об истинных ценностях, то это влекло за собой страшные последствия. А, как только, осознав свои грехи, люди восстанавливали в себе образ Божий и исправлялись, то Россия восходила к ещё большей славе. Но так уж сложилось, что не только слава и достаток, даже наш неуют завиден другим народам. И далее - мысль автора, подтверждённая всей историей России, веками бесчисленных и бесконечных страда-

ний, когда русский народ, по словам Ф. М. Достоевского, «оставленный всеми и попраный всеми, работающий на всех и вся, оставался лишь с одним Богом...»:

И нередко надежда твоя лишь на Бога,
Потому что другие всегда предают.

«Мне так больно порой за тебя. Так обидно», - пишет Н. Рачков. Конечно, по человеческим меркам - «за державу обидно». Ту же боль за свою поруганную, обездоленную страну мы слышим и в стихотворении другого поэта-патриота Н. Зиновьева: «... обидно, до слёз обидно за страну». Но так уж видно «на роду написано», таков Божий Промысел: «Испытания даются на благо,/Нет блаженнее русской души».

В последних строках стихотворения - нравственные муки чуткого сердца поэта за свою родину, глубокое сочувствие ей:

«Как ты можешь прощать?» - Я от горя шепчу.

«Фёдор Тютчев как-то однажды обмолвился о стыдливости страданий у русского человека... Стыдливость страдания, иначе говоря, терпение, нежелание жаловаться и мстить за личные обиды... — ...эти свойства и отличают русских от обитателей протестантской Европы, а может, и от мусульман великого азиатского континента. Конечно, русский характер вовсе не ограничивается упомянутыми свойствами. Когда иссякнет народное терпение или грозит опасность Родине, он, русский человек, становится суров и грозен до непредсказуемости. Но именно тютчевская божественная стыдливость страдания приходит на ум (причём без очереди), когда я пытаюсь понять самого себя», - писал В. И. Белов в книге «Тяжесть креста». Становится понятно, что умение прощать — это не слабость, что это качество - божественного свойства, в нём сила и стойкость русского характера. И не каждому эта участь по плечу.

Участь русского так на земле не завидна...

Только разве другому она по плечу?

Только ли боль поэта слышится в третьей строке последней строфы? А может быть, участь русского не завидна лишь только на земле? И тогда в этой строчке - вечные чаяния и надежды. И тогда становится понятно, почему другим завиден наш уют, наша, казалось бы, незавидная участь на земле.

Над вопросами: «Почему России выпало то, что...выпало?

Почему – ей?», по словам Г. Горбовского, размышляло много поколений патриотов нашей Родины: «Неужто самая смиренная в долготерпении? Самая покладистая, а значит, и самая подходящая для экспериментов? Этаким полигон для всевозможных бесовских штук. Или всё-таки – избранница Господня? Чтобы, как положено, через страдания к звёздам?».

Автор преднамеренно написал «Участь русского», используя единственное число слова «русского», в то время, как должно быть использовано множественное число. Но употреблённая поэтом синекдоха как бы вмещает в себя весь русский народ, всю Россию в лице русского человека, делая его богатырём-исполином, подчёркивая его величие и особую миссию на земле.

В следующем стихотворении Н. Рачков продолжает размышление о русском характере. Текст стихотворения состоит всего из двух строф:

Да, мы другие и этим в веках дорожим.
Разные слишком святыни у нас и оплоты.
Им-то в привычку – с мечом за добром, за чужим,
Нам за своё, за родное – ложиться на доты.

Наших младенцев топтали копытом коня,
В избах сжигали, утюжили из автомата.
Мы их младенцев, рискуя собой, из огня.
Из-под бомбёжки тащили к дверям медсанбата...

Тема стихотворения обозначена автором в первых двух строках: «Да, мы другие...». Что же хотел сказать автор этим? Скорее всего, поэт имел в виду, что у русских другие, непонятные остальным, идеалы. Они живут по другим духовным законам, дорожат иными ценностями. Другой, иной, инок. Интересную мысль высказал в связи с этим В. Ирзабеков, заметив, что Преподобного Сергия Радонежского называют игуменом Земли Русской. В самом деле, разве Россия – монастырь? Но если вспомнить, что монахов на Руси называли иноками, тогда всё становится понятным. Россия – страна иноков, т.е. иных. Эту мысль подтверждает и И.А. Ильин, говоря о том, что «у нас своя, особая вера, свой характер, свой уклад души. Мы иначе любим, иначе созерцаем, иначе поём. У нас иное правосознание и иная государственность». Просто, кратко, метко и совсем уж понятно об этом сказал современный поэт Н. Зиновьев: «Да, мы не от мира. От Бога».

Лирический герой Н. Рачкова – это образ человека, который дорожит идеалами, духовными законами и святынями своих предков.

В основе построения стихотворения (развития темы) лежит антитеза. Контрастная трактовка темы выражается противопоставлением: «Им-то... - за добром, за чужим» - «Нам за своё, за родное». Инверсия, употреблённая автором в этой строке (за добром, за чужим), подчёркивает статус грабителей всех тех, кто являлся незваными на Русь в надежде поживиться чужим добром, усиливает отрицательную оценку их действий. Структура этой фразы, построенная, как разговорная речь, делает эти слова народным приговором интервентам. Кому «им-то»? Да тем, кто на протяжении многих веков пытался захватить русскую землю, ограбить её. До 11 века – это были печенегы, в 11-13 веках – половцы, в 13 веке – немцы и шведы; в 13-15 веках – монголы, потом ордынцы; в 17 веке – шведы и поляки; в 19-ом – французы; в 20-ом – фашисты. Всего восемь строк в стихотворении, но сколько печальных событий, сколько страниц истории России вмещают они! Чтобы показать участь русского человека: во все века защищать свою страну жертвенно, самоотверженно, ценою собственной жизни, автор очень удачно выбирает ёмкое, образное выражение «ложиться на доты», вызывая в памяти читателей беспримерные подвиги А. Матросова и А. Панкратова в Великую Отечественную войну.

Автор вспоминает реальные события истории в двух первых строчках второго четверостишия - антитезы:

Наших младенцев топтали копытом коня,
В избах сжигали, утюжили из автомата.

Читаешь и думаешь: неужели это всё могло быть на самом деле? Читаешь, и воскресают в памяти события недавнего прошлого: Бабий Яр, овраг на окраине Киева; белорусская Хатынь, сожжённая фашистами дотла деревня с мирными жителями и детьми...

В строках поэта: «Мы их, младенцев, рискуя собой, из огня, из-под бомбёжки тащили к дверям медсанбата...», - звучит всё та же потаённая мысль автора: «Как ты можешь прощать?»

Размышляя над содержанием произведений Н. Рачкова, начинаешь понимать, что только через наличие в человеческой душе духовной ипостаси происходит реализация человечности. Стихотворения поэта раскрывают величие и недостижимость

русской души, её высокий строй, её духовные начала. Они будят в читателе сопричастность («В России живём»), к тому, что происходит и будет происходить в России, зовут к сохранению идеалов, уклада души русского человека.

И хочется бесконечно повторять вместе с автором его сердечную, сохранную молитву своей Державе:

Россия! Останься собою
И душу свою сохрани.

ЮРИЙ МЕШКОВ

СИБИРСКОЕ ШОЛОХОВЕДЕНИЕ

В Сургутском педагогическом университете подготовлен и издан первый выпуск «Шолоховского вестника». Он включает в себя статьи, материалы и документы, отражающие различные грани судьбы и творчества М.А. Шолохова. Инициатором издания и его ответственным редактором стал доктор филологических наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор Ю. Дворяшин.

Первая внешняя реакция на «Шолоховский вестник», изданный где-то в Сургуте, довольно скептическая. Мы привыкли, что изучением творчества великого писателя активно занимаются там, где его пребывание оставило след или где происходили события, им описанные. О Сибири Шолохов не писал, в Сибири (тем более, в Сургуте) он не был.

Но в российском общественном сознании феномен Шолохова столь значим, что всё, что связано с ним, находит отклик в душе каждого соотечественника. Ещё недавно много судачили на тему авторства «Тихого Дона». И многим хотелось, чтобы авторство М. Шолохова было доказано. Сейчас в этом споре поставлена точка, наконец-то найдена рукопись романа. Но сам роман перечитывается и многое открывает нам в нашем смутном XX веке, который хоть и завершился хронологически, но смыслом своим продолжает волновать. А потому, осмысляя прожитое нами, мы вновь и вновь обращаемся к Шолохову. И здесь не суть важно где, а важно, насколько глубоко идёт проникновение в его творчество. Теперь вот заявило о себе и сибирское шолоховедение, заявило о себе достаточно авторитетно. Для Юрия Александровича Дворяшина творчество М. Шолохова - его давняя и самая глубокая привязанность. Отметим, что к Шолохову он пришёл как раз в то время, когда был пик споров об авторстве «Тихого Дона», а либеральная критика старательно отодвигала Шолохова на периферию литературного процесса XX века. Чего стоит сама тема его докторской диссертации «М.А. Шолохов и

русская проза 30-70-х годов о судьбе крестьянства». После С. Залыгина («На Иртыше»), Б. Можая («Мужики и бабы»), после документов, раскрывавших трагизм коллективизации, писать о «Поднятой целине» как об одной из искренних и правдивых книг в нашей литературе? Надо было обладать научной смелостью. Более того, в 2001 году Дворяшин подготовил и осуществил научное издание романа «Поднятая целина», в котором восстановил именно шолоховский текст, а не тот, который в бесчисленных переизданиях сторожевыми псами идеологии поправлялся, а читателю подавался как именно то, что будто бы и написал Шолохов. После этого сургутский литературовед был включён в академическую группу, которая готовит полное собрание сочинений великого писателя. В 2005 году в Москве вышла его очередная книга «М.Шолохов: грани судьбы и творчества».

Постепенно вокруг Ю. Дворяшина в Сургутском педагогическом университете, в котором он служит, и в самом городе собралась группа энтузиастов. Так возник в Сургуте Шолоховский научный центр, получивший признание у российских шолоховедов. Сужу об этом по тому уважительному отношению к нему, которое чувствуется в Институте мировой литературы Российской академии наук. Сужу об этом и по личным впечатлениям. В мае 2005 года в Сургуте тепло и широко отмечали 100-летие писателя. В нашем регионе центром стал Сургутский педагогический университет, где прошла научная конференция. Помимо докладов ученых из Москвы, Екатеринбурга и других городов, были прочитаны более двух десятков студенческих сообщений. И студенческие сообщения говорили о том, как высок интерес к писателю у молодого поколения нашей страны. А выступления народной артистки З. Кириенко, которую все помнят в роли Натальи из «Тихого Дона», украсили шолоховские дни в Сургуте.

Издание «Шолоховского вестника» свидетельствует, что шолоховские дни в Сургуте - не одноразовая акция, шолоховские исследования - не личное дело профессора Ю. Дворяшина.

Открывает вестник статья профессора А.Ушакова, в которой руководитель академической шолоховской группы размышляет о задачах подготовки научного издания наследия писателя. В.Васильев восстанавливает источник, из которого взята старинная казачья песня, которая одним из эпиграфов дана к «Тихому Дону». Дана, как утверждает исследователь, только пятью стихами, ибо по условиям времени Шолохов не мог процитировать песню целиком. Но и эти пять строк концентрируют в себе

обобщённое и «зашифрованное» («студёны ключи», «бела рыба мутит») содержание песни и предваряют образную глубину повествования. Профессор Л.Сатарова представляет липецких исследователей творчества писателя, а молодой исследователь Н. Стюфляева публикует статью об идее преображения мира и человека в романе «Тихий Дон». Вестник знакомит читателя со статьей П.Палиевского «Тихий Дон» М.А. Шолохова», давно признанной научной общественностью классикой шолоховедения.

Ю. Дворяшин в этом первом выпуске вестника публикует письма современников к М.А. Шолохову. Ценность их не только в том, что они проясняют отдельные факты в биографии писателя. Ценность публикации писем современников к писателю в том, пишет Дворяшин, что они дают представление «о его месте в общественном сознании XX века».

Завершает вестник хроника «Шолохов и наши дни», из которой следует, как российская общественность сегодня хранит память о писателе. А в разделе «Библиография» зафиксированы научные работы, опубликованные в последние два-три года.

Таким образом, перед нами издание, на страницах которого читатель найдет и серьезную научную мысль, и самую широкую информацию о состоянии современного шолоховедения.

Хочется верить, что выпуск сургутского «Шолоховского вестника» будет продолжен, а сибирское шолоховедение внесёт свой вклад в постижение творчества великого писателя.

(Тюменские ведомости. 2007. №4. С. 10)

ВАЛЕНТИН ГРИГОРЬЕВИЧ РАСПУТИН

15 марта 2007 года выдающемуся русскому писателю В.Г. Распутину исполнилось 70 лет. Это крупное событие в культурной жизни России. Всеобщее внимание к судьбе и творчеству писателя позволили сконцентрировать интеллектуальные и нравственные усилия на постижение многомерного смысла его произведений. В стороне от этого процесса не могла остаться и литературная наука. На страницах газет и журналов появились статьи обобщающего характера, вышел ряд книг о В.Г. Распутине. И все же, несмотря на эти публикации, несмотря на большое число исследовательских работ, опубликованных за четыре с лишним десятилетия, в течение которых мы живем, освещенные талантом выдающегося художника, нет ощущения, что отечественное литературоведение в полной мере осознало масштаб и значимость творчества писателя как духовного и художественного явления. Эта задача по-прежнему остается одной из насущнейших для науки о литературе.

Всероссийская научно-практическая конференция «Творчество В.Г. Распутина в контексте отечественной литературы», поддержанная Российским гуманитарным научным фондом, которая была проведена в апреле 2007 года в Сургутском государственном педагогическом университете, проходила под знаком решения этой проблемы.

В конференции приняли участие известные литературоведы из разных вузов России: Л.П. Быков (Уральский го-

сударственный университет), А.А. Дырдин (Ульяновский государственный технический университет), Ю.А. Дворяшин (Сургутский государственный педагогический университет), Ю.А. Мешков (Тюменский государственный университет), А.Н. Семенов (Югорский государственный университет). Ярким событием в ходе конференции стало участие в ее работе замечательного писателя, друга В.Г. Распутина В.Н. Крупина и главного редактора журнала «Литература в школе» Н.Л. Крупиной. Конференция вызвала широкий резонанс среди учителей-словесников Сургута и других городов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Аспиранты и студенты сургутских вузов, учащиеся школ принимали активное участие как в подготовке конференции, так и в ее работе, живо подключаясь к обсуждению докладов.

Особенно ценным для участников конференции стало записанное на видеокассету приветствие В.Г. Распутина.

В своих докладах участники конференции отметили наиболее существенные черты и качества творческой индивидуальности писателя.

Ю.А. Дворяшин

На закате минувшего века один из крупнейших отечественных литературоведов П.В.Палиевский, размышляя о нашей национальной будущности, заметил: «Приходится слышать проносимое как бы с горячим сочувствием: «Смотрите, русская литература впервые, вот уже сколько лет, живет без великих писателей, никогда этого не было». На это можно было бы ответить, - продолжает ученый – что не спешите судить нынешних, мы не знаем о них всего... Но для понимания того, что с нами происходит, нам достаточно в общенародном сознании - Шолохова, в невидимой области духа – Булгакова. С этими двумя Михаилами мы уже как-нибудь переберемся в XXI век; а там посмотрим».

И вот временной хребет преодолен, и новый век уже вступил в свои права, отсчитывая годы. Увиделось ли нам теперь что-либо такое, что было скрыто дымкой будущего еще полтора десятилетия тому назад? Думаю, что увиделось. Прежде всего, стало очевиднее, чем прежде, что наши классики, крупнейшие властители наших дум в 20 веке вовсе не остались по ту сторону черты, разделяющей столетия. Шолохов и Булгаков по-прежнему

му способны участвовать в наших поисках истины: «куда ж нам плыть?»

Но не менее важно и то, в чем все мы имеем возможность убедиться: традиция не прервана, высокие заветы человечности, любви к Отечеству и реализма не отринуты, напротив, их значимость подтверждена художественно целой плеядой русских писателей-реалистов, центральное положение среди которых по праву занимает В.Г. Распутин. Думается, что в этом восприятии и мужественном отстаивании духовно-нравственного предназначения русской литературной классики состоит в первую очередь великий смысл его подвижнической деятельности.

А.А. Дырдин

Запечатлевая картину воскресения души русского человека, утверждая, по сути, подвижнический опыт свободы духа в вере, в любви к родной земле и ее людям, В. Распутин по праву занимает место в одном ряду с такими соотечественниками, как А. Платонов и М. Шолохов, Л. Леонов и А. Солженицын, В. Шукшин и В. Белов.

Н.А. Дворяшина

Распутин – художник, не впадающий в отчаяние, не уводящий в тупик безысходности и безнадежности. Он искал и ищет созидательное начало в жизненном обвале. Не снимая ответственности за нравственный беспредел в стране, за разрушенные детские жизни со старших поколений, Распутин все же в большей мере связывает надежды на «свет в конце тоннеля» с молодым поколением. В этом плане показательны его суждения из диалога с В.Кожемяко (1998 г.): «Молодёжь-то как раз не «вышла» из России. Вопреки всему, что на неё обрушилось. <...> Молодёжь теперь совсем иная, чем были мы, более шумная, энергичная, с жаждой шире познать мир, и эту инакость мы принимаем порой за чужест. Нет, она чувствительна к несправедливости, а этого добра у нас – за глаза, что, возможно, воспитывает её лучше патриотических лекций. Она не может не видеть, до каких мерзостей доходят «воспитатели» из телевидения, и они помогают ей осознать своё место в жизни. <...> Ещё раз повторю: сбитых

с толку и отравленных, отъятых от родного духа немало. Даже много. Но немало и спасшихся и спасающихся, причём самостоятельно, почти без всякой нашей поддержки. Должно быть, при поддержке прежних поколений, прославивших Россию». Это публицистическое размышление художника подкреплено образом Ивана, сына героини повести «Дочь Ивана, мать Ивана», который, по словам В. Курбатова, «упёрся “поперёк” “улицы” и тоже не даёт её хамской силе. И не зря Распутин заставляет мальчика ухватиться за Слово, за чудо русской речи».

Может быть, и нам подсказывает писатель, на кого опираться, кому доверять, на кого надеяться. А раз так, то и мы не должны оставаться в долгу перед входящими в жизнь, помнить о «грехе неисполненного» по отношению к ним.

А.Н. Семенов

У Распутина реальность видимая и реальность иного мира одинаково подлинны, они составляют единый мир современного человека, даже когда он этой двуединости не осознает. Через то, как описаны, как “ведут себя” в тексте царский листвень, Хозяин острова, изба, символический реализм Распутина признаёт право быть символом за всякой реальностью, рассматриваемой в её сопряжении с высшими ценностями бытия современного человека. И эти высшие ценности писатель считает тоже реальностью, едва ли не более реальной в ряду реального.

Л.П. Быков

Именно радением о духовном здоровье нации в условиях, когда, по слову поэта, «времени коснулась порча», и диктуются страницы художника, современниками которого нам выпало быть. И не его вина, а наша, что, живя на той же земле в одни с художником годы, мы не в состоянии ту боль, что наполняет его слово силой, переплавить в силу нашего общего противостояния архаровщине и холуйству.

Каждый народ, как известно, имеет тех правителей, каких заслуживает. Но русскому народу повезло в том смысле, что он имел и имеет писателей, которые даны нам на вырост, писателей, наличие которых нам льстит, ибо оправдывает наше сущес-

твование. Вот и мы с вами живем не в эпоху Путина, а в эпоху Распутина. Валентина Григорьевича Распутина.

А.В. Игнатьева

Уже в рассказах первых сборников отчетливо проявляется концептуальная черта художественного мира В. Распутина - духовную память поколений способна передать только женщина-мать, которая выступает как хранительница нравственных устоев народа.

С.А. Лагереv

Слава Богу, что есть такие писатели, которые продолжают традиции великой русской литературы, которая если и показывала мерзости жизни или внутренний мир подонка, то сожалела об образе, утерянном в этом человеке, тосковала об утраченном идеале. Они возвращают нас к высотам духа, укореняют нравственный стержень личности и, что самое важное, находят нужное слово для молодого поколения, которому и вспомнить-то пока ещё не о чем, но которое непременно должно помнить, что оно русское, что корни его культуры уходят в глубь тысячелетий. «А кверху корнем, — по меткому выражению В. Распутина, — только сажа в трубе растёт». Думается мне, что произведения этих писателей, — может быть, последняя свеча в России, свет которой во тьме нам нельзя погасить.

Понимаю, что Время всё поставит на свои места. Схлынет накипь, останется настоящее, но сколько умов, и не только детских, будет засорено грязью! Да и сейчас это уже заметно. И именно в такие нелёгкие времена на плечи учителей ложится огромный груз ответственности за наше будущее. От этого и будет зависеть, кто вырастет из наших детей и внуков, которые десять лет, самые значимые годы своей жизни, проводят в школьных классах.

МУЗЕЙ М.А. ШОЛОХОВА В СУРГУТЕ

27 марта 2008 года в Сургутском государственном педагогическом университете открыт музей Михаила Александровича Шолохова. Музей создан по инициативе и под руководством известного шолоховеда, доктора филологических наук, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации Ю.А. Дворяшина. Среди экспонатов музея – уникальные (в том числе, и первые) издания произведений классика русской литературы, материалы, отражающие этапы его жизненного пути и творческой судьбы, ксерокопии рукописей, предметы казачьего обихода. Значительное место в экспозиции занимают труды сургутских исследователей, представляющих научную школу шолоховедения, а также материалы «Шолоховских дней в Сургуте», иных массовых мероприятий, посвященных создателю гениального «Тихого Дона».

В церемонии открытия музея принял участие внук писателя, директор Государственного музея-заповедника М.А. Шолохова в станице Вёшенской А.М. Шолохов.

Подробнее об открытии музея читайте в следующем номере альманаха.

ЕРЕМЕЮ АЙПИНУ - 60 ЛЕТ

27 июня 2008 года – юбилей прозаика Еремея Даниловича Айпина. Е. Айпин уроженец поселка Варъеган Сургутского (ныне - Нижневартовского) района Ханты-Мансийского автономного округа. Окончил в 1976 году Литературный институт им. А.М. Горького. Автор многочисленных книг художественной прозы и публицистики: «В ожидании первого снега» (1979), «В тени старого кедра» (1981), «Ханты, или Звезда Утренней Зари» (1990), «Божья мать в кровавых снегах» (2002), «Обреченные на гибель» (1994) и др. Активный участник общественной жизни в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре и в России. Работая представителем Президента Российской Федерации в ХМАО, избирался народным депутатом Государственной Думы России. Является депутатом Думы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Редколлегия альманаха «Сургут литературный» поздравляет Е.Д. Айпина с юбилеем и желает ему творческих успехов.

АНАТОЛИЙ ПРОХОРОВИЧ ЗУБАРЕВ

11 октября 2008 года Анатолию Прохоровичу Зубареву исполнилось бы 70 лет. Боль от его утраты все еще не утихает. Но с течением времени становится очевиднее, как много он значил в культурной жизни города. Анатолий Прохорович представлял тот редкий сегодня тип человека, который в его родной стране, в нашей России, ни к чему не был равнодушен. Он обладал удивительно тонким чутьем ко всему новому, интересному, отражающему состояние духовного мира его земляков-сургутян. Так, он стал одним из инициаторов создания и учредителем городского общественного Фонда развития российской словесности, а потом был членом его правления и активным участником мероприятий, проводимых фондом. Когда родилась идея издания городского литературного альманаха, Анатолий Прохорович горячо ее поддержал и даже согласился быть редактором его первого номера.

Незабвенны часы организационно-творческой работы, которые мы провели с Анатолием Прохоровичем в городском Доме журналистов, по праву носящего сегодня его имя. Это и в самом деле был дом А.П. Зубарева, где всякий творчески думающий человек мог услышать слово сочувствия и поддержки, получить напутствие или консультацию.

Кто-то сказал, что незаменимых людей нет. Это неправда. Подтверждением может служить судьба А.П. Зубарева. Пос-

ле его ухода в мир иной образовалась пустота, которая все еще никем не заполнена.

Верим, что светлый образ А.П.Зубарева, его замечательные дела и свершения останутся в памяти его земляков.

*Ю.А. Дворяшин,
Н.В. Ганущак,
С.А. Лагереv*

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ СУРГУТА

16 февраля 2007 года в Центральной библиотеке им. А.С. Пушкина состоялся творческий вечер, посвящённый 60-летию известного поэта Петра Суханова. Стихи поэта давно любимы сургутянами. Поздравить юбиляра пришли коллеги по писательскому цеху и представители культурной общественности города.

13 апреля в конференц-зале Центральной библиотеке им. А.С. Пушкина прошла встреча любителей литературы с доктором филологических наук, профессором Уральского университета, известным литературным критиком Л.П. Быковым.

13-14 апреля в Сургутском государственном педагогическом университете состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Творчество В.Г. Распутина в контексте отечественной литературы», посвящённая 70-летию со дня рождения выдающегося русского писателя. В конференции приняли участие не только преподаватели университета, школ города и студенты, но и учёные-филологи, приглашённые из разных городов России. Также в работе заседаний принимали участие известный русский писатель В.Н. Крупин и главный редактор журнала «Литература в школе» Н.Л. Крупина.

14 апреля в Центральной библиотеке им. А.С. Пушкина почитатели русской литературы встретились с писателем, лауреатом литературных премий В.Н. Крупиним.

24 мая в День славянской письменности и культуры, в Центральной городской библиотеке им. А.С. Пушкина состоялся праздничный вечер, посвящённый 40-летию городского литературного объединения «Северный огонёк».

6 июня в день рождения А.С. Пушкина, к памятнику великому русскому поэту благодарными жителями города были воз-

ложены цветы. По свободному микрофону все, кто пожелал, читали стихи поэта. Были объявлены победители конкурса «Мой Пушкин», который проводился работниками библиотеки среди учащихся города. Не только лауреаты конкурса, но и все принимавшие участие, были награждены дипломами и подарками.

6 июня в Центральной городской библиотеке им. А.С. Пушкина состоялась встреча с тюменским поэтом Н. Шамсутдиновым и презентация его книги стихов «Заветная беззаветность».

19 октября в конференц-зале Центральной городской библиотеке им. А.С. Пушкина прошла презентация книги «Поэту посвящается...». Редактор-составитель – руководитель Рубцовского центра Сергей Лагереv. В создании этого сборника принимали участие работники библиотеки и фонд «Словесность». Книга была издана двумя тиражами по 500 экземпляров. Финансовую помощь оказали А.Г. Елфимов (Фонд возрождения Тобольска) и директор медицинского объединения «Наджа» Н.В. Пархомович. Сборник, посвящённый памяти поэта Н. Рубцова, состоит из стихов и отрывков из статей почти 200 авторов, представляющих многие регионы России,

6 ноября в Центральной городской библиотеке им. А.С. Пушкина прошла встреча читателей с московской писательницей Л. Улицкой и директором Государственной библиотеки иностранной литературы Е.Ю. Гениевой.

30 ноября в конференц-зале Сургутского государственного педагогического университета и в Центральной библиотеке имени А.С. Пушкина были организованы встречи с московскими писателями А. Берсеновой и В. Сотниковым

19 декабря в конференц-зале Центральной городской библиотеке им. А.С. Пушкина состоялась презентация десяти поэтических сборников, изданных в юбилейном для литературного объединения «Северный огонёк» году. Презентация сборников – своеобразный творческий отчёт. Четверо авторов из десяти представленных, являются членами Союза писателей России.

«Литературная газета» № 37 за 2007 года поместила материал о выходе в Сургуте книги о поэте Николае Рубцове:

«В Сургуте вышла книга «Поэту посвящается...». В ней собраны стихи, отрывки из статей писателей, критиков, высказываний деятелей культуры и духовных лиц, посвящённые Николаю Рубцову. Составил сборник руководитель Рубцовского центра в Сургуте Сергей Лагереv. Как говорит составитель, «подбор материалов осуществляется в таком широком объёме впервые». Здесь действительно впервые можно прочитать, что думает, например, священник о гибели поэта: «... пил, кончил плохо. Нет, это всё та же битва добра и зла через чувство сердца, именуемая в аскетике духовной бранью, и своей мученической кончиной, впрочем, как у Пушкина и у Есенина, можно верить, Рубцов победил демона, живущего в его душе, «жало смерти», по слову апостола Павла».

В окружной газете «Новости Югры» от 17-23 мая 2007 года в рубрике «Год русского языка» напечатана большая статья С. Поливановой «Не обижайте Колю, Божий он человек!» Материал посвящён творчеству поэта Николая Рубцова, Рубцовскому центру в Сургуте и его руководителю Сергею Лагереvу. Журналист использовала в своей работе статью священника из уральского посёлка Новая Утка протоиерея Александра Никулина.

В газете «Вологодские новости» от 12-18 сентября 2007 года напечатана статья Надежды Крайневой «В Вологде вновь наступает «Рубцовская осень», в которой дана информация о презентации в вологодском музее Рубцова книги «Поэту посвящается...», вышедшей в городе Сургуте в Фонде «Словесность».

Газеты «Сургутская трибуна» № 200 от 20 октября 2007 года, «Вестник» № 43 от 26 октября 2007 года, «Новый город» от 27 октября 2007 года дали материалы о презентации в Центральной библиотеке им. А.С. Пушкина сборника «Поэту посвящается...», редактором-составителем которого является руководитель Рубцовского центра Сергей Лагереv.

В июле 2008 года в столице увидела свет книга основательницы московского музея Н. Рубцова – М.А. Полётовой «Пусть

душа останется чиста...» - (Москва. «Московский писатель». 2008), в которой под рубрикой «Сургут – город поэзии» автор пишет о Рубцовском центре и фонде «Словесность» в городе Сургуте.

«Литературная газета» №№ 3-4 2008 года дала информацию о выходе в Сургуте сборника «Шолоховский вестник» № 1: (Сборник статей, материалов и документов, - Сургут; Диорит, 2007), составителем которого является профессор, доктор филологических наук Ю.А. Дворяшин: «В издании, осуществлённом при поддержке губернатора Ханты-Мансийского автономного округа – Югры Сургутским государственным педагогическим университетом, представлены научные статьи, материалы и документы о жизни и творчестве Михаила Шолохова, сведения о наиболее значимых научных достижениях в современном шолоховедении. В дебютный номер издания, которое предполагается сделать периодическим, вошли статьи Александра Ушакова, Людмилы Сатаровой, Владимира Васильева. Идее преобразования мира и человека в романе «Тихий Дон» посвящено обстоятельное исследование липецкого филолога Натальи Стюфляевой, заслуживающее пристальное внимание не только специалистов по творчеству Шолохова. В специальный раздел «Классика шолоховедения» помещены статьи известного критика Петра Палиевского «Тихий Дон» М.А. Шолохова». Написанная в далёком 1980-м, статья эта до сих пор является образцом точности и свежести литературоведческих формулировок. Особый интерес представляет подборка писем к писателю от известных и неизвестных людей».

Альманах «Автограф» № 51 за 2008 год, издающийся в Вологде, разместил на своих страницах в разделе «Библиография» заметку о проведении в Центральной библиотеке города Сургута презентации книги «Поэту посвящается...», которую издал Фонд «Словесность», редактор-составитель – руководитель Рубцовского центра в городе Сургуте Сергей Лагереv. А в разделе «В мире Рубцова» напечатал статью «Из Рубцовского архива», в которой Сергей Лагереv показал новые, нигде ещё не опубликованные материалы своего рубцовского архива.

На шолоховском сайте в Интернете размещён материал Л. Акользиной «Музей Шолохова открыт в Сургуте»: «27 марта в Сургутском государственном педагогическом университете (Ханты - Мансийский автономный округ) открылся музей великого писателя М.А. Шолохова. Инициатива создания такого музея принадлежит одному из известных шолоховедов, заслуженному деятелю науки РФ, доктору филологических наук, профессору кафедры литературы и журналистики Дворяшину Юрию Александровичу. В музее представлены интересные экспонаты, связанные с жизнью и творчеством писателя, отдельный раздел посвящён Государственному

музею-заповеднику М.А. Шолохова в станице Вёшенской. Экспозиция выполнена на самом высоком современном уровне. На открытии музея в далёкий сибирский город был приглашен директор музея-заповедника, внук писателя А.М. Шолохов. Он с большим интересом познакомился с новой экспозицией и подчеркнул в беседе с журналистами: «Событие это знаковое потому, что проходит в Сургуте, а не в центральной части России. Значимо оно и тем, что мы, наконец, начинаем беречь те нравственные опоры, на которых держится наша страна». Кроме того Александр Михайлович отметил, что «все российские музеи Шолохова в той или иной степени приурочены к местам, где Михаил Александрович непосредственно бывал. В Сургуте же он не был. В этом смысле ваш музей, безусловно, первый». Открытие музея М.А. Шолохова в Сургутском педагогическом университете свидетельствует о возрастающем интересе к творчеству классика русской литературы XX века в разных уголках России».

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Городской общественный фонд развития
русской словесности «Словесность» г. Сургута

Альманах издается на средства Администрации г. Сургута
Спонсорская поддержка В.Федотова

Главный редактор Ю.А. Дворяшин

Редакционная коллегия:

В.В. Гаврилов

Н.В. Ганущак

С.А. Лагереv

Д.С. Сергеев

Адрес редакции: Тюменская область, г. Сургут, ул. Артема, 9.
Сургутский государственный педагогический университет,
корпус 2в, ауд. 403. Фонд «Словесность»

Рукописи не возвращаются. Мнения авторов публикаций
могут не совпадать с точкой зрения редакции.

При перепечатке ссылки на альманах обязательны.

Зарегистрирован Западно-Сибирским управлением
Федеральной службы по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия

16 ноября 2007 г.

ПИ № ФС 17-0816

ISBN 978-5-87247-493-7

© Фонд «Словесность», 2008

© Издательство «Зауралье»

Формат 70х108/16. Объем 10,5 физ. печ. л. Тираж 500. Заказ 1469.

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО ПК «Зауралье»

640022, г. Курган, ул. К. Маркса, 106.

